

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 4 (24)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 4 (24)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Рябов В.В.</i> главный редактор	доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Жириков И.Г.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Исаков В.А.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Кириллов В.В.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Корнилов В.А.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Карпачев С.П.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Мальшева О.Г.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Михайловский Ф.А.</i> заместитель главного редактора	доктор исторических наук, профессор
<i>Пашенцев Е.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Ртищева Г.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Сорокин А.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Уколова В.И.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Хаванов Е.И.</i>	доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Подшибякин С.С.* Деятельность меньшевистской фракции в Первой и Второй государственных думах: историография проблемы 8
- Бадиков Р.А.* «Призыв и война грозили решительно перечеркнуть мои занятия музыкой...»: к вопросу о службе Г.Х. Эйхе в период Первой мировой войны..... 14
- Гусева И.Е.* Роль журнала «Женская жизнь» в формировании нового самосознания женщин России во время Первой мировой войны 26
- Третьякова И.А., Куприна И.В.* Морские обычаи и традиции как составная часть истории флота 30

Новейшая история России

- Кириллов В.В.* К вопросу об истории модернизации в России XVIII – XX веков: общие подходы и историография..... 38
- Лопаткин И.Н.* Средства массовой информации как субъект и объект исторического процесса 56

Всеобщая история

- Орехов Р.А.* Проходил ли Синухет под стенами Мемфиса?..... 62
- Нагиев Г.Г.* Оборонительные сооружения средневековых городов Азербайджана: пути развития и особенности эволюции..... 75
- Болтаевский А.А., Прядко И.П.* Македонский тупик: к вопросу об участии Болгарии в Первой мировой войне..... 88
- Кайгусуз Дж., Фадеев А.В.* Вступление Турции в НАТО в контексте советско-турецких отношений 98

Критика. Рецензии. Публицистика

Михайловский Ф.А. Рецензия на книгу: Митина С.И. Антиох III.
Один против Рима (СПб.: Алетейя, 2014. 346 с.) 109

**Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки»,
2016, № 4 (24)..... 114**

Требования к оформлению статей..... 118

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Podshibyakin S.S.* The Activity of the Mensheviks' Faction
in the First and the Second State Dumas: Historiography of the Issue 8
- Badikov R.A.* «Call-up and War Threatened to Decisively Put
an End to My Music Lessons...»: to the Question
of H.Kh. Eiche's Duty during the First World War 14
- Guseva I.E.* The Role of the Journal «Women's Lives»
in the Formation of a New Identity Russian Women
during the First World War 26
- Tretyakova I.A., Kuprina I.V.* Marine Customs and Traditions
as an Integral Part of the History of the Navy 30

Modern History of Russia

- Kirillov V.V.* On the Problem of the History of Modernization
in Russia in XVIII–XX Centuries: General Approaches
and Historiography 38
- Lopatkin I.N.* Mass Media as the Subject and the Object
of the Historical Process 56

General History

- Orekhov R.A.* Did Sinuhe Ever Pass under the Walls of Memphis? 62
- Nagiev G.G.* Defensive Structures of Medieval Cities of Azerbaijan:
the Ways of Development and Features of Evolution 75
- Boltaevsky A.A., Priadko I.P.* The Macedonian Deadlock:
on the Problem of Bulgaria's Participation in the First World War 88
- Kaygusuz C., Fadeev A.V.* Turkey's Entry in NATO in the Context
of the Soviet-Turkish Relations 98

Criticism. Reviews. Publicism

Mikhailovsky F.A. Review of S.I. Mitina's Book «Antiochus III. Alone against Rome» (SPb.: Aleteia, 2014. 346 p.)..... 109

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies»,
2016, № 4 (24) 114

Style Sheet..... 118

История России: с древнейших времен до 1917 года

С.С. Подшибякин

Деятельность меньшевистской фракции в Первой и Второй государственных думах: историография проблемы

Статья посвящена краткому историографическому обзору парламентской деятельности меньшевистской фракции в Первой и Второй государственных думах и перспективам дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: Государственная дума; меньшевистская фракция.

Современная историческая наука лишь приступает к обстоятельному изучению истории меньшевиков. Одним из основных положений меньшевизма было признание важности использования любых форм легальной борьбы, в том числе парламентской. Поэтому меньшевики сознательно и активно участвовали в работе государственных дум. Деятельности фракции меньшевиков в Первой и Второй государственных думах до настоящего времени уделялось недостаточно внимания. Между тем исследование парламентского опыта меньшевистских депутатов в период революции 1905–1907 годов позволяет по-новому взглянуть на практику легальной политической борьбы российской социал-демократии.

Работу государственных дум Российской империи пытались осмыслить еще современники. В первые годы после Октябрьской революции продолжали издаваться научные труды, посвященные зарождению и началу деятельности государственных дум, авторами которых были непосредственные участники и очевидцы многих событий.

Научный анализ российского парламентаризма уже в 1920–1930-х годах основывался на марксистско-ленинской методологии. Внимание исследователей концентрировалось на изучении опыта деятельности думских фракций большевиков, использовании думской трибуны для пропаганды революционных идей. Политическая и законодательная деятельность Государственной

думы на долгие годы стала объектом критики. Первыми попытками проанализировать политическую борьбу в думах стали книги А.Н. Слепкова и С.Г. Томсинского [13; 15]. Однако работы изобиловали фактическими ошибками: в них была искажена деятельность меньшевиков и трудовиков.

Научные исследования деятельности государственных дум в 1930–1960-е годы были посвящены критике избирательных законов и рассмотрению вопросов, связанных с историей возникновения и функционирования Думы, и законодательной деятельностью по аграрному вопросу. Предметом особого внимания в советской литературе оставалась большевистская думская тактика и борьба большевиков за голоса избирателей в период избирательных кампаний. Деятельность остальных парламентских фракций и групп исследователей не интересовала. Несколько особняком стоит кандидатская диссертация И.Г. Фурмана [18]. В ней впервые в советской историографии подробно рассмотрен процесс образования фракций. Таким образом, исследования ученых истории российского парламентаризма в этот период страдали односторонним подходом к проблеме, но они ввели в научный оборот новые архивные материалы.

В начале 1960-х годов была издана монография С.М. Сидельникова о Первой государственной думе [12]. В ней впервые рассматривались вопросы возникновения Думы, ход избирательной кампании, деятельности нижней палаты.

Проблемы реформирования государственного строя во время Первой российской революции и создания всероссийского представительного органа получили подробное и аргументированное освещение в работе С.В. Тютюкина [16]. В ней проанализирована деятельность и меньшевистской фракции.

Изучение Первой и Второй государственных дум и действующих в них политических партий проявились в конце 1980-х годов. В работах К.В. Гусева, В.В. Корнева, В.В. Шелохаева и других исследователей появились новые оценки деятельности меньшевиков в Государственной думе, в том числе численность и их революционная деятельность вне Думы [8; 5; 10].

Аналізу зарождения российского парламентаризма начала XX века посвящено исследование, подготовленное под руководством профессора Н.Б. Селунской [14]. В работе проанализированы выборы в Государственную думу, особенности политического поведения депутатов в 1906–1907 годы, состава законодательной элиты, а также механизм деятельности российского парламента.

Особое внимание исследователи уделили вопросам функционирования политических фракций в Государственной думе. В частности, В.А. Козбаненко в своей монографии [4] изучил деятельность фракций, рассмотрел их участие в решении вопросов о власти и о земле. Ученый не оставил без внимания и проблему зарождения взаимодействия правительства и Государственной думы. Автор отметил, что партийные фракции оказались «неспособными как-либо повлиять на политику правительства и царскую власть», но их деятельность стала «интересным и своеобразным опытом отечественного парламентаризма» [4: с. 238].

Существенным вкладом в разработку исследуемой проблемы стало издание энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв.» (руководитель В.В. Шелохаев) [11]. Книга не только содержит сведения о думских лидерах, но и дает возможность познакомиться с программами и тактикой партий, играющих определяющую роль в нижней палате российского парламента. В энциклопедии достаточно много внимания уделено меньшевистским фракциям.

В 2008 году была издана энциклопедия «Государственная дума Российской империи» [2]. В ней были проанализированы процесс формирования и функционирование государственных дум. Статьи энциклопедии раскрывают правовую основу функционирования Думы, показывают результаты избирательных кампаний, дают представление о структуре нижней палаты и основных направлениях ее работы, в том числе и меньшевиков.

На рубеже XX – начала XXI веков были защищены диссертации, посвященные деятельности государственных дум. Среди них необходимо отметить исследование О.Г. Малышевой. В ее докторской диссертации исследованы причины кризиса российской государственности в начале XX века, поиск вариантов выхода из него путем создания Государственной думы и определено ее место, роль и полномочия как политического института в системе власти российской империи, проанализирован характер и особенности отношений и взаимодействия законодательной и исполнительной власти на протяжении 1906–1917 годов, а также определен позитивный опыт такого сотрудничества на отдельных этапах их деятельности [6].

Обобщение итогов предшествующих исследователей и изучение российского парламентаризма начала века было связано с углубленной разработкой конкретных вопросов истории Первой российской революции, в том числе и меньшевизма. Историография меньшевизма, следует подчеркнуть, отразила основные проблемы отечественной истории начала XX века.

«Перестройка» второй половины 1980-х годов принесла сдвиги в изучение истории меньшевизма, хотя старые концепции сдавали свои позиции очень медленно. Так, в 1988 году была опубликована книга П.А. Подболотова и Л.М. Спирина «Крах меньшевизма в советской России». Она была выдержана в традициях советской историографии, т. е. опиралась на ленинскую методологию и в основном на большевистские источники и литературу, но вместе с тем отражала и те новые веяния, которые появились в исторической науке, а именно — использование зарубежных публикаций и работ меньшевистских авторов, извлеченных из спецхрана, и новых «меньшевистских» документов из советских архивов. В работе собран большой материал о практической деятельности местных меньшевистских организаций в России [9].

Показателем перемен, происходивших в изучении истории меньшевизма, стал сборник статей «Непролетарские партии России в трех революциях» (М., 1989), хотя по объему раздел о меньшевиках был в нем значительно

скромнее разделов, посвященных «буржуазно-помещичьим» и неонародническим партиям, что отражало реальное состояние тогдашней советской историографии [8].

Распад Советского Союза позволил изучать деятельность меньшевиков на основе документов, ранее недоступных исследователям. К меньшевикам вернулись такие определения, как «марксисты», «революционеры», «сторонники демократического социализма». Процесс реабилитации дошел до меньшевистских лидеров — Ю.О. Мартова, П.Б. Аксельрода, А.Н. Потресова, И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе и др., не говоря уже о шедших вместе с меньшевиками Г.В. Плеханове и Л.Д. Троцком. Появление обширной биографической литературы об этих деятелях, несмотря на неизбежно присущий ей некоторый элемент идеализации и даже апологетики своих героев, является пока одним из главных историографических приобретений постсоветского периода [10; 11; 17].

В 2000-е годы был существенно расширен круг источников по истории меньшевистской фракции. Так, в диссертационном исследовании А.Ю. Гаврилова «Меньшевизм и российские революции начала XX века: проблемы идейной эволюции» (М, 2009) в научный оборот были введены многочисленные источники партийной периодической печати эпохи революции 1905–1907 годов. На их основе автор делает вывод, что меньшевики во время Первой российской революции сознательно сделали акцент на легальных методах борьбы, сочетая их с методом конспиративно-революционным, так характерным для большевизма [1].

Неким обобщением и подведением итогов исследования истории меньшевизма в последние два десятилетия стал курс лекций Г.Г. Касарова [3], в котором на большом фактическом материале проанализирована история идеологической и политической борьбы большевизма и меньшевизма, в том числе и во Второй Государственной думе [3].

В статье О.Н. Малышевой «Выборы в Первую Государственную думу: взгляд через столетие» рассматривается общественно-политическая ситуация, в которой зарождался российский парламентаризм, и анализируются особенности избирательной кампании по выборам в Первую Государственную думу [7].

Таким образом, на основе исследованной научной литературы можно сделать вывод, что проблема деятельности меньшевистской фракции в Первой и Второй государственных думах требует дальнейшего изучения. Наиболее важные аспекты изучения думской деятельности меньшевиков: программные положения меньшевизма относительно легальных методов борьбы и участия в буржуазных парламентах, участие в избирательных кампаниях, направления и формы деятельности меньшевиков в составе социал-демократической фракции, последствия участия в работе Первой и Второй государственных дум для депутатов-меньшевиков и для дальнейшей идейной эволюции меньшевизма.

Литература

1. *Гаврилов А.Ю.* Меньшевизм и российские революции начала XX века: проблемы идейной эволюции: по материалам партийной печати: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 515 с.
2. Государственная дума Российской империи, 1906–1917: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.
3. *Касаров Г.Г.* Меньшевики. 1903 – февраль 1917: курс лекций. М.: МГПУ, 2010. 123 с.
4. *Козбаненко В.А.* Партийные фракции в I и II государственных думах России. 1906–1907. М.: РОССПЭН, 1996. 240 с.
5. *Корнев В.В.* Вторая Государственная дума: социал-демократия и крах кадетского конституционализма // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 139–154.
6. *Мальшиева О.Г.* Государственная дума в системе власти Российской империи: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 450 с.
7. *Мальшиева О.Г.* Выборы в Первую Государственную думу: взгляд через столетие // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (20). С. 13–20.
8. Непролетарские партии России в трех революциях: сб. статей / отв. ред. К.В. Гусев. М.: Наука, 1989. 247 с.
9. *Подболотов П.А., Спириин Л.М.* Крах меньшевизма в советской России. Л.: Лениздат, 1988. 246 с.
10. Политическая история России в партиях и лицах / В.В. Шелохаев, А.Н. Боханов, Н.Г. Думова и др. М.: Терра, 1993. 363 с.
11. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: энциклопедия. М.: Росспэн, 1996. 800 с.
12. *Сидельников С.М.* Образование и деятельность Первой Государственной думы. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1962. 382 с.
13. *Слепков А.* Классовые противоречия в I Государственной думе / под общ. ред. М.Н. Покровского. Пг., 1923. 148 с.
14. Становление российского парламентаризма начала XX века / под ред. Н.Б. Селунской. М.: Мосгорархив, 1996. 282 с.
15. *Томсинский С.Г.* Борьба классов и партий в I Государственной думе. М., 1924. 174 с.
16. *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М.: Наука, 1991. 231 с.
17. *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 122–149.
18. *Фурман И.Г.* Первая Государственная дума: дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. 522 с.

Literatura

1. *Gavrilov A.Yu.* Men'shevizm i rossijskie revoljucii nachala XX veka: problemy' idejnoy e'voljucii: po materialam partijnoj pečati: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2009. 515 s.
2. Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii, 1906–1917: e'nciklopediya / otv. red. V.V. Sheloxaev. M.: ROSSPE'N, 2008. 735 s.
3. *Kasarov G.G.* Men'sheviki. 1903 – fevral' 1917: kurs lekcij. M.: MGPU, 2010. 123 s.

4. *Kozbanenko V.A.* Partijny'e frakcii v I i II gosudarstvenny'x dumax Rossii. 1906–1907. M.: ROSSPE'N, 1996. 240 s.
5. *Kornev V.V.* Vtoraya Gosudarstvennaya дума: social-demokratiya i krax kadetskogo konstitucionalizma // *Voprosy' istorii KPSS*. 1991. № 4. S. 139–154.
6. *Maly'sheva O.G.* Gosudarstvennaya дума v sisteme vlasti Rossijskoj imperii: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2001. 450 s.
7. *Maly'sheva O.G.* Vy'bory' v Pervuyu Gosudarstvennuyu dumu: vzglyad cherez stoletie // *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2015. № 4 (20). S. 13–20.
8. *Neproletarskie partii Rossii v trex revolyuciyax: sb. statej / otv. red. K.V. Gusev*. M.: Nauka, 1989. 247 s.
9. *Podbolotov P.A., Spirin L.M.* Krax men'shevizma v sovetskoj Rossii. L.: Lenizdat, 1988. 246 s.
10. *Politicheskaya istoriya Rossii v partiyax i liczax / V.V. Sheloxaev, A.N. Boxanov, N.G. Dumova i dr. M.: Terra, 1993. 363 s.*
11. *Politicheskie partii Rossii. Konecz XIX – pervaya tret' XX v.: e'nciklopediya*. M.: Rosspe'n, 1996. 800 s.
12. *Sidel'nikov S.M.* Obrazovanie i deyatel'nost' Pervoj Gosudarstvennoj dumy'. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 1962. 382 s.
13. *Slepkov A.* Klassovy'e protivorechiya v I Gosudarstvennoj dume / pod obshh. red. M.N. Pokrovskogo. Pg., 1923. 148 s.
14. *Stanovlenie rossijskogo parlamentarizma nachala XX veka / pod red. N.B. Selunskoj*. M.: Mosgorarxiv, 1996. 282 s.
15. *Tomsinskij S.G.* Bor'ba klassov i partij v I Gosudarstvennoj dume. M., 1924. 174 s.
16. *Tyutyukin C.B.* Iyul'skij politicheskij krizis 1906 g. v Rossii. M.: Nauka, 1991. 231 s.
17. *Urilov I.X.* Sud'by' rossijskoj social-demokratii // *Voprosy' istorii*. 2006. № 3. S. 122–149.
18. *Furman I.G.* Pervaya Gosudarstvennaya дума: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1950. 522 s.

S.S. Podshibyakin

**The Activity of the Mensheviks' Faction
in the First and the Second State Dumas:
Historiography of the Issue**

The article is devoted to a brief historiographical overview of the history of the parliamentary activities of the Mensheviks faction in the First and Second State Dumas and the prospects for its further study.

Keywords: State Duma; Mensheviks' faction.

Р.А. Бадиков

«Призыв и война грозили решительно перечеркнуть мои занятия музыкой...»: к вопросу о службе Г.Х. Эйхе в период Первой мировой войны

В статье автор предпринимает попытку рассмотреть содержание служебной деятельности Генриха Христофоровича Эйхе, крупного большевистского военачальника периода Гражданской войны, на начальном этапе развития его военной карьеры в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Значительное внимание уделяется проблематике эволюции внутреннего мира военачальника в указанный период и влиянию на этот процесс социально-интеллектуальной среды, а также личностей ряда сослуживцев. На основании исследования, главным образом, архивных источников представлена картина трансформации политических взглядов обер-офицера Эйхе от аполитичных, по сути, к леворадикальным, большевистским.

Ключевые слова: Г.Х. Эйхе; Красная армия; интеллектуальная биография; Первая мировая война; офицерский корпус; большевики.

Дореволюционные и ранние постреволюционные эпизоды жизни множества выдающихся военных деятелей Советской России и Белого движения периода Гражданской войны на сегодняшний день характеризуются слабой изученностью, отличаются, по справедливому утверждению историков И.А. Ковригиной и А.В. Кострова, избытком белых пятен и «полуправдой» [7: с. 57]. В этом смысле не является исключением личность и судьба красного латыша, командарма Генриха Христофоровича Эйхе (1893–1968).

В годы противостояния Эйхе возглавлял полк, группу войск, бригаду, дивизию. На исходе 1919 года он принял от М.Н. Тухачевского руководство 5-й армией. Ряд исследователей войны, в том числе Л.М. Спирина и С.Н. Шишкин, сходились во мнении, что именно «под его командованием 5-я армия зимой 1919–1920 гг. окончательно разгромила... войска Колчака...» (ГАРФ. Ф. Р-9147. Оп. 1. Д. 49. Л. 1). Пик военной карьеры Эйхе пришелся на 1920–1921 годы, когда он состоял главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики. После ухода из армии в 1922 году Эйхе не утратил связи с боевым прошлым и до последних дней плодотворно занимался изучением истории Гражданской войны.

Как правило, внимание немногих исследователей биографии Эйхе акцентировалось на рассмотрении деталей его командной работы в РККА в 1918–

1922 годы. Подобный подход естественен. Однако мы вправе обратить внимание на следующий немаловажный факт: основания деятельности и в какой-то мере потенциальной успешности Эйхе в ранге представителя корпуса красных командиров в военном и политическом смысле были заложены задолго до его непосредственного вступления в РККА в марте 1918 года. Ключевое значение здесь принадлежит «великим потрясениям» начала XX века — Первой мировой войне, которая сместила жизненные приоритеты Эйхе в пользу военной службы, и революционным событиям 1917 года, предопределившим вхождение офицера-фронтовика Эйхе, ставшего сторонником РСДРП (б), в ряды нарождающейся военной элиты Советской России, открыв ему в конечном счете доступ к высшим должностям в системе РККА.

Говоря о системе жизненных приоритетов и интересов юного Эйхе в годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне, следует принимать во внимание совершенное отсутствие их связи с военным делом. Накануне переломного 1914 года будущий командарм, по сути, представлял тип молодого интеллектуала, находившего интерес скорее в изящных искусствах и торговой деятельности.

В январе 1912 года способный юноша, только что окончивший курс Рижской городской торговой школы, принимается на работу в известное пароходное общество Helmsing & Grimm, базировавшееся в порту Риги (РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 82). Между тем главное внеслужебное увлечение Эйхе лежало в музыкальном творчестве. Юный латыш хорошо играл на мандолине, фортепиано и гитаре. Увлечение музыкой захватило Эйхе настолько, что накануне мировой войны он предпринял попытку перенести его в профессиональную плоскость. Ведомый стремлением «постичь душу музыки», Генрих в 1913 году приезжает в Берлин, где поступает на заочный факультет Берлинской консерватории по классу композиции (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 2).

Разразившаяся в июле 1914 года мировая война подвела черту под творческими планами Эйхе. Логика нарастающего противостояния вынудила его прервать обучение в консерватории на втором курсе, что явилось глубокой личной трагедией Генриха. «В двадцать один год, — вспоминал он позднее, — уже начинаешь кое-что понимать в жизни, и меня больше всего беспокоило то, что война надолго оторвет меня от моих любимых занятий и юношеских увлечений. <...> Призыв и война грозили решительно перечеркнуть мои занятия музыкой...» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 1–2). Пессимистичные ожидания Генриха, как показало время, обрели качество действительности.

Потеря статуса студента зарубежного вуза привела к тому, что в ходе призыва в Русскую армию 17 октября 1914 года Эйхе, интеллигент и интеллектуал, был определен к службе лишь в качестве обыкновенного нижнего чина (РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 2). Подобное положение вещей,

отметим, было бы невозможно в случае его принадлежности к воспитанникам высших учебных заведений. Так, при условии сохранения за собой места в консерватории (заведении I разряда) Эйхе подлежал отправке в военное училище для подготовки в качестве офицера [13] по программе 4-месячного курса [11: с. 1865]. Однако правом на эту привилегию Генрих к этому времени не обладал, что подтверждается материалами его первого послужного списка. Из текста документа следует, что при осуществлении призывных мероприятий Эйхе по уровню образования был отнесен ко II разряду (среднее образование). Основанием для этого служил представленный им аттестат Рижской торговой школы за № 303 (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174). Таким образом, формально низкий образовательный ценз Генриха, бесспорно, не отображавший реального уровня образованности, явился ключевой причиной, обусловившей его невысокое первичное положение в Русской армии.

После ряда призывных мероприятий Эйхе был направлен в ноябре 1914 года в Саратов. Здесь в 91-м запасном пехотном батальоне Казанского военного округа он проходил обучение военному делу и принял присягу (1 февраля 1915 года)¹.

С начала войны Саратов был средоточием массы формирований, по преимуществу запасных подразделений. Уже к осени 1915 года их численность составила 40 тыс. человек. Факты недисциплинированности и нарушений правопорядка составили дурную славу военнотружущим саратовского гарнизона (ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1835. Л. 22, 26, 36–38, 44–45, 51–51 об.). Проблемы с дисциплиной имели место и в 91-м запасном батальоне, где Эйхе пребывал первые месяцы службы. В этом смысле исходное впечатление латыша-интеллектуала от Русской армии вряд ли осталось положительным. Несмотря на упомянутые факты дисциплинарных нарушений, стоит подчеркнуть, что процесс обучения солдат в батальоне находился на должном уровне. Об этом свидетельствуют материалы осмотра батальона в августе 1915 г. генералом Ф.К. Язвиным [10: с. 1081–1082].

Вектор развития служебной деятельности Эйхе претерпел крупные изменения весной 1915 года. 19 мая он был откомандирован (через 90-й и 3-й запасные батальоны) в распоряжение Петроградского военного округа для прохождения курса 3-й Петергофской школы прапорщиков.

Период обучения Эйхе в школе прапорщиков берет свое начало 28 мая 1915 года, когда он прибыл в ее расположение и был зачислен в списки учащихся (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174 об.). Последовавшие за этим три месяца можно с уверенностью назвать поворотной вехой в жизни Генриха. Именно на петергофском этапе его личность претерпевает глубокую деформацию, процесс отказа от ориентиров мирной жизни, благодаря которому становится возможной выработка у него готовности к принятию роли войскового командира.

¹ Стоит отметить, что некоторые авторы ошибочно связывают начальный этап службы Эйхе с пребыванием в «...186-м Асландузском запасном полку в Саратове» (см.: [16: с. 292]).

В период войны 3-я Петергофская школа прапорщиков была известна как одна из лучших в Русской армии. По состоянию на 1915 год реальное число учебных часов (624 часа на 12 недель), выделяемых на подготовку будущих офицеров, выводило ее в лидеры среди заведений подобного профиля. Большое внимание уделялось физическому и культурному совершенствованию воспитанников. По свидетельству лидера партии кадетов П.Н. Милюкова, в школе отсутствовали наказания, функционировали кружки, «...симфонический оркестр, великорусский и духовой оркестры и хор»; в распоряжении учащихся находились гимнастический городок, школы плавания («...имеется флотилия и введен курс гребного и парусного плавания...») и верховой езды (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2135. Л. 1 об.–2). Состояние школы в 1915 году высоко оценил и известный военный педагог начала XX века генерал Б.В. Адамович, посетивший ее с инспекцией [4: с. 11–12].

Залогом качественной реализации заведением учебной программы явилось присутствие в штате значительного числа состоявшихся офицеров с боевым прошлым. Среди них выделялся начальник школы полковник барон В.К. Де Пеленберг, участник Англо-бурской, Русско-японской, Балканских, Первой мировой войн. Достойной личностью был курсовой офицер капитан Боб, под руководством которого Эйхе проходил обучение. Ветеран Русско-японской войны, он долгое время состоял преподавателем в кадетском корпусе и отличался, по утверждению историка Е.П. Тарасова, умением «...доходчиво и... на конкретных примерах раскрыть положения уставов или наставлений» [14: с. 10].

В числе воспитанников 3-й Петергофской школы Эйхе состоял на протяжении 80 дней, чуть меньше номинального 3-месячного срока, отведенного на подготовку прапорщиков пехоты. Непосредственное утверждение в офицерском чине, столь знаменательное для Эйхе, состоялось 15 августа 1915 года, в соответствии с приказом 6-й армии Петроградского военного округа № 328 (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174–174 об.; РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 1 об.–2).

Нельзя не упомянуть о том, что в 1915 году изменился также семейный статус Эйхе. После окончания школы он сочетался браком с 21-летней Марией Александровной Ивановой. Она родилась 8 января 1894 года, происходила из многодетной семьи городских обывателей, окончила Уфимское приходское училище и накануне войны проживала с семьей в Уфе (ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 1. Д. 1024. Л. 2, 4). Факт женитьбы позволяет судить об оптимистичном настроении Эйхе перед отправкой на фронт, наличии определенных планов на мирное будущее.

Пережить испытание войной Эйхе предстояло на западной окраине империи, в Гродненской губернии. Здесь с конца августа 1915 года он занял пост субалтерн-офицера одной из рот 245-го Бердянского пехотного полка 62-й пехотной дивизии². В его рядах Эйхе оставался до ноября 1917 года.

² 38-й армейский корпус 10-й армии, Западный фронт.

Развитие командной карьеры Эйхе в годы войны характеризуется в основном привязкой к одной части, но наряду с этим отличается высокой динамикой служебных перемещений. Командир бердянцев, полковник А.С. Воробьев стремился лично направлять вектор службы каждого из подчиненных офицеров, регулярно перемещая их на различные должности в границах штатного расписания. Ряду перемещений был подвергнут и прибывший прапорщик Эйхе. В результате Воробьев констатировал целесообразность его использования на разведывательной работе, задав тем самым вектор фронтовой карьеры молодого латыша.

Практика кадровых перемещений Воробьева по меркам современной теории управления является передовой. Но в офицерском корпусе образца 1914–1917 годов она вряд ли могла встретить понимание. Отрицательное отношение к фактическому «творцу» своей офицерской карьеры демонстрирует в воспоминаниях и Эйхе. В его интерпретации Воробьев предстает «совсем уж дряхлым» (хотя в августе 1915 года ему было только 54 года), «со странностями» командиром полка, который «...отводил себе душу тем, что бесконечно «тасовал»... всех подчиненных ему 70–80 офицеров, стремясь... оставить в полку о себе память понеприятнее...» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 27, 45). Подобная оценка видится предвзятой. Инициированные Воробьевым перемещения и командировки Эйхе однозначно пошли ему же во благо. Благодаря «школе» Воробьева Эйхе овладел навыками разведывательного, кавалерийского, стрелково-артиллерийского дела и противовоздушной обороны, и вырос во всесторонне подготовленного офицера. Строго говоря, именно Воробьеву принадлежит честь формирования Генриха как военного специалиста широкого профиля.

Связь карьеры Эйхе со службой разведки, к которой он был определен решением Воробьева в октябре 1915 года, была продолжительной. На работу Генриха в этой сфере приходится 14 месяцев, чуть менее половины общего времени его службы в действующей армии (32 месяца) в мировую войну. Соответствующие специфические навыки он развил, изначально занимая самостоятельные должности сначала начальника полковых команд пеших разведчиков (октябрь 1915 года – январь 1916 года), а затем — конных разведчиков (январь – июнь 1916 года, ноябрь 1916 года – март 1917 года). Последняя создавалась под непосредственным руководством Эйхе. Отобрав наиболее находчивых солдат, Генрих был командирован с ними 5 марта 1916 года в Тамбов для обучения конно-разведывательной службе на базе 7-го запасного кавалерийского полка (РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29). Несмотря на завоевание положения лидера в сформированной команде, Эйхе по возвращении в полк был почти сразу же переведен на должность ротного командира с производством в мае 1916 года в чин подпоручика (со старшинством с 6 января 1916 года).

Опыт службы Генриха в армейской пехоте был сравнительно коротким, ограничившись в 1916 году пятью месяцами руководства стрелковой ротой

(июнь – сентябрь, ноябрь) и одним месяцем (октябрь) пребывания временно исполняющим должность командира 1-го батальона (четыре роты) 245-го Бердянского полка (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2). Но на этот период с психологической точки зрения пришлось наиболее тяжелые для юного офицера бои. Речь идет о ряде столкновений 10-й армии с германскими войсками в районе местечка Крево Виленской губернии и города Сморгонь Гродненской губернии. Именно здесь он впервые увидел разрушительные последствия действия химического оружия. Лично участвовать в отражении газовой атаки молодому офицеру довелось в январе 1917 года (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 32).

Последние месяцы существования Русской армии Эйхе занимал привычный пост начальника полковой команды конных разведчиков (с ноября 1916 года). Деятельность в рамках сплоченного коллектива позволила ему в предреволюционное время сблизиться с солдатской массой, понять психологию нижних чинов, среди которых Эйхе, по утверждению историка И.Е. Молокова, прославился «...чутким, внимательным отношением...» [8: с. 100]. Достойной репутацией пользовался Генрих и в офицерской среде. Подтверждением этого служит наделение его в том же ноябре 1916 года правами члена полкового суда чести по совместительству с основной должностью (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.).

Определение поведенческой модели Эйхе после крушения царского режима представляет сложность. В советское время в силу особенностей конъюнктурного характера возобладало мнение, что с первых дней революции Эйхе «без колебаний» принял лозунги большевиков и начал агитировать в пользу РСДРП (б) (см.: [НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/127. Л. 1; 5: с. 153; 8: с. 100]). И поныне в отдельных изданиях его именуют не иначе как «революционером» (см.: [6: с. 308]). Данный тезис не соответствовал действительности. Рефлексируя в 1960-е годы по поводу собственного состояния в указанное время и настроений, царивших в армии, Эйхе указывал, что «февраль, март и почти весь апрель мы так и прожили в неопределенности... царь ушел, но весь... армейский аппарат остался» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 45–46).

На протяжении первых месяцев 1917 года Эйхе, как представляется, придерживался критических, умеренно демократических, но неопределенных в политическом смысле (аполитичных, по сути) взглядов. В этой связи выдвинутый нами ранее тезис о проведении им большевистской агитации нужно признать ошибочным [1: с. 47]. Более того, имеющиеся ныне в нашем распоряжении сведения позволяют заключить, что в период существования Временного правительства Эйхе считался «благонадежным» офицером. Он не был отчислен в резерв, не подвергался взысканиям или надзору, но стремительно продвигался. Уже в марте 1917 года Генрих был произведен в поручики (со старшинством с октября 1916 года), а в октябре, накануне падения

правительства А.Ф. Керенского, — в чин штабс-капитана (со старшинством с мая 1917 года)³. С этой точки зрения вполне объяснимым видится избрание лояльного офицерской среде, но умевшего находить общий язык с солдатами поручика Эйхе в марте 1917 года товарищем председателя полкового комитета 245-го Бердянского полка (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.).

Будучи в марте – октябре 1917 года товарищем председателя полкового комитета, Эйхе проявил себя энергичным, добросовестным и тактичным офицером. Нередко ему доводилось разрешать масштабные конфликты внутри полка, на которые не мог повлиять председатель комитета, эсер Пионтковский, бывший рабочий из Петрограда. Это представляется тем более удивительным, что данный пост Эйхе совмещал с руководством комиссией по вопросам продовольственного и вещевого снабжения полка, взявшей на себя управление сферой, традиционно вызывавшей наибольшие нарекания солдат (РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29).

Говоря о линии поведения Эйхе в период между февралем 1917 года и Октябрьским переворотом, следует подчеркнуть, что в основе ее оставались императивы сохранения боеспособности полка. В этом плане он действовал сообразно с установками Временного правительства. В своих воспоминаниях Эйхе, как это ни удивительно, писал о недопустимости работы в такое время «...каких-то провокаторов, заинтересованных вызвать в полку беспорядки...», а также подчеркивал, что «...рядом был внешний враг... который... постарается воспользоваться наступившими неурядицами, если в армии начнется внутренняя борьба» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 47, 80).

Тем не менее незадолго до прихода к власти большевиков в мировосприятии Эйхе, как нам видится, происходит поворот к леворадикальным, большевистским идеям. Решающее значение здесь имели события июня – августа 1917 года, связанные с неудачным летним наступлением, в котором Эйхе участвовал как офицер 10-й армии, а также с мятежом генерала Л.Г. Корнилова. Внешние раскол в среде офицерства, эти события оказали «революционизирующее» воздействие на Эйхе и явились фоном для эволюции его взглядов: от умеренно демократических к леворадикальным. Здесь мы согласимся с А.А. Буравченковым, относившим Эйхе накануне октября к ряду «революционно настроенных» офицеров [2: с. 105–106]. Вместе с тем летом и осенью 1917 года Эйхе скрывал свои симпатии к большевикам, так как в комитете полка и вышестоящих комитетах были сильны позиции эсеров и меньшевиков. Еще в июле 1917 года представители комитетов 38-го армейского корпуса, в числе которых были делегаты 245-го полка, на ряде съездов подчеркивали важность борьбы с «анархо-большевистскими» устремлениями

³ Следует отметить, что к октябрю 1917 г. Эйхе был удостоен стандартного комплекта орденов, на которые он мог претендовать по чину: орденов Св. Анны II ст. с мечами, III ст. с мечами и бантом, IV ст., Св. Станислава II ст. с мечами, III ст. с мечами и бантом (РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 1 об.).

(ГАРФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 69–70). Откровенно антибольшевистской была позиция командира корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого [3: с. 211]. В силу этих обстоятельств большевистские убеждения Эйхе вплоть до октября носили скорее латентный характер и почти не отражались на характере его работы в комитете.

Уместно заметить, что катализатором процесса «большевизации» выступила сама среда, окружавшая Эйхе в последние дни власти Временного правительства. Антивоенный настрой его сослуживцев, солдат 62-й пехотной дивизии, достигает в это время наивысшей степени. В резолюции, направленной ими 8 октября 1917 года в адрес ВЦИК прямо указывалось: «...не пора ли нам окончить эту проклятую кровопролитную бойню. Довольно губить нам своих товарищей и проливать кровь... <...> Если вы не обратите на это внимание... мы тогда оборачиваем свои пушки, пулеметы и штыки...» (ГАРФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 539. Л. 172). Неизменно находясь в общении с чинами Бердянского полка и 62-й пехотной дивизии, штабс-капитан Эйхе разделил с ними стихийные надежды на заключение мира, которые на тот момент солдаты ассоциировали с волей РСДРП (б). Именно поэтому революционный подъем октября 1917 года был встречен Эйхе с энтузиазмом.

Реализовывать курс РСДРП (б) на первых порах после переворота коллектив Бердянского полка доверил штабс-капитану Эйхе. Как наиболее демократически настроенный офицер, он был утвержден в должности председателя полкового Военно-революционного комитета (ВРК). Данный пост Эйхе занял путем открытого голосования солдат уже 29 октября 1917 года при одновременном его делегировании в ВРК 62-й пехотной дивизии (РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 2 об.).

Октябрьский переворот, ликвидировавший традиционную систему чинопроизводства и продвижения, в случае с Эйхе обладал ценностью экстраординарного «социального лифта». Не задерживаясь в системе комитетов дивизии, он почти сразу же переходит на работу в армейский ВРК — руководящий центр 10-й армии. Принявший «руководство всей политической, активно-боевой и хозяйственной частью 10-й армии...» (цит. по: [9: с. 106]), ВРК был образован в ходе состоявшегося в Молодечно 7–10 ноября 1917 года III армейского съезда. Путем голосования 600 делегатов подразделений армии в его состав наряду с революционерами В.И. Яркиным, Ф.К. Эйзенармом, А.М. Хановым и др. был избран штабс-капитан Эйхе. В коллективе ВРК он стал единственным офицером.

Природа деятельности Эйхе в бытность членом ВРК 10-й армии (с 5 января 1918 года — Президиум армейского Совета депутатов) отличалась от иных этапов его службы в 1914–1922 годах, прежде всего, фактическим отсутствием его вовлеченности в боевую работу.

Несмотря на то что из коллектива армейского ВРК/Президиума один Эйхе обладал практикой организации планирования и применения армейских сил, сфера приложения его усилий изначально исчерпывалась политической работой. Так,

в период выборов в Учредительное собрание в конце 1917 года Эйхе руководил работой одного из избирательных участков 10-й армии (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 104). После этого Генрих назначается руководителем редакционной комиссии «Бюллетеня армейского Совета депутатов 10-й армии». Данный побочный пост он занимал вплоть до ликвидации Совета в феврале 1918 года. Наконец, в период между 10 и 14 декабря 1917 года Эйхе был удостоен чести войти в руководящий партийный центр 10-й армии — бюро фракции РСДРП (б) при армейском комитете [3: с. 468]. Хотя Эйхе занял здесь скромную должность секретаря, важно отметить, что положение, которое он обрел, было весьма значительным. В конце декабря 1917 года решением партийной конференции 10-й армии бывший офицер был принят в члены РСДРП (б).

Говоря об организационном компоненте работы Эйхе в ВРК/Президиуме, следует учитывать, что на рубеже 1917–1918 годов 10-я армия представляла сложно управляемую массу, склонную к дезертирству и с трудом подчинявшуюся указаниям выборных командиров и комитетов (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 437. Л. 47). Один из симптомов разложения армии — самовольный уход частей из боевой линии в тыл, что имело место, например, в конце ноября 1917 года со 132-й пехотной дивизией. В данном случае актив ВРК, включая Эйхе и Яркина, предпринимал попытки убедить солдат дивизии не открывать фронт армии на важнейшем сморгонском направлении и дожидаться смены 51-й пехотной дивизией. Тем не менее усилия высшего органа 10-й армии, состоявшего почти полностью из большевиков, как видно из рапорта командующего армией С.М. Шейдемана от 29 ноября 1917 года, остались тщетными (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 432. Л. 7–7 об.). В сложившихся условиях военно-организационная функция ВРК/Президиума и подчиненной ему Военной комиссии, в которую с января 1918 года вошел Эйхе, строго говоря, сводилась к реализации только демобилизационных и ликвидационных мероприятий в пораженных разложением соединениях армии. Один из товарищей Эйхе по Президиуму, Эйзенарм, в этой связи откровенно указывал в начале февраля 1918 года, что «многие наши комиссары (члены Совета. — Р. Б.) совсем утратили свои функции, как например, военная, оперативно-боевая, их работа почти целиком перешла в бюро по демобилизации» (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 9. Д. 2. Л. 21).

Более созидательный характер работа Эйхе приобрела после обнародования Декрета о создании РККА. Введенный в январе 1918 года в состав Коллегии по формированию красноармейских частей при армейском Совете депутатов 10-й армии (с 10 февраля — полевой штаб армии), Эйхе проявил себя в роли военного организатора (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.). При его участии был создан ряд большевистских формирований из числа добровольцев 10-й армии. С этими отрядами связан и единственный эпизод боевой работы Генриха в бытность членом ВРК/Президиума армии. Речь идет о его участии в ряде столкновений с силами Польского корпуса у Молодечно (мятеж генерала Довбор-Мусницкого).

Характеризуя в целом работу Эйхе в составе ВРК/Президиума армсовета 10-й армии в ноябре 1917 года – феврале 1918 года, следует констатировать: несмотря на проявленные им энергичность и деловую хватку, действия его в данном органе отличались слабым пониманием механизма принятия управленческих решений на армейском уровне и дилетантизмом в вопросах военного управления. По своему жизненному и служебному опыту Генрих еще не был готов к подобной работе. Несостоятельность в этом смысле продемонстрировали, по сути, все члены Президиума, лишь волею случая поставленные во главе тысяч военнослужащих. Так, в период наступления германских сил в феврале 1918 года, когда 10-я армия в панике отходила на Минск, Президиум не нашел иного пути как самоустраниться от управления армией. Не организовав сопротивления даже имевшимся большевистскими отрядами, которые должны были «...служить как материальная опора советской власти...» (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 437. Л. 14), комитетчики, включая Эйхе, сочли возможным эвакуироваться в Минск. Последующее решение членов Президиума было еще более неприглядным. «Ввиду упорных слухов, — вспоминал Эйхе, — что впереди железную дорогу контролируют враждебные Советам войска, решено было наш армейский ВРК (Президиум. — *Р. Б.*) распустить (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 103–104). Участь брошенных на произвол судьбы сил 10-й армии оказалась трагичной.

Оставшись в результате указанных выше событий не у дел, без должности, Эйхе под видом рядового добирается к исходу февраля 1918 года до Смоленска, где на тот момент находилось управление Западного фронта. После недельного пребывания здесь бывший комитетчик добивается предоставления ему отпуска с правом отъезда в Москву, где жили после эвакуации из Риги его родители Христоф и Лина Эйхе, а также супруга Мария Александровна и дочь Нелли. На этом многолетняя служба Эйхе в 10-й армии и вместе с тем его участие в мировой войне подошли к концу. Дальнейший путь будущего командарма вновь приведет его в Смоленск в марте 1918 года. Здесь он получит свое первое назначение на пост командира полка в рядах формируемой РККА и начнет службу, по сути, с чистого листа.

Литература

1. *Бадиков Р.А.* Генрих Христофорович Эйхе // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 45–59.
2. *Буравченков А.А.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Выща школа, 1988. 141 с.
3. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: сб. док. / сост. В.Н. Базанов и др. М.: Наука, 1982. 608 с.
4. Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань: Умидь, 1917. 95 с.
5. *Дашков С.Е.* О командарме Пятой // Сибирские огни. 1974. № 2. С. 151–158.

6. *Звягин С.П.* В.Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2012. 342 с.
7. *Ковригина И.А., Костров А.В.* П.Н. Врангель в Иркутске (1902–1906 гг.): «документальные жизнеописания» и архивные документы // Новый исторический вестник. 2012. № 2. С. 57–65.
8. *Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893–1968) // Герои огненных лет: очерки. Омск: Омск. кн. изд-во, 1989. С. 99–108.
9. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: сб. док. / под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Наука, 1973. 455 с.
10. Приказ Казанскому военному округу № 991 от 18 сентября 1915 г. // Приказы Казанскому военному округу. 1915 г. Казань: [Б.и.], 1915. С. 1081–1097.
11. Приказ по Военному ведомству № 689 от 20 октября 1914 г. // Приказы по Военному ведомству. 1914 г. Пг.: [Б.и.], 1914. С. 1864–1868.
12. Разгром Колчака: сб. воспоминаний / сост. Л.М. Спирин. М.: Воениздат, 1969. 295 с.
13. Русский инвалид. 1914. 7 ноября.
14. *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. М.: Воениздат, 1975. 151 с.

Literatura

1. *Badikov R.A.* Genrix Xristoforovich E'jxe // Voprosy' istorii. 2015. № 1. S. 45–59.
2. *Buravchenkov A.A.* V nogu s revolyuciej. Demokraticheskoe oficerstvo v Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Kiev: Vy'shha shkola, 1988. 141 s.
3. Vojskovy'e komitety' dejstvuyushhej armii. Mart 1917 g. – mart 1918 g.: sb. dok. / sost. V.N. Bazanov i dr. M.: Nauka, 1982. 608 s.
4. Vy'derzhki iz donesenij Voennomu ministru general-majora Adamovicha ob osmotre shkol podgotovki praporshhikov pexoty'. Kazan': Umid", 1917. 95 s.
5. *Dashkov S.E.* O komandarme Pyatoj // Sibirskie ogni. 1974. № 2. S. 151–158.
6. *Zvyagin S.P.* V.N. Pepelyaev: sud'ba liberala iz Sibiri v nachale XX veka. Tomsk: Izd-vo Tomsk. politexn. un-ta, 2012. 342 s.
7. *Kovrigina I.A., Kostrov A.V.* P.N. Vrangel' v Irkutske (1902–1906 gg.): «dokumental'ny'e zhizneopisaniya» i arxivny'e dokumenty' // Novy'j istoricheskij vestnik. 2012. № 2. S. 57–65.
8. *Molokov I.E.* G.X. E'jxe (1893–1968) // Geroi ognenny'x let: ocherki. Omsk: Omsk. kn. izd-vo, 1989. S. 99–108.
9. Oktyabr'skaya revolyuciya i armiya. 25 oktyabrya 1917 g. – mart 1918 g.: sb. dok. / pod red. L.S. Gaponenko. M.: Nauka, 1973. 455 s.
10. Prikaz Kazanskomu voennomu okrugu № 991 ot 18 sentyabrya 1915 g. // Prikazy' Kazanskomu voennomu okrugu. 1915 g. Kazan': [B.i.], 1915. S. 1081–1097.
11. Prikaz po Voennomu vedomstvu № 689 ot 20 oktyabrya 1914 g. // Prikazy' po Voennomu vedomstvu. 1914 g. Pg.: [B.i.], 1914. S. 1864–1868.
12. Razgrom Kolchaka: sb. vospominanij / sost. L.M. Spirin. M.: Voemizdat, 1969. 295 s.
13. Russkij invalid. 1914. 7 noyabrya.
14. *Tarasov E.P.* Kraskom Genrix E'jxe. M.: Voemizdat, 1975. 151 s.

R.A. Badikov

**«Call-up and War Threatened to Decisively Put an End to My Music Lessons...»:
to the Problem of H.Kh. Eiche's Duty during the First World War**

In the article the author attempts to consider the content of Heinrich Khristoforovich Eiche's duties, who was a leading Bolshevist commander of the Civil War period, at the initial stage of his military career during the First World War (1914–1918). Considerable attention is paid to problems of the evolution of the inner world of a military commander during the mentioned period as well as influence of social intellectual environment on this evolution process as well as the influence of number of comrades-in-arms personalities. Mainly based on the study of archive sources, the author shows a transformation of political opinions of a senior officer Eiche from apolitical, in fact, to left-wing radical, Bolshevist.

Keywords: H.Kh. Eiche; Red Army; intellectual biography; World War I; officer corps; Bolsheviks.

И.Е. Гусева

Роль журнала «Женская жизнь» в формировании нового самосознания женщин России во время Первой мировой войны

В статье рассмотрено изменение роли женщин России в обществе и семье в начале XX века на примере журнала «Женская жизнь». Цель статьи — проанализировать влияние Первой мировой войны на рост самосознания женщин России, на формирование у них новых жизненных ориентиров; показать, как журнал «Женская жизнь» прославлял подвиг русских женщин на войне и в тылу, как воспитывались патриотические чувства и изменялось мировоззрение женщины. Задачей является показать отражение журналом «Женская жизнь» изменения роли русской женщины в общественной, политической и семейной жизни.

Ключевые слова: женская пресса; феминистка; гражданка; патриотизм.

В период Первой мировой войны общее число публикуемых книг, газет и журналов сократилось. И на этом фоне российским женщинам удалось открыть журнал «Женская жизнь», на страницах которого публиковались статьи, посвященные социальному положению и общественной деятельности женщин России.

В отечественной историографии женской печати в условиях мировой войны уделено мало внимания. В связи с этим необходимо отметить статью Е.А. Токаревой «Печать и государственная власть в Российской империи в начале XX века», в которой проанализирована роль печати в формировании общественного отношения к социально-политическим проблемам власти как к главному вектору развития ее институтов [10]. Работа Е.А. Токаревой определила ряд направлений в изучении российской печати, в том числе создание журнала, освещающего общественную жизнь женщин.

Первая мировая война создала предпосылки для формирования нового статуса русской женщины в обществе. На примере журнала «Женская жизнь» в статье анализируется изменение роли женщины России в общественной и личной жизни, так как многие женщины подчинили свою работу потребностям фронта и тыла.

Первая мировая война стала причиной открытия нового женского журнала под названием «Женская жизнь» (1914–1916 гг.). В первом номере редакция объяснила причину его появления: «Когда мировые события всколыхнули мир, редакция «Журнала для хозяек и Женская жизнь» не сможет охватить

всю информацию, чтобы восполнить пробел. Редакция решила выпускать новый двухнедельный иллюстрированный журнал... Новый журнал «Женская жизнь» будет давать сведения о военных событиях, о деятельности женщин в связи с войной, откликнется на все темы и вопросы, интересующие женщину» [7].

Этот журнал можно отнести к феминистским изданиям, которые выступали за расширение прав женщин, рассказывали о трудностях в деле достижения равноправия с мужчиной. Феминистская направленность журнала подтверждалась и тем, что некоторые его сотрудницы, как например, Е.В. Выставкаина, Л.Н. Рыжова, являлись участницами женского движения.

Авторы женских журналов, в том числе и журнала «Женская жизнь», следили за событиями на фронте и в тылу, инициировали общественную деятельность женщины в помощь русской армии. Начало Первой мировой войны рассматривалось как начало нового этапа в жизни женщин, которые будут оказывать помощь армии, а также займут освободившиеся места на производстве в связи с уходом мужчин на фронт. Журнал «Женская жизнь» не только освещал ход войны, но и печатал фронтовые письма, фотографии женщин, принимавших участие в боевых действиях, рассказывал о делах милосердия и благотворительности, писал о пожертвованиях в пользу фронта, пошиве одежды для солдат и т. д. По мнению издателей, все это способствовало воспитанию патриотических чувств в женской среде.

Редакция стремилась сделать свой журнал «твердым руководителем в общественной жизни женщины» [5]. Статьи, публикуемые в журнале, представляли новый идеал современной женщины — свободной, дисциплинированной и независимой. Женщина завтрашнего дня становится «женщиной — гражданкой... Она сбрасывает опостылевшее рабство и из рабы делается госпожой» [12]. Таким образом, задачей журнала было будить женскую мысль, развивать самосознание, возбуждать интерес к общественным вопросам. В этом состоит отличие нового журнала от других женских изданий начала XX века, которые в основном являлись средством развлечения.

Во время Первой мировой войны одним из главных был вопрос об участии женщин в войне. Журнал «Женская жизнь» отмечает расширение поля деятельности женщин. Например, они стали работать наравне с мужчинами по рабочим специальностям: кондукторами, работниками на пароходстве и железных дорогах и т. д. Получило распространение движение сестер милосердия. Силами женщин открывались приюты для беженок, детские сады для детей солдат, бесплатно оказывалась юридическая помощь женам военнослужащих. Сестры милосердия признавались героинями, им посвящались стихи и печатались фотографии. «Когда началась война, женщина сосредоточенно задумалась над вопросом, как и в какой степени должна она приносить свои силы в общественной работе. Большинство разрешило вопрос прямолинейно — пошло в сестры милосердия. Война породила идею всеобщей воинской повинности. Это ново даже для тех, кто мечтал о равноправии женщин» [11].

Особо журнал отмечал тех, кто занимался благотворительностью. Одной из первых, кто откликнулся на призыв о помощи, была М.С. Морозова, открывшая приют для беженцев, организовавшая лазарет и бесплатную столовую.

Как феномен отмечалось участие женщин в боях. Война побудила часть женщин к самоорганизации с целью участия в боевых действиях. «Мы видели женщин, выросших духовно до высшего понятия гражданского долга. Женщина входит в жизнь как равная всем, как гражданка своего отечества. Она становится солдатом, с той лишь разницей, что солдат призван, а она пришла сама. Она доброволец» [2: с. 2].

Женщины традиционного патриархального склада также были героями статей «Женской жизни». Это жены крестьян, ушедших на войну. Авторы обратили внимание и на то, что война подействовала на семейную жизнь, давая в некоторых случаях положительный результат. «...Это касалось пар, у которых брак был несчастлив. В этих случаях разлуки и тревога, рожденные войной, вносили струю обновления. Война послужила залогом духовной спайки семей» [3].

Самым крупным жанром журнала были повести, раскрывающие новые взгляды женщины. Поэзия отображала женские занятия во время войны: шитье и вязание для солдат и раненых, молитвы, колыбельные песни, а также образ женщины-военного.

Подводя итог, можно отметить, что главными героинями журнала «Женская жизнь» стали женщины, которых интересовал не только домашний очаг, но и государственные проблемы. Во время Первой мировой войны женщина преодолевала свою ограниченную роль домохозяйки и становилась самостоятельной личностью. Журнал называет ее «новой», так как возросла ее роль в обществе. Причиной тому была Первая мировая война.

Литература

1. *Адашев Ник.* Темы дня // Женская жизнь. 1915. № 8. С. 4.
2. *Анский Ив.* Новые ценности // Женская жизнь. 1915. № 4. С. 1–2.
3. *Вольд.* Война и личная жизнь // Женская жизнь. 1915. № 7. С. 4.
4. *Демич П.* Война и арестантки московских тюрем // Женская жизнь. 1915. № 13. С. 3–5.
5. *На рубеже* // Женская жизнь. 1915. № 1. С. 2.
6. *Новогоднее* // Женская жизнь. 1916. № 1. С. 1–2.
7. *От Редакции* // Женская жизнь. 1914. № 1. С. 1.
8. *Самарский А.* Огонь милосердия // Женская жизнь. 1914. № 2. С. 12.
9. *Тихова.* В дни невзгод // Женская жизнь. 1915. № 8. С. 1–3.
10. *Токарева Е.А.* Печать и государственная власть в Российской империи в начале XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (20). С. 21–24.
11. *Успенская А.Н.* Женская повинность // Женская жизнь. 1915. № 3. С. 3.
12. *Федяй М.* Женщина завтрашнего дня // Женская жизнь. 1916. № 6. С. 5.

Literatura

1. *Adashev Nik.* Temy' dnya // *Zhenskaya zhizn'*. 1915. № 8. S. 4.
2. *Anskij Iv.* Novy'e cennosti // *Zhenskaya zhizn'*. 1915. № 4. S. 1–2.
3. *Vol'd.* Vojna i lichnaya zhizn' // *Zhenskaya zhizn'*. 1915. № 7. S. 4.
4. *Demich P.* Vojna i arestantki moskovskix tyurem // *Zhenskaya zhizn'*. 1915. № 13. S. 3–5.
5. *Na rubezhe* // *Zhenskaya zhizn'*. 1915. № 1. S. 2.
6. *Novogodnee* // *Zhenskaya zhizn'*. 1916. № 1. S. 1–2.
7. *Ot Redakcii* // *Zhenskaya zhizn'*. 1914. № 1. S. 1.
8. *Samarskij A.* Ogon' miloserdiya // *Zhenskaya zhizn'*. 1914. № 2. S. 12
9. *Tixova.* V dni nevzgod // *Zhenskaya zhizn'*. 1915. № 8. S. 1–3.
10. *Tokareva E.A.* Pechat' i gosudarstvennaya vlast' v Rossijskoj imperii v nachale XX veka // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2015. № 4 (20). S. 21–24.
11. *Uspenskaya A.N.* Zhenskaya povinnost' // *Zhenskaya zhizn'*. 1915. № 3. S. 3.
12. *Fedyaj M.* Zhenshhina zavtrashnego dnya // *Zhenskaya zhizn'*. 1916. № 6. S. 5.

I.E. Guseva

**The Role of the Journal «Women's life»
in the Formation of a New Identity of Russian Women during the First World War**

The paper considers the changing role of women of Russia in the early XX century in the society and family on an example of the journal «Women's life». The purpose of the article is to analyze the impact of World War I on the growth of self-consciousness of Russia's women, on the formation of their new life guidelines. The author shows how the magazine «Women's life» glorified the feat of Russian women in war and in the rear, how the patriotic feelings were fostered and the world outlook of women changed. The objective is to show the reflection the changing of the role of a Russian woman in the public, political and family life by the magazine «Women's life».

Keywords: women's press; a feminist; citizen; patriotism.

**И.А. Третьякова,
И.В. Куприна**

Морские обычаи и традиции как составная часть истории флота

В статье рассматриваются основные обычаи, ритуалы и традиции, сложившиеся в истории мореплавания и судостроения, анализируются причины их появления и дальнейшей трансформации. На конкретных примерах показана историческая преемственность в их неукоснительном соблюдении и выполнении моряками разных стран.

Ключевые слова: флот; морские традиции; обычаи; ритуал; суеверия; Нептун; экватор; «крещение корабля».

С глубокой древности первые мореплаватели, находясь в открытом водном пространстве, создавали, формировали и моделировали определенные ритуальные действия, призванные сохранить жизни мореходов, не имевших в своем распоряжении ни надежных судов, ни точных навигационных средств судовождения. Скрепленная для всех единая ритуальная система в сочетании с опытом, интуицией и удачей способствовала благоприятному плаванию и скорейшему возвращению на берег.

Следует признать, что с развитием и совершенствованием мореплавания арсенал морских ритуалов, традиций и суеверий не канул в Лету, но, пройдя через определенную трансформацию, адаптировался к реальной действительности, обеспечив себе преемственность в сознании современных моряков.

В рукописно-документальном фонде военно-исторического музея Тихоокеанского флота (ТОФ. Д. 5. Л. 4) хранится дневник одного из участников Цусимского боя, прапорщика Дмитрия Филипповича Михайлова, проходившего службу на крейсере 1-го ранга «Светлана». Написанный на основе вахтенного журнала дневник со скрупулезной точностью воссоздает трагическую картину боя [7: с. 78]. Когда гибель крейсера стала очевидной, «...было приказано доставить койки, спасательные круги и пояса, — пишет Михайлов. Раненых привязывали к койкам, надевали на них пробковые пояса и выносили наверх. Затем командир (капитан 1-го ранга С.П. Шеин. — *Авт.*) разрешил оставить крейсер. Из всех трюмов люди шли на бак, где было удобно войти в воду, и тут разрывавшиеся снаряды осыпали их осколками» (ТОФ. Д. 5. Л. 4). Сам Михайлов, находившийся в течение всего неравного боя в машинном отделении, вышел на палубу одним из последних, когда на ней не осталось никаких спасательных средств. Не умея хорошо плавать, он был в нерешительности —

бросаться ли в воду. На палубе лежала икона Николая Чудотворца. Михайлов взял ее, бросился в море — и остался жив. В настоящее время икона, ставшая семейной реликвией, бережно хранится у правнуков Дмитрия Филипповича во Владивостоке.

Почему же именно икона Николая Чудотворца была на корабле? Дело в том, что именно этот святой считается самым почитаемым на российском флоте. Это связано в первую очередь с существующей иерархией небесных покровителей. Все святые, за исключением Николая, могут оказывать помощь страждущим только с позволения Всевышнего. Лишь покровителю моряков «Божья милость дарована вперед», а значит, в ситуациях выбора между жизнью и смертью, когда на счету каждая минута, он может действовать самостоятельно, не согласовывая свои действия с Богом. В этой связи 6 декабря — день смерти Николая Чудотворца — считался у русских моряков несчастливым днем. В этот день они должны были молитвами славить своего защитника и покровителя.

Не менее опасными датами были 31 декабря (день, когда повесился Иуда), первый понедельник апреля (день рождения Каина и день убийства им своего родного брата Авеля), второй понедельник августа (день гибели городов Содомы и Гоморры). Для большинства моряков и пятница, особенно тринадцатого числа, была и до сих пор остается совершенно неприемлемым временем для выхода в море. Истоки данного суеверия имеют прямую связь с христианской традицией, согласно которой все пятницы были объявлены церковью скорбными днями, поскольку именно в этот день недели был распят Иисус Христос. Другим «несчастливым» днем для моряков был понедельник. В соответствии с древними мифами корни этого поверья уходят в глубь веков. Так, у древних язычников понедельник считался связанным с богиней ночи и мрака, днем темных враждебных человечеству сил. У римлян понедельник был посвящен Луне — богине ночи темного ада. Отсюда у многих народов понедельник был тесно связан с представлениями о Луне. Существует религиозное предание о том, что в понедельник злые духи «отпали» от Бога и были низвергнуты с неба, что положило начало злу на земле. Таким образом, понедельник воспринимался как день зла и несчастья. В качестве примеров сошлемся на воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда даже необыкновенно смелые и рассудительные асы, которых боялись немцы, старались выходить в боевой поход либо за несколько минут до начала понедельника, либо в самом начале вторника [4].

Стараются соблюдать это негласное морское правило и моряки современного флота. Как сказал в беседе с журналистом один из капитанов атомной субмарины, если выход лодки в море запланирован на понедельник, то «мы оттягивали время, как могли: пусть выйдем в 00.03, а это уже вторник» [2].

Другой непреложной истиной, но с диаметрально противоположным знаком стало утверждение, что если выйти в море в воскресенье, то это непременно

принесет благо и удачу. Отсюда и популярная в морской среде поговорка: в воскресенье поплывешь — никогда не пропадешь. Налицо связь с христианским поверьем о воскрешении Христа именно в этот день.

Продолжает свято выполняться и надводными кораблями, и подводными лодками древнейшая традиция, согласно которой в судовом журнале заранее не обозначается порт, в который следует судно, пока оно в него не прибудет. Когда корабль причаливает, первым на берег всегда сходит капитан. В момент прихода или выхода из порта корабль обязательно должен сообщить о себе в громкоговоритель и погудеть. Количество залпов морского салюта всегда должно быть нечетным. Этой традиции придерживаются и в современном военно-морском флоте. Экипаж подводных лодок, находящихся в боевом походе, прекращает бриться до возвращения на берег, а выполнив боевое задание, обязательно ждет встречи на берегу с преподнесением морякам жареного поросенка. Какая же это была трудная задача в 1990-е годы для тех, кто должен был обеспечить выполнение этой традиции!

Неукоснительным обычаем русского флота при проходе траверза южного Голландского маяка было бросить Нептуну мелкую монету как дань за благополучное плавание. С богом морей были, есть и наверняка будут еще многие годы продолжаться особые взаимоотношения у моряков всех национальностей. В этой связи нельзя не упомянуть и широко известный не только на флоте, но и за его пределами праздник Нептуна, или праздник перехода через экватор. У грозного бога моряки просили разрешения на пересечение экватора, точнее, даже не экватора, а определенной зоны, отмечаемой на картах в качестве границы между различными полушариями земли, так как само понятие «экватор» появилось только уже во времена Великих географических открытий.

26 июля 1803 года шлюпы «Надежда» и «Нева», купленные для первого кругосветного плавания в Англии, покинули Кронштадт. Большую роль в подготовке плавания сыграло правление Российско-американской компании, в частности, его руководитель — зять знаменитого основателя русских поселений в Америке Г.И. Шелехова камергер Н.П. Резанов. Как пишет А.А. Орлов, «в XVIII веке в связи с расширением границ Российской империи на Дальнем Востоке и в Северной Америке возникла необходимость надежно защитить новые владения, изучить прилегающие к ним водные просторы, завязать взаимовыгодную морскую торговлю с азиатскими странами. Помочь в этом могла организация кругосветной экспедиции с заходом кораблей во все интересующие российское правительство порты и районы мирового океана» [5: с. 31].

Русские парусники под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского 14 ноября 1803 года в 10 часов утра перешли экватор. Вот как описывает Лисянский это событие: «Уверясь о сем [о пересечении экватора. — *Авт.*], я немедленно приказал на корабле своем поднять флаг, гюйс и вымпел... Матросы мои были расставлены по вантам и прокричали несколько

раз «ура»! То же самое было сделано и матросами корабля «Надежда». Этот обряд был только введение к празднику, бывшему на другой день...» [6: с. 55].

На следующий день был устроен настоящий костюмированный праздник. Всех участников плавания, за исключением Крузенштерна и Лисянского, ранее плававших в Южном полушарии на кораблях английского флота, окунули в специальные купели. Но и это было не все. «Поелику еще ни один российский корабль, кроме «Невы» и «Надежды», не проходил экватора, то, желая отличить сей столь редкий случай, я приказал зажарить по две утки, сделать по пудингу и сварить свежий суп с картофелем, тыквою и прочею зеленью, которая у нас велась от самого Тенерифа, прибавя к сему по бутылке портера на каждых трех человек» [6].

С этого времени праздник Нептуна стал традиционным на русском флоте. Кстати, благодаря морякам этого первого в истории Российского флота кругосветного плавания появилась еще одна замечательная традиция — приносить в дар Морскому музею в Санкт-Петербурге собранные заморские «редкости» [8: с. 22].

Тех, кто переходил экватор, называли «шелбаками» или «бывальыми-солеными». Обычно шелбаки сохраняли выданное им Нептуном удостоверение как доказательство своего морского опыта и страховки от повторного «крещения». В удостоверении указывались широта, долготы, время, месяц, число, год, национальность и имя судна. Подпись Нептуна скреплялась подготовленной на этот случай «гербовой печатью» владыки морей.

Особенно почетным всегда считалось пересечение экватора в точке начала отсчета широты и долготы — в нулевом градусе, т. е. в точке, которая у моряков называется «центром земли». В эпоху парусного флота моряки, пересекшие экватор в этом месте, получали право носить золотую серьгу в левом ухе и сидеть в портовых кабачках, положив ногу на стол. Если же моряку доводилось неоднократно огибать мыс Горн, то «совет старых морских волков» награждал его специальным дипломом и серьгой. Такой моряк имел право красить ноготь на мизинце левой руки [1: с. 75].

Сегодня на всех кораблях, идущих под флагами разных государств, как простые моряки, так и командный состав продолжают неукоснительно следовать древнему ритуалу. Экипажи в зависимости от типа судна могут вносить в этот праздник свои «ноу-хау». Так, если это балкер (сухогруз с грузовыми стрелами), то новичков могут заставить пройти по стреле крана (с одного крана на другой), но для подстраховки снизу натягивают сетку. В другом случае моряки раскрашивают яркими красками и на кончике каната спускают на ходу судна к воде, чтобы он зачерпнул банку морской воды.

Стоит отметить, что сегодня географические рамки праздника существенно расширились. Его отмечают не только при пересечении экватора, но и при проходе через другие всемирно известные географические точки. Например, при пересечении Гринвичского меридиана, Северного и Южного тропиков,

Гибралтарского пролива и даже при прохождении Железных Ворот на Дунае, которые находятся на границе Сербии и Румынии.

В более примитивной форме посвящение в «рыцари моря» происходит и без пересечения перечисленных достопримечательностей — все новички, выходящие в море в первый раз, после отчаливания от родного пирса должны выпить определенное количество морской воды, а опытные моряки обливают их забортной водой. Это касается и членов экипажей субмарин, которые должны пройти специальный ритуал посвящения в подводники, установленный одновременно с появлением первых подводных лодок. Его проходит каждый, впервые погружившийся под воду, независимо от должности и звания. С лампы откручивается плафон объемом почти в литр, туда наливают морскую воду и предлагают выпить новичку. Если остается хоть капля воды, то процедура повторяется заново. Инженерам-механикам необходимо пройти еще один тест-проверку. Суть его в следующем. За ручку подвешивается кувалда и сильно раскачивается. Испытуемый должен изловчиться и поцеловать ее на излете, чтобы не разбить себе губы. Новичка, успешно прошедшего все эти испытания, ждет удостоверение подводника, памятный подарок в виде воблы и навечно закрепленная за ним подводная «прописка».

Важным морским атрибутом до наших дней считается подкова, способная оградить корабль от всевозможных бед и несчастий. Подкову прибывали к мачте, на двери каюты капитана или под палубой. Известно, что на мачте флагманского фрегата знаменитого английского вице-адмирала Г. Нельсона также была прибита подкова. Заметим, что единообразия в её подвешивании не существует. На российских кораблях предпочитают вешать подкову концами вниз.

Уместным будет вспомнить и о таком широко известном суеверии: «женщина на корабле — это к несчастью». Возможно, данный вид суеверия возник из-за того, что в английском языке существительное «ship» («корабль») — женского рода. Отсюда — ревность к сопернице. Любопытно, что в современном израильском флоте, где 30–40 % обслуживающего технического персонала флота составляют женщины, имеется запрет на их проход в машинное отделение. Объяснение — почти аналогичное, с той лишь разницей, что слово «двигатель» («машина») на иврите женского рода.

Вместе с тем нельзя не заметить, что во взаимоотношениях с богом морей подобные взгляды моряков менялись на диаметрально противоположные. Поскольку морской владыка — мужчина, считалось целесообразным давать кораблям женские имена в надежде на его благосклонное отношение к представительницам прекрасного пола.

Особую важность представляет строгое соблюдение апробированных обрядов в момент закладки корабля, поскольку это влияет на его дальнейшую судьбу. Существует целый «кодекс» обрядов, обычаев и примет, сформированный не одним поколением судостроителей и мореплавателей. В этой связи

большой интерес представляет обряд «крещения», который и сегодня продолжает соблюдаться во всех странах мира. Первое его описание было обнаружено в египетских папирусах. Оно относится к 2100 г. до н. э. и рассказывает о спуске на Ниле корабля фараона. Изначально обряд носил религиозный характер и был рассчитан на будущую благосклонность богов к мореплавателям. В Средневековье непременным атрибутом «крещения» сделалось вино. Им щедро кропалась палуба судна перед выходом в первый рейс. В конце XVII века установился обычай разбивать о форштевень спускаемого на воду судна бутылки с вином с добавлением фразы: «Крещу тебя» [1: с. 13]. Тогда же кораблю давалось имя. Такая церемония «крещения» сохранилась до наших дней — с той лишь разницей, что, по примеру Франции, для этого стали использовать благородный напиток — шампанское.

В арабских странах для крещения корабля применяют «священную воду» из Мекки, в Турции — дождевую воду, в Вест-Индии — сок ананасов. В некоторых странах танкеры «крестят» нефтью, а рыболовные суда — рыбьим жиром.

В обряде «крещения» судна и сегодня реализуется вера в возможность благополучной судьбы и корабля, и его экипажа. Если происходит сбой в установленном ритуале, например не разбивается бутылка шампанского, то в морской среде это считается дурным предзнаменованием. В качестве примера можно привести судьбу широко известной благодаря американскому кинематографу советской подводной лодки К-19 по прозвищу «Хиросима», которое она получила после крупной аварии ядерного реактора в 1961 году. При спуске со стапелей лодки традиционное «винное крещение» окончилось неудачей. Еще на стадии строительства первого отечественного атомного подводного ракетносца взрывы и пожары унесли жизни нескольких человек. Два серьезных ЧП случились во время швартовых испытаний и при осуществлении первого пуска реактора.

Список неудач рос по мере несения субмариной боевой службы. В ночь с 14 на 15 ноября 1969 года у мыса Териберский произошло столкновение К-19 с американской подлодкой «Гэтоу», уложившее американскую субмарину на дно Баренцева моря. 24 февраля 1972 года — пожар в 9-м отсеке К-19, жертвами которого стали 28 членов экипажа. При проведении спасательных работ погибли еще двое [3: с. 186].

Таким образом, мы можем констатировать, что хотя современный человек живет в секуляризованном мире, тем не менее в нем по-прежнему присутствует архаичная склонность к ритуализации своей жизни. Очевидно также, что подобные мифы, ритуалы и обычаи можно рассматривать не только как своеобразные механизмы, позволяющие сознанию справиться с неопределенностью и конечностью человеческого бытия, но и как формы культуры, в которых проявляется преемственность исторических традиций прошлого и настоящего.

Литература

1. *Дыгало В.А.* Так повелось на флоте. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1985. 144 с.
2. *Кабанова И.* Поцелуй кувалды, или Подводники — братья навек // Неделя области. 19 марта 2008. С. 3.
3. Курсом чести и славы: ВМФ СССР // России в войнах и конфликтах второй половины XX века. М.: Кучково поле, 2006. 480 с.
4. *Николаев Р.* Понедельник — день тяжелый // Вести. Главная газета Ленинградской области. 13 сентября 2008. С. 3.
5. *Орлов А.А.* История пребывания экспедиции И.Ф. Крузенштерна в Кантоне в 1805–1806 гг. // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2010. № 2. С. 31–41.
6. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, по повелению его Императорского Величества Александра Первого, на корабле «Нева» под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана первого ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1. СПб.: Типография Ф. Дрехслера, 1812. 262 с.
7. *Третьякова И.А.* Подвиг «корабля не по назначению» // Морской сборник. 2006. № 9. С. 78–81.
8. *Третьякова И.А.* Музеи военно-морского флота России в XIX–XX вв.: история создания, становления и развития: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 261 с.

Literatura

1. *Dy'galo V.A.* Tak povelos' na flote. M.: Izd-vo DOSAAF SSSR, 1985. 144 s.
2. *Kabanova I.* Poceluj kuvaldy', ili Podvodniki — brat'ya navek // Nedelya oblasti. 19 marta 2008. S. 3.
3. Kursom chesti i slavy': VMF SSSR // Rossii v vojnah i konfliktax vtoroj poloviny' XX veka. M.: Kuchkovo pole, 2006. 480 s.
4. *Nikolaev R.* Ponedel'nik — den' tyazhely'j // Vesti. Glavnaya gazeta Leningradskoj oblasti. 13 sentyabrya 2008. S. 3.
5. *Orlov A.A.* Istoriya preby'vaniya e'kspedicii I.F. Kruzenshterna v Kantone v 1805–1806 gg. // Vestnik MGGU im. M.A. Sholoxova. Seriya: Istoriya i politologiya. 2010. № 2. S. 31–41.
6. Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 4, 5 i 1806 godax, po povelenyu ego Imperatorskogo Velichestva Aleksandra Pervago, na korable «Neva» pod nachal'stvom flota kapitan-lejtenanta, nyne kapitana pervago ranga i kavalera Yuriya Lisyanskogo. Ch. 1. SPb.: Tipografiya F. Drexslera, 1812. 262 s.
7. *Tret'yakova I.A.* Podvig «korablya ne po naznacheniyu» // Morskoj sbornik. 2006. № 9. S. 78–81.
8. *Tret'yakova I.A.* Muzei voenno-morskogo flota Rossii v XIX–XX vv.: istoriya sozdaniya, stanovleniya i razvitiya: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2007. 261 s.

I.A. Tretyakova,

I.V. Kuprina

Marine Customs and Traditions as an Integral Part of the History of the Navy

This article discusses the basic customs, rituals and traditions established in the history of navigation and shipbuilding. The causes of their occurrence and the further transformation are analyzed. On specific examples the author shows the historical continuity in their strict observance and fulfillment by sailors of different countries.

Keywords: fleet; maritime tradition; customs; rituals; superstitions; Neptune; equator; «the baptism of the ship».

В.В. Кириллов

К вопросу об истории модернизации в России XVIII–XX веков: общие подходы и историография

В статье рассматриваются философские, социологические, исторические, культурологические подходы к проблеме российской модернизации. Дан теоретико-методологический и историографический анализ концепций модернизации в целом и ее реалий в отечественной истории.

Ключевые слова: модернизация; циклизм; клиодинамика; реформы; контрреформы; реформация; революция.

История нашей страны — это сложный, многовекторный и противоречивый процесс. Споры о том, к какому типу цивилизации принадлежит Россия — западному, восточному, евразийскому или какому-нибудь другому — велись давно и продолжают сейчас с немалой остротой оценок и суждений.

Вместе с тем история России — это часть мировой истории, которой присущи явления общецивилизационного масштаба, где центральное место занимает модернизация, являющаяся квинтэссенцией исторического процесса. Под ее знаком протекала всемирная и отечественная история XVIII–XX веков.

Словарно-справочная литература дает определение модернизации как сложной совокупности экономических, социальных, культурных, политических изменений, происходящих в обществе в связи с процессами индустриализации, освоением научно-технических достижений [54: с. 160].

Большинство современных ученых также определяют модернизацию как процесс трансформации традиционного общества в общество, характеризующееся применением машинной технологии, рациональными жизненными установками, высоким уровнем социальной дифференциации.

Иными словами, это переход от традиционного общества к индустриальному. Модернизация включает в себя процесс экономических, социокультурных и политических изменений в обществе, оказывающих воздействие на экономическую

структуру, социальную организацию, духовно-ценностные ориентиры и повседневную жизнь людей.

Модернизацию можно понимать в широком и узком смысле этого слова. В широком — переход от традиционного общества к современному в целом. В узком смысле — это исследовательский метод и общий подход к изучению исторического процесса. Мы будем использовать понятие «модернизация» в обоих смыслах.

Теория модернизации возникла в системе западных гуманитарных наук и имеет значительную историографию [57; 68–74].

Собственно модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX века в условиях распада мировой колониальной системы и появления значительного числа новых государств третьего мира. Поэтому программа модернизации как переход от традиционности к современности и была предложена американскими и европейскими учеными этим странам, в том числе и как альтернатива социалистической ориентации, весьма популярной в тот момент.

Основные теоретические и концептуальные идеи модернизации были разработаны зарубежными учеными (Д. Лернер, Н. Смелзер, Э. Хаген, М. Леви, Ш. Эйзенштадт, С. Хайтингтон и др.) во второй половине 1950–1960-х годов. Они опирались на структурно-функционалистскую социологическую теорию американского социолога Т. Парконса (1902–1979), который исторический процесс интерпретировал как процесс трансформации архаичных обществ в современные.

Первоначально все это укладывалось в так называемую классическую модернизационную модель, фокусирующую исследовательский интерес преимущественно на общих проблемах модернизации. Это предполагало линейный, мирный, постепенный процесс модернизации, главное в котором — прогресс. Зачастую подобный подход иногда продолжает использоваться историками и сейчас.

Первый кризис с точки зрения универсальной мировой модели развития, и как следствие, критики теории модернизации возник в 1970-е годы в связи с появлением теории конвергенции (сближения и взаимопроникновения капитализма и социализма). Ее создателями были К. Керр, У. Ростоу, Д. Гэлбрейт, Ф. Перру, Я. Тинберген и др. Она подчеркивала нелинейный и многомерный характер исторического развития, которое может реализовываться различными путями. У нас данная теория была очень популярна в начальный период перестройки и активным ее сторонником был академик А.Д. Сахаров. Но она не стала конкурентом концепции модернизации в связи с кризисными явлениями в мировой социалистической системе и распадом СССР.

В 1980–1990 годы в связи со сложностью объяснения реальных модернизационных процессов в этой исследовательской области происходит определенное методологическое и теоретико-концептуальное обновление. Появляется

неомодернизационная парадигма (П. Штомпка, Р. Робертсон и др.). Она была создана в результате теоретического синтеза на основе классической модели с учетом критики со стороны конкурирующих структуралистских мироцелостных подходов. При таком подходе в исследованиях стали обращать внимание на роль социальных акторов (административно-бюрократические и гражданские структуры, органы самоуправления, профессиональные группы и сообщества, интеллигенция и т. д.), которые посредством волевой деятельности обеспечивали динамику историко-модернизаторских процессов. Акцент на акторско-деятельностный аспект развития стал значительным шагом в отказе от понимания модернизации как единого процесса системной трансформации.

В настоящее время основными постулатами теории модернизации в историко-социологическом измерении принято считать усиление внимания к конфликтам в процессе модернизации; включение фактора исторической случайности в модельные варианты модернизации; признание цикличности процесса модернизации; акцент на противоречивость и сложно-тяжелый характер модернизационных преобразований; признание вариативности и множественности путей развития и модернизации.

Отечественными учеными освоение теории модернизации началось только в постсоветское время. Она стала лейтмотивом большинства исторических, социально-философских, экономических, политологических и публицистических сочинений.

Вопросам модернизации посвящено большое число работ. Часто модернизационный подход применяется для анализа и объяснения истории России. Так, получили освещение общие проблемы цикличности модернизации, соотношения модернизации и «имперскости», модернизации и революции, влияния модернизации на отдельные периоды истории.

Наибольшее научное признание в этом направлении получили исследования В.В. Алексеева, Е.В. Алексеевой, Е.В. Анисимова, А.С. Ахиезера, Л.И. Бородкина, А.Г. Вишневого, А.Б. Каменского, В.А. Красильникова, В.В. Лапкина, О.Л. Лейбовича, А.Н. Медушевского, Б.Н. Миронова, С.А. Нефедова, В.И. Пантина, И.В. Побережникова, Н.А. Проскуряковой, В.Т. Рязанова, А.С. Сенявского, И.И. Согрина, В.Г. Федотовой, В.Г. Хороса, В.В. Шелохаева и многих других.

На наш взгляд, наиболее содержательный анализ теории проблем российской модернизации содержится в работах В.А. Красильщикова, И.В. Побережникова. Можно также считать, что на Урале сложилась целая научная школа под руководством академика РАН В.В. Алексеева по изучению модернизационных процессов как на общероссийском, так и на региональном уровне. Важные проблемы модернизации ставятся в работах А.В. Демидова, В.В. Согрина и др.

Зарубежными и российскими учеными активно разрабатывались критерии, определялись фазы, этапы и типы модернизаций. Блестяще в свое время

это обобщила с научных и методических позиций Н.А. Проскурякова, выделив кроме вышеуказанных дефиниций еще внутренние и внешние факторы модернизации [42; 43: с. 3–10, 579–584]. К внутренним (эндогенным) факторам она относит природно-климатические (территория, климат, ландшафт, полезные ископаемые), социально-политические (социально-политическая форма организации пространства, форма власти, политический режим), социоструктурные (социальная структура и демографическая динамика), социокультурные (ментальный, этнический, конфессиональный). Внешние (экзогенные) факторы модернизации обуславливают векторы и взаимодействие социальных пространств (импульсы и направления модернизации, ее зависимость от геополитики, борьбы за лидерство, влияние в мире, местоположение, ресурсы и т. п.). От соотношения этих факторов во многом зависит успех или неуспех модернизации.

В мировом модернизационном процессе, как правило, выделяют три основные фазы. Первую фазу модернизации в странах Запада XVI–XVII веков называют доиндустриальной, и в ней осуществлялся переход от естественных производительных сил, где преобладало индивидуальное производство, к общественным (мануфактурная стадия). Вторая фаза — XVIII–XIX веков — преобразование самих общественных производительных сил — переход от мануфактуры к машинному производству. Третья фаза — XX век — преобразование процесса труда на основе научной его организации.

Применительно к истории России данная схема фаз модернизации должна быть несколько уточнена. Обычно выделяют доиндустриальную (или феодальную) модернизацию — XVIII – первой половины XIX веков. Далее следует раннеиндустриальная (или пореформенная) модернизация — вторая половина XIX – начало XX века. И наконец, позднеиндустриальная (или советская) модернизация — 30–60-е годы XX века. В последнее время выделяют еще и фазу постсоветской (или современной российской) модернизации.

Другой подход к анализу процессов модернизации заключается в их классификации по типам. Выделяют органичные и неорганичные модернизации. Органичные модернизации были проведены в странах первого эшелона развития (Англия, США, Франция и др.). Неорганичная, или вторичная, или догоняющая модернизация осуществлялась как ответ на вызов со стороны более развитых обществ. Модернизации этого типа с разной степенью успешности осуществлялись в Японии, Турции и других странах.

Несколько попыток догоняющего развития было предпринято и в России. Россия, как известно, принадлежит к странам, которые называют в историографии «вторым эшелом развития», и поэтому для нее характерна неорганическая модернизация, которая осуществлялась при помощи самодержавного, а затем тоталитарного государства.

Бесспорно то, что модернизационные пути России и западных стран значительно различались. Западная модернизация осуществлялась исключительно

на внутренней основе. Российская модернизация тоже, естественно, опиралась на внутренние ресурсы, но происходила она в значительной степени под воздействием внешних вызовов со стороны более развитых стран.

В научной литературе последнего времени российская модернизация характеризовалась такими терминами, как «имперская», «насильственная», «запоздавающая», «рецидивирующая», «консервативная», «догоняющая», которые подчеркивают не столько своеобразие и необычность, сколько малую эффективность самого процесса. Основной причиной этого считался неорганический характер модернизации, насильственно навязываемой неподготовленному и незаинтересованному обществу.

Модернизация царской России инициировалась волевыми усилиями верховной власти, которая, как отмечал В.В. Шелохаев, «не имела ни краткосрочного, ни перспективного плана преобразований, не занималась экспертной оценкой их возможных последствий. Главным и определяющим было другое: во что бы то ни стало сохранить инициативу и контроль за преобразованиями в своих руках, не допустить активности «снизу», не говоря уже о возможности привлечения общественных сил к управлению государством...». По мнению историка, в результате модернизации не только не произошло сближения России с ведущими европейскими странами, а наоборот — она «обнажила все болевые точки общественного развития страны, стала мощным стимулом противостояния власти и общества, источником политической и социальной нестабильности» [62: с. 31–32].

Аналогичные черты были свойственны и советской модернизации.

Отечественная историография модернизации в России также сделала в последнее время серьезный шаг вперед. На наш взгляд, наиболее содержательный анализ в теоретическом плане проблем российской модернизации имеется в работах В.А. Красильщикова [16; 17; 18]. И.В. Побережникова [38; 39]. Можно также считать, что на Урале сложилась целая научная школа под руководством академика РАН В.В. Алексеева по изучению модернизационных процессов как на общероссийском, так и на региональном уровне [1; 20; 29; 49]. Важные проблемы модернизации ставятся в работах А.В. Демидова, В.В. Согурина и других [10; 11; 55].

Серьезное фундаментальное исследование, выполненное в рамках модернизационного подхода, осуществил Б.Н. Миронов [27]. Он предлагает смотреть на социальную историю России в контексте успешной, по его мнению, модернизации, которая тем не менее создала множество проблем и противоречий для социума и привела к революции.

Интересный подход к анализу российской модернизации продемонстрировал современный ученый С.Н. Гавров. Он рассматривает этот процесс как чередование имперской и либеральной моделей модернизации, в которой имперская модель является доминантной, а либеральная лишь дополнительной, компенсационной. Он полагает, что «в течение всего модернизационного

периода нашей истории мы догоняли западные цивилизации модерности (изначально Западную Европу) прежде всего в сфере военных и промышленных технологий. Содержательные изменения социального устройства, которое включало бы не только принятие части институциональных образцов, предлагаемых цивилизацией модерности, но и ее духа, введение и соблюдение гражданских прав и свобод, формирование гражданского общества — всего этого в течение большей части рассматриваемого периода просто не было» [8: с. 5].

Мы согласны с точкой зрения коллектива авторов монографии «Опыт российских модернизаций XVIII–XX веков» (2000 г.), что этот процесс нельзя ни переоценивать в плане успехов, ни, наоборот, принижать их [33: с. 6]. Можно без преувеличения сказать, что главным содержанием российской истории за последние 300 лет была модернизация. Однако завершить ее по главным направлениям не удалось ни царской, ни советской России. В российском обществе и сейчас современные черты сочетаются с традиционными, причем трудно сказать, какие из них доминируют.

Цикличность модернизационных процессов, по мнению большинства ученых, стала доминантой и определяет вектор общественно-исторического развития. Под циклом обычно понимают совокупность явлений или процессов, составляющих кругооборот в течение определенного промежутка времени. В гуманитарных науках термин «цикл» трактуется как кругооборот, связанный с конкретными изменениями, происходящими в данной общественной системе. В результате прохождения эволюционного цикла система выходит на новый уровень развития, но при этом во многом (хотя и не полностью) воспроизводит состояние, которые она уже проходила.

Американский историк А. Шлезингер-мл. так характеризовал исторический цикл: «это не маятник, качающийся между неподвижными точками, а спираль. Он допускает новое и поэтому избегает детерминизма» [64: с. 52]. Он подробно описал циклы американской истории как чередование либеральных реформ и консервативной реакции на них в США.

Проблематика циклизма имеет давнюю традицию. Она нашла отражение в работах как зарубежных, так и отечественных ученых с мировыми именами. Один из крупнейших мировых историков, создатель школы «Анналов» Ф. Бродель большое значение придавал циклам политического и экономического развития, подчеркивая их нелинейный и волнообразный характер [6: с. 65–84, 640–653]. Из зарубежных мыслителей ей отдавали дань Д. Вико, О. Шпенглер, В. Парето, А. Тойнби и др. В 2004 году Нобелевскую премию за «теорию экономических циклов» получили американские ученые Ф. Кидланд и Э. Прескотт.

Идеи «школы русского циклизма», основоположниками которой были Н.Д. Кондратьев и П.А. Сорокин, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, А.А. Богданова и Н.А. Бердяев, в настоящее время пытается развивать Ю.В. Яковец, выпустивший серьезную монографию, где излагает основные контуры теории

циклической динамики, в том числе и применительно к экономическим и социально-политическим сферам общества. Циклы составляют основу любого развития в природе и обществе. По его мнению, «исторические циклы характеризуют закономерную неравномерность, повторяемость, ритмичность исторического процесса» [66: с. 232]. Причем он справедливо замечает, что циклы могут быть различны по структуре, времени, масштабам и закономерностям.

С культурологических и социокультурных позиций подходил к проблеме циклизма А.С. Ахиезер, выдвинувший концепцию динамики исторического развития России. В ее основе, по мнению ученого, лежит механизм резких разрушительных переворотов (инверсий), которые во многом определили трагизм нашей истории. Он квалифицировал Россию как «промежуточную цивилизацию», где доминантой является раскол между «западными» («европейскими») и «восточными» («азиатскими») компонентами общества. Этот дисбаланс служит постоянным источником нестабильности и ориентационных колебаний на протяжении веков. Поэтому, полагал А.С. Ахиезер, единственный путь изменений в расколотом обществе — это осуществление маятниковых колебаний между полярностями. Исходя из этого, в российском обществе господствует циклическая динамика — инверсионный цикл, перманентно восстанавливающий то, что уже было, но лишь неполно и ограниченно [2].

В некоторых современных диссертационных исследованиях циклизм рассматривается с точки зрения синергетики (брюссельская школа И. Пригожина) через чередование порядка и хаоса в развитии социальных систем [32; 52; 56].

В последнее время активно заявило о себе новое научное направление — клиодинамика. Автором данного термина, введенного в научный оборот в 2003 году, считается американский ученый с российскими корнями — философ, биолог и математик П.В. Турчин, который определил клиодинамику как междисциплинарную область исследований социально-политических процессов с использованием методов математического моделирования [60].

Из современных российских исследователей наиболее глубоко и предметно проблемой циклов модернизации занимался В.И. Пантин, выпустивший ряд книг, где он анализировал циклические тенденции как в отечественной [34; 36], так и в глобальной истории [35]. На основании изучения и анализа больших пластов исторических эпох он пришел к выводу о циклично-волновом характере историко-социальных процессов, которые, в свою очередь, базируются на циклах интеграции — дифференциации. Такой подход, по его мнению, позволяет выявить долговременные тенденции в истории и в определенной степени спрогнозировать перспективы нашего будущего.

Плодотворно работает в рамках циклизма и клиодинамики новосибирский исследователь С.Н. Розов, сформулировавший концепцию динамических стратегий, в рамках которой попытался выявить (на наш взгляд — успешно) механизм функционирования циклов в ракурсе реформы-контрреформы [46–48].

Несколько ограниченно понимает циклизм А.Н. Медушевский, сторонник теории конституционных циклов, т. е. периодически повторяющихся фаз усиления и ослабления конституционного регулирования общества, хотя, видимо, это обуславливается собственно предметом его многолетних штудий, но вопросам реформ в России и их сравнению с модернизационными процессами в других странах он уделял должное внимание [21–26].

Находят поддержку идеи цикличности и у историков, изучающих конкретные исторические периоды. К ним можно отнести А.Б. Каменского [16], Г.М. Миронова [28] и др.

Имеющийся к настоящему времени довольно большой историографический массив и собственные исследования автора настоящей работы позволяют сделать некоторые выводы об особенностях российской модернизации. К ним, на наш взгляд, следует отнести:

- значительные временные сроки и длительность российской модернизации, которая продолжается без малого уже больше трех столетий;
- огромную роль государства (прежде всего верховной власти) в модернизации, которую оно жестко контролирует и проводит зачастую силовыми методами без учета ментальных настроений граждан, что позволяет говорить о ее мобилизационном характере;
- разнонаправленный, скачкообразный и фрагментарный характер процессов модернизации государства и общества;
- широкие общественные преобразования часто подменялись модернизацией государства и его производных структур и не способствовали становлению элементов гражданского общества;
- существование в отношении определенных фаз модернизации глубоких идейно-политических и социокультурных расколов общества.

Противоречивый характер модернизационного процесса в России наиболее рельефно выражается через циклы реформ и контрреформ.

Реформа — это изменения (трансформации) в различных сферах государства и общества, необходимые для предотвращения дестабилизации системы. Чаще всего в исторической литературе реформу определяют действия верховной власти, направленные на преобразование и улучшение существующего положения дел.

Известный российский историк В.В. Шелохаев попытался взглянуть на российские реформы как на теоретико-методологическую проблему [63]. Он дает типологию реформ, подразделяя их на системные и структурные. Первые приводят к качественным изменениям во всех сферах жизни. Это широкомасштабные реформы, составляющие сущностную основу определенной фазы модернизации (реформы Петра I, «великие реформы» 60–70-х годов XIX века, советское реформаторство). Второй тип — это структурные реформы, связанные с преобразованием одной или нескольких структур или отраслей (например, военные реформы, местного управления и т. п.). И те и другие

типы реформ тесно взаимосвязаны, вытекают одна из другой и диалектически неразрывны.

Интересны в этом плане трактовки и разные исторические судьбы терминов «реформа» и «реформация». На Западе они часто употребляются как синонимы, став лозунгом политических, социальных и моральных перемен.

Традиционно в отечественной историографии считается, что феномен именно «реформации» не имел места в российской истории. Реформа — да, а реформация — нет. На наш взгляд, такая точка зрения не совсем корректна, ибо в России XVI века протекали аналогичные процессы, хотя и не в таком массовом и социально-активном масштабе. Известные отечественные историки А.А. Зимин и А.Л. Хорошкевич характеризовали как реформационное движение деятельность в 1550-е годы Матвея Башкина и его сторонников, старца Артемия, Феодосия Косова [12: с.73–78].

Кстати, в историографии (Д. Аль и А. Янов) существует точка зрения, что в российской истории цикловая антитеза «реформа – контрреформа» начинается с XVI века — эпохи Ивана Грозного, где начальный период правления — это прежде всего реформы «Избранной рады», а контрреформы — это опричнина [3: с. 9–22; 67].

Следует также напомнить, что о «медленной и глубокой захватывающей реформации» писал один из идейных вдохновителей реформ 1860–1870-х годов в России — К.Д. Кавелин [20: с. 429]. Но все же для нашей исторической науки эта проблема остается открытой и, видимо, требует дальнейшего пристального изучения.

В отечественной и зарубежной историографии термины «реформа» и «реформатор» имеют различные смысловые оттенки. У нас в стране всякая реформа ассоциируется с действиями высшей государственной власти. За рубежом, прежде всего в англоязычных странах, реформа — это в не меньшей степени и дело общества. И уж во всяком случае, — предмет открытого диалога между общественностью и властью. Поэтому, видимо, не случайно в американской историографии известного правозащитника Мартина Лютера Кинга именуют классическим реформатором [72: р. 414].

Важнейшая роль в модернизационном цикле принадлежит и другой его составляющей — контрреформе. В гуманитарной литературе до сих пор недостаточно прояснена роль контрреформ: способствовали ли они последующей корректировке реализуемых реформ или приводили к отступлению на дореформенные рубежи?

На наш взгляд, наиболее аргументирована точка зрения В.И. Пантина, который считает, что реформа и контрреформа — это не плюс и минус, они «как бы дополняют друг друга, обеспечивая единство и преемственность модернизационного процесса». Контрреформы — это не шаг назад, а «своеобразное следствие реформ в том виде, в котором они проведены, и одновременно способ разрешения общественных противоречий, реформами порожденных» [36: с. 143–153].

Иными словами, они своими средствами (подчас жесткими, авторитарными) доделывают, завершают данный этап модернизационного цикла. Поэтому следует признать, что при определенных исторических условиях контрреформы могут сыграть некую позитивную роль и предотвратить угрозу нарастания кризисных явлений как в отдельных структурных звеньях системы, так и в обществе в целом.

Вместе с тем некоторые авторы выступают против понятия «контрреформы». Так, А.Н. Боханов считает, что «оно просто лишено исторического смысла» [5: с. 10]. Аналогичную позицию занимала Т.А. Филиппова, пытаясь заменить это другим понятием «консервативные реформы» [61: с. 58], а В.Д. Соловей в целом отрицает реформаторско-контрреформаторские циклы, выдвигая в качестве своего главного аргумента будто бы их прогностический провал, и заменяет это понятийной категорией «смута», что, на наш взгляд, не является научным [53].

Сама модель действия цикла «реформа – контрреформа» в самом обобщенном виде может выглядеть следующим образом. Первоначально импульс к реформам может носить как внешний (военное поражение или его угроза), так и внутренний (социальные потрясения и др.) характер. Инициатором реформ очень часто выступает радикальное крыло бюрократии как главное управленческое звено государства, четко осознающее нестабильность в обществе и необходимость преобразований, которое с учетом мнения ведущих социальных групп и определяет основные параметры, сроки и характер грядущих изменений. Осуществление реформ проводится преимущественно административным путем в условиях острой борьбы сторонников и противников преобразований, что раскалывает и взрывает общество, порождает, как правило, контрреформы. Большинство реформ остаются половинчатыми и незавершенными, что в значительной степени является залогом продолжения возможных дальнейших преобразований.

После контрреформ государство, всегда играющее роль главного субъекта преобразований в стране, впадает в некую «стагнацию», теряет инициативу — и вскоре выясняется, что необходим новый поворот к реформам как ответ на новые вызовы времени.

Циклы «реформы – контрреформы» по временной продолжительности могут быть разными (от десятилетий до нескольких лет). Иногда в отдельные периоды цикл может одновременно включать в себя реформы и контрреформы или их отдельные компоненты. Здесь необходимо высказать собственные суждения на сей счет. Да, бесспорно, существует цикличность в модернизационном процессе. Да, императивом в цикле является чередование реформ и контрреформ. Но надо иметь в виду, что данная закономерность не может быть абсолютной. Ведь история человечества — это не только организация, но и хаос. Поэтому весьма возможны иные пути и направления общественного развития, проход через точки максимальной хаотичности и альтернативности и как следствие — другие векторы и другое осмысление мировой и отечественной истории.

Общественный и научный интерес к проблемам отечественного реформаторства, реформам, контрреформам и революциям серьезно обозначился в конце XX века, когда наша страна вступила в период трансформации политической и социально-экономической систем.

Одним из первых во время горбачевской перестройки поставил эту проблему известный писатель и историк Н.Я. Эйдельман, считавший, что все реформы в России могут быть инициированы только верховной властью [65]. Но его книга носит прежде всего публицистический, а не научно-исследовательский характер.

Реформаторство как важная научная проблема интересует не только историков, но и философов, социологов, политологов и представителей других гуманитарных дисциплин. Здесь важно отметить работу В.В. Ильина, А.С. Панарина, А.С. Ахизера, которые еще в 1996 году выпустили книгу о реформах и контрреформах в России [14]. Правда, по качеству приведенного и анализируемого исторического материала она уступает многим аналогичным изданиям.

Попытка проанализировать российские реформы за три века с философских, социологических, исторических позиций была предпринята московским представительством фонда Карнеги. Был выпущен отдельный том их серийного журнала *Pro et Contra*, в котором известные обществоведы И. Дискин, М. Ильин, В. Красильников, И. Пантин, В. Дахин, В. Согрин представили свои взгляды, подчас полярные, на развитие реформаторства в России [59].

Серьезный вклад в разработку исследуемой темы вносит Институт российской истории РАН. В 1990-е годы его научные сотрудники глубоко и всесторонне как в теоретико-методологическом, так и в историко-прикладном плане исследовали проблемы, связанные с историей реформаторства в России [7; 44; 45; 50].

В 2000-е годы актуализируются исследования теоретико-методологических проблем модернизационной парадигмы российской истории [15].

Судьбы реформ и реформаторов в России прослежены в учебном пособии, подготовленном преподавателями и научными сотрудниками РАГС под руководством профессора Р.Г. Пихоя [58]. В силу специфики жанра — учебное пособие, а не монография — книга носит весьма популярный характер и в научном плане не может котироваться очень высоко.

Экономическое развитие России XIX–XX веков через волны реформ и контрреформ в сфере экономики прослеживается в интересной монографии В.Т. Рязанова [51].

Активно работали в данном направлении современные российские ученые И.К. Пантин и Е.Г. Плимак. «Почему не удалось в России за три столетия “догоняющего развития”, прошедшие со времен Петра Великого, все проводимые “сверху” крупные социальные реформы? В силу чего не дали исторически обнадеживающего результата произошедшие в XX веке в России три народные революции?» — главный лейтмотив их книги [37: с. 9].

Отдельная тема — взаимосвязь модернизации и революции. В ней еще много неясного и малоизученного, хотя попытки исследовать эту проблему предпринимались [9: с. 24–25]

Эти и другие вопросы продолжают оставаться в центре внимания нашего общества. Реформизм и реформаторская деятельность как социальный феномен и историческое явление, как ответ государства и общества на объективную необходимость модернизации представляют собой самостоятельную исследовательскую проблему. Успешные, частично реализованные и нереализованные попытки трансформаций разного рода в российской истории предпринимались многократно — вплоть до наших дней, поэтому изучение этих процессов актуально и значимо.

Литература

1. *Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В.* Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский гуманитарный институт, 1997. 326 с.
2. *Ахиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. Т. 1. 804 с.; Т. 2. 594 с.
3. *Аль Д. (Д.Н. Альшиц).* Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб.: Наука, 2007. 370 с.
4. *Большаков В.И.* Системные кризисы российской государственности. Историко-социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 46 с.
5. *Боханов А.Н.* Император Александр III. М.: Русское слово, 1998. 512 с.
6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 3: Время мира / пер. с фр. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
7. *Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б.В. Афаньич.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
8. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 352 с.
9. *Голдстоун Дж. А.* Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
10. *Демидов А.В.* История российской модернизации (досоветский период). М.: самиздат, 1994. 49 с.
11. *Демидов А.В.* Эволюция российской модернизации. М.: Изд-во МГУП, 1998. 54 с.
12. *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 186 с.
13. *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. М.: МГУ, 1996. 400 с.
14. *История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории / отв. ред. А.С. Сенявский.* М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2013. 381 с.
15. *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.
16. *Красильщиков В.А.* Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 44–46

17. *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. 264 с.
18. *Красильщиков В.А.* Россия и мировые модернизации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 89–111.
19. *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. 656 с.
20. *Лейбович О.Л.* Модернизация в России: К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь: ЗУУНЦ, 1996. 156 с.
21. *Медушевский А.Н., Шевырин В.М.* Государственный строй России периода феодализма (XV–XIX вв.) // Зарубежная историография: научно-аналитический обзор. М.: Академия наук СССР, 1989. 61 с.
22. *Медушевский А.Н.* Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе: науч.-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990. 46 с.
23. *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994. 317 с.
24. *Медушевский А.Н.* Реформы в России XIX–XX веков: западные модели и русский опыт // Отечественная история. 1996. № 2. С. 202–207.
25. *Медушевский А.Н.* Размышления о современном российском конституционализме. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 176 с.
26. *Медушевский А.Н.* Модернизация в России правовые формы, стратегии и технологии реализации // История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории / отв. ред. А.С. Сенявский. М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2013. С. 351–382.
27. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 547 с.; Т. 2. 566 с.
28. *Мионов Г.М.* Государи и государевы люди, российские реформаторы и контрреформаторы XIX – начала XX в. М.: Март, 1999. 256 с.
29. Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург: Уральский гуманитарный ин-т, 1998. 179 с.
30. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Таурус, 1994. 115 с.
31. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М.: Едиториал УРСС, 1999. 176 с.
32. *Нефедов С.А.* Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. 27 с.
33. Опыт российских модернизаций XVIII–XX веков. М.: Наука, 2001. 246 с.
34. *Пантин В.И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Московский философский фонд, 1997. 190 с.
35. *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый Век, 2003. 276 с.
36. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово, 2007. 128 с.
37. *Плимак Е.Г., Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций: сравнительно-политический анализ. М.: Весь мир, 2000. 360 с.
38. *Побережников И.В.* Переход от традиционности к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 340 с.

39. *Побережников И.В.* Акторы российской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XII Всероссийской науч. конф., посвящ. 90-летию А.В. Бакунина. Т. 1. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2014. С. 31–41. URL: elar.urfu.ru/bitstream/10995/30345/1/uibch_2014_1-05.pdf
40. *Попова И.М., Кунявский М.А.* Запаздывающая модернизация: сравнительный анализ России и Украины // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 20–37.
41. *Поткина И.В., Селунская Н.Б.* Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207.
42. *Проскуракова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165
43. *Проскуракова Н.А.* Россия в XIX веке: государство, общество, экономика. М.: Дрофа, 2010. 592 с.
44. Реформы в России XVI–XIX вв.: сб. научных трудов / под ред. В.Я. Гросула. М.: ИРИ РАН, 1992. 224 с.
45. Реформы и реформаторы в истории России. М.: ИРИ РАН, 1996. 192 с.
46. *Розов Н.С.* Циклы российской истории: анализ порождающего механизма // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1. С. 56–62.
47. *Розов Н.С.* Цикличность российской истории как болезнь: возможно ли выздоровление // Полис. 2006. № 2. С. 8–28.
48. *Розов Н.С.* Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009. 412 с.
49. Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа: Баш. ГУ, 1997. 187 с.
50. Российские реформаторы XIX – начало XX в. / отв. ред. А.П. Корелин. М.: Международные отношения, 1995. 317 с.
51. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
52. *Сапронов М.В.* Цикличность исторического процесса (Историография. Теория. Методология): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003. 25 с.
53. Свободная мысль. XXI. 2004. № 12. С. 38–43.
54. Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О.Г. Данильяна. М.: НИЦ ИНФРА, 2013. 314 с.
55. *Согрин В.В.* Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 3–14.
56. *Соколов Ю.Н.* Циклы социальных систем: проблемы методологии: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1996. 35 с.
57. *Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.
58. Судьбы реформ и реформаторов в России: учеб. пособие. М.: РАГС, 1999. 374 с.
59. Три века отечественных реформ // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 3. 243 с.
60. *Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: ЛКИ, 2010. 368 с.
61. *Филиппова Т.А.* «Русские тори»: консерватизм и модернизация // Исследования по консерватизму. Вып. 3. Пермь, 1996. С. 56–60.
62. *Шелохаев В.В.* Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 28–38.

63. Шелохаев В.В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т. 1. М.: Наука, 2002. С. 46–54.
64. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
65. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 176 с.
66. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.
67. Янов А.Л. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М.: Крук, 1997. 224 с.
68. Apter D. The Politics of Modernization. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1965. 481 p.
69. Black C. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N. Y.: Harper & Row, 1966. 207 p.
70. Esanstadt S. Modernization: Protest and Change. New Jersey: Prentice Hall, 1966. 166 p.
71. Levi M. Modernization and the Structure of Society. Princeton: Transaction Publishers, 1966. 869 p.
72. Reform in Modern Russian History. Progress or cycle? N. Y.: Cambridge University Press, 1995. 456 p.
73. Rostow W. The Stages of Economic Growth. N. Y.: Cambridge University Press, 1960. 179 p.
74. Social Change. Sources, Patterns and Consequences. N. Y.: Basic Books, 1964. 503 p.

Literatura

1. Alekseeva E.V., Denisevich M.N., Poberezhnikov I.V. Regional'noe razvitie v kontekste modernizacii. Ekaterinburg: Institut istorii i arxeologii UrO RAN; Ural'skij gumanitarny'j institut, 1997. 326 s.
2. Axiezer A.S. Rossiya: Kritika istoricheskogo opy'ta. (Sociokul'turnaya dinamika Rossii.) Novosibirsk: Sibirskij xronograf, 1997–1998. T. 1. 804 s.; T. 2. 594 s.
3. Al'D. (D.N. Al'shicz). Shagi istorii Rossii iz proshlogo v budushhee. SPb.: Nauka, 2007. 370 s.
4. Bol'shakov V.I. Sistemny'e krizisy' rossijskoj gosudarstvennosti. Istoriko-sociologicheskij analiz: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1999. 46 s.
5. Boxanov A.N. Imperator Aleksandr III. M.: Russkoe slovo, 1998. 512 s.
6. Brodel' F. Material'naya civilizaciya, e'konomika i kapitalizm XV–XVIII vv.: v 3 t. T. 3: Vremya mira / per. s fr. M.: Progress, 1992. 679 s.
7. Vlast' i reformy'. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii / otv. red. B.V. Anan'ich. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 800 s.
8. Gavrov S.N. Modernizaciya vo imya imperii. Sociokul'turny'e aspekty' modernizacionny'x processov v Rossii. 2-e izd. M.: Editorial URSS, 2010. 352 s.
9. Goldstoun Dzh. A. Revolyucii. Ochen' kratkoe vvedenie. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 192 s.
10. Demidov A.V. Istorija rossijskoj modernizacii (dosovetskij period). M.: samizdat, 1994. 49 s.
11. Demidov A.V. E'voljuciya rossijskoj modernizacii. M.: Izd-vo MGUP, 1998. 54 s.
12. Zimin A.A., Xoroshkevich A.L. Rossiya vremeni Ivana Groznogo. M.: Nauka, 1982. 186 s.

13. *Il'in V.V., Panarin A.S., Axiezer A.S.* Reformy' i kontrreformy' v Rossii. M.: MGU, 1996. 400 s.
14. *Istoriya Rossii: teoreticheskie problemy'. Vy'p. 2: Modernizacionny'j podxod v izuchenii rossijskoj istorii / otv. red. A.S. Senyavskij.* M.: IC Instituta rossijskoj istorii RAN, 2013. 381 s.
15. *Kamenskij A.B.* Rossijskaya imperiya v XVIII veke: tradicii i modernizaciya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 328 s.
16. *Krasil'shhikov V.A.* Modernizaciya i Rossiya na poroge XXI veka // *Voprosy' filosofii.* 1993. № 7. S. 44–46
17. *Krasil'shhikov V.A.* Vdgonku za proshedshim vekom: Razvitie Rossii v XX veke s točki zreniya mirovy'x modernizacij. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 1998. 264 s.
18. *Krasil'shhikov V.A.* Rossiya i mirovy'e modernizacii // *Pro et Contra.* 1999. T. 4. № 3. S. 89–111.
19. *Kavelin K.D.* Nash umstvenny'j stroj. M.: Pravda, 1989. 656 s.
20. *Lejbovich O.L.* Modernizaciya v Rossii: K metodologii izucheniya sovremennoj otechestvennoj istorii. Perm': ZUUNCz, 1996. 156 s.
21. *Medushevskij A.N., Shevyrin V.M.* Gosudarstvenny'j stroj Rossii perioda feodalizma (XV–XIX vv.) // *Zarubezhnaya istoriografiya: nauchno-analiticheskij obzor.* M.: Akademiya nauk SSSR, 1989. 61 s.
22. *Medushevskij A.N.* Administrativny'e reformy' v Rossii XVIII–XIX vv. v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive: nauch.-analiticheskij obzor. M.: INION, 1990. 46 s.
23. *Medushevskij A.N.* Utverzhenie absolyutizma v Rossii: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. M.: Tekst, 1994. 317 s.
24. *Medushevskij A.N.* Reformy' v Rossii XIX–XX vekov: zapadny'e modeli i russkij opy't // *Otechestvennaya istoriya.* 1996. № 2. S. 202–207.
25. *Medushevskij A.N.* Razmy'shleniya o sovremennom rossijskom konstitucionalizme. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2007. 176 s.
26. *Medushevskij A.N.* Modernizaciya v Rossii pravovy'e formy', strategii i texnologii realizacii // *Istoriya Rossii: teoreticheskie problemy'. Vy'p. 2: Modernizacionny'j podxod v izuchenii rossijskoj istorii / otv. red. A.S. Senyavskij.* M.: IC Instituta rossijskoj istorii RAN, 2013. S. 351–382.
27. *Mironov B.N.* Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1999. T. 1 547 s. T. 2. 566 s.
28. *Mironov G.M.* Gosudari i gosudarevy' lyudi, rossijskie reformatory' i kontr-reformatory' XIX – nachala XX v. M.: Mart, 1999. 256 s.
29. *Modernizaciya v sociokul'turnom kontekste: tradicii i transformacii.* Ekaterinburg: Ural'skij gumanitarny'j in-t, 1998. 179 s.
30. *Modernizaciya: zarubezhny'j opy't i Rossiya.* M.: Taurus, 1994. 115 s.
31. *Naumova N.F.* Recidiviruyushhaya modernizaciya v Rossii: beda, vina, resurs chelovechestva? M.: Editorial URSS, 1999. 176 s.
32. *Nefedov S.A.* Metod demograficheskix ciklov v izuchenii social'no-e'konomicheskoy istorii dopromy'shленного obshhestva: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 1999. 27 s.
33. *Opy't rossijskix modernizacij XVIII–XX vekov.* M.: Nauka, 2001. 246 s.
34. *Pantin V.I.* Cikly' i volny' modernizacii kak fenomen social'nogo razvitiya. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1997. 190 s.

35. *Pantin V.I.* Cikly' i volny' global'noj istorii. Globalizaciya v istoricheskom izmerenii. M.: Novy'j Vek, 2003. 276 s.
36. *Pantin V.I., Lapkin V.V.* Politicheskaya modernizaciya Rossii: cikly', osobennosti, zakonomernosti. M.: Russkoe slovo, 2007. 128 s.
37. *Plimak E.G., Pantin I.K.* Drama rossijskix reform i revolyucij: sravnitel'no-politicheskij analiz. M.: Ves' mir, 2000. 360 s.
38. *Poberezhnikov I.V.* Perexod ot tradicionnosti k industrial'nomu obshhestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy' modernizacii. M.: ROSSPE'N, 2006. 340 s.
39. *Poberezhnikov I.V.* Aktory' rossijskoj modernizacii: postanovka problemy' // Ural industrial'ny'j. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizaciya Urala v XVIII–XXI vv.: materialy' XII Vserossijskoj nauch. konf., posvyashh. 90-letiyu A.V. Bakunina. T. 1. Ekaterinburg: UMC-UPI, 2014. С. 31–41. URL: elar.urfu.ru/bitstream/10995/30345/1/uibch_2014_1-05.pdf
40. *Popova I.M., Kunyavskij M.A.* Zapazdy'vayushhaya modernizaciya: sravnitel'ny'j analiz Rossii i Ukrainy' // Sociologicheskij zhurnal. 1997. № 3. S. 20–37.
41. *Potkina I.V., Selunskaya N.B.* Rossiya i modernizaciya (v prochtenii zapadny'x ucheny'x) // Istoriya SSSR. 1990. № 4. S. 194–207.
42. *Proskuryakova N.A.* Konceptii civilizacii i modernizacii v otechestvennoj istoriografii // Voprosy' istorii. 2005. № 7. S.153–165
43. *Proskuryakova N.A.* Rossiya v XIX veke: gosudarstvo, obshhestvo, e'konomika. M.: Drofa, 2010. 592 s.
44. Reformy' v Rossii XVI–XIX vv.: sb. nauchny'x trudov / pod red. V.Ya. Grosula. M.: IRI RAN, 1992. 224 s.
45. Reformy' i reformatory' v istorii Rossii. M.: IRI RAN, 1996. 192 s.
46. *Rozov N.S.* Cikly' rossijskoj istorii: analiz porozhdayushhego mexanizma // Gumanitarny'e nauki v Sibiri. 2006. № 1. S. 56–62.
47. *Rozov N.S.* Ciklichnost' rossijskoj istorii kak bolezn': vozmozhno li vy'zdorovlenie // Polis. 2006. № 2. S. 8–28.
48. *Rozov N.S.* Istoricheskaya makrosociologiya: metodologiya i metody'. Novosibirsk: NGU, 2009. 412 s.
49. Rossijskaya modernizaciya XIX–XX vekov: institucional'ny'e, social'ny'e, e'konomicheskie peremeny'. Ufa: Bash. GU, 1997. 187 s.
50. Rossijskie reformatory' XIX – nachalo XX v. / otv. red. A.P. Korelin. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1995. 317 s.
51. *Ryazanov V.T.* E'konomicheskoe razvitie Rossii v XIX–XX vv. SPb.: Nauka, 1998. 796 s.
52. *Sapronov M.V.* Ciklichnost' istoricheskogo processa (Istoriografiya. Teoriya. Metodologiya): avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2003. 25 s.
53. Svobodnaya my'sl'. XXI. 2004. № 12. S. 38–43.
54. Sovremenny'j slovar' po obshhestvenny'm naukam / pod obshh. red. O.G. Danil'yana. M.: NICz INFRA, 2013. 314 s.
55. *Sogrin V.V.* Sovremennaya rossijskaya modernizaciya: e'tapy', logika, cena // Voprosy' filosofii. 1998. № 7. S. 3–14.
56. *Sokolov Yu.N.* Cikly' social'ny'x sistem: problemy' metodologii: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. M., 1996. 35 s.
57. *Smelzer H.* Sociologiya. M.: Feniks, 1994. 688 s.
58. Sud'by' reform i reformatoren v Rossii: ucheb. posobie. M.: RAGS, 1999. 374 s.

59. Tri veka otechestvenny'x reform // Pro et Contra. 1999. T. 4. № 3. 243 s.
60. *Turchin P.V.* Istoricheskaya dinamika. Na puti k teoreticheskoy istorii. M.: LKI, 2010. 368 s.
61. *Filippova T.A.* «Russkie tori»: konservatizm i modernizaciya // Issledovaniya po konservatizmu. Vy'p. 3. Perm', 1996. S. 56–60.
62. *Sheloxaev V.V.* Modernizaciya kak teoretiko-metodologicheskaya problema // Kuda idet Rossiya? Krizis institucional'ny'x sistem: Vek, desyatiletie, god. – M.: Logos, 1999. S. 28–38.
63. *Sheloxaev V.V.* Rossijskie reformy' kak teoretiko-metodologicheskaya problema // Rossiya v XX veke. Reformy' i revolyucii. T. 1. M.: Nauka, 2002. S. 46–54.
64. *Shlezinger A.M.* Cikly' amerikanskoj istorii. M.: Progress-Akademiya, 1992. 688 s.
65. *E'jdel'man N.Ya.* «Revolyuciya sverxu» v Rossii. M.: Kniga, 1989. 176 s.
66. *Yakovec Yu.V.* Cikly'. Krizisy'. Prognozy'. M.: Nauka, 1999. 448 s.
67. *Yanov A.L.* Ten' Groznogo czarya. Zagadki russkoj istorii. M.: Kruk, 1997. 224 s.
68. *Apter D.* The Politics of Modernization. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1965. 481 p.
69. *Black C.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N. Y.: Harper & Row, 1966. 207 p.
70. *Esanstadt S.* Modernization: Protest and Change. New Jersey: Prentice Hall, 1966. 166 p.
71. *Levi M.* Modernization and the Structure of Society. Princeton: Transaction Publishers, 1966. 869 p.
72. Reform in Modern Russian History. Progress or cycle? N. Y.: Cambridge University Press, 1995. 456 p.
73. *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. N. Y.: Cambridge University Press, 1960. 179 p.
74. Social Change. Sources, Patterns and Consequences. N. Y.: Basic Books, 1964. 503 p.

V.V. Kirillov

**On the Problem of the History of Modernization
in Russia in XVIII–XX Centuries:
General Approaches and Historiography**

The article discusses the philosophical, sociological, historical and culturological approaches to Russian modernization. Theoretical, methodological and historiographical analysis of the concepts of modernization in general and its realities in the country's history is presented.

Keywords: modernization; cyclism; cliodynamics; reforms; counter-reforms; reformation; revolution.

И.Н. Лопаткин

Средства массовой информации как субъект и объект исторического процесса

Цель работы заключается в теоретическом обосновании и практической демонстрации на конкретных примерах такого исторического факта, как применение средствами массовой информации Запада в их борьбе против современной России методов из арсенала приемов доктора Й. Геббельса, разработанных в свое время в Берлинском университете.

Ключевые слова: субъект и объект исторического процесса; агитация и пропаганда; общественное мнение; основные законы пропаганды.

В повседневной жизни государства и общества нельзя недооценивать роли средств массовой информации. Такой вывод следует из книги А.И. Черных «Ритуалы и мифы медиа». Автор говорит о том, что мы живем в обществе, которое называют медиатизированным. Далее А.И. Черных поясняет, что «этим фиксируется не просто факт выдвижения... средств массовой информации на передний план социальной жизни, но процесс наделения базовых элементов социальной и культурной реальности особенной, характерной для медиа формой, или медиаформой» [9: с. 5]. А.И. Черных делает такое замечание, ссылаясь на работы известных социологов, философов, историков, религиоведов, таких, например, как Д. Кельнер, Ж. Бодрийар, П. Кайа, П. Сканнем, М. Мид, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Г. Тард, А. Радклиф-Браун и др. Эта мысль особенно актуальна в период обострения отношений между двумя государствами или группами государств. Именно такой период переживает современная Российская Федерация во взаимоотношениях с США и странами Западной Европы. Какова роль средств массовой информации в этом противостоянии?

Если прекратить полемику о смысле или бессмысленности хода истории, то остается бесспорным вывод о том, что исторический процесс идет несмотря ни на что, и представляет собой форму и содержание существования (бытия) природы, общества, государства и человечества во времени и пространстве. При этом исторический процесс направлен на сохранение человека как уникального биосоциального существа, развитие и улучшение среды его обитания, применение в этих целях достижений научно-технического прогресса. Смысл истории заключается в том, что человечество пытается не только сохранить себя, но и обезопасить условия своего дальнейшего существования.

Иными словами, исторический процесс одухотворен интеллектом и энергией человека, его замыслами и деятельностью.

Среди субъектов исторического процесса были названы природа, общество, государство и человечество. Ю.И. Семёнов в число субъектов исторического процесса дополнительно включил страны, народы, этносы, нации, цивилизации, культуры, расы. Для обоснования данного подхода он приводит научное мнение таких историков и философов, как А.Я. Гуревич, А.А. Искендеров, В.Ф. Эрн, В.С. Соловьёв, Л.П. Карсавин, Пауль Барт, С.Ф. Платонов, Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский. В своем фундаментальном энциклопедическом справочнике по философии истории и общей теории исторической науки Ю.И. Семёнов сожалеет о том, что «никто не предпринял попытки выявить соотношение между понятиями человечества, общества, страны, государства, народа, этноса, нации, цивилизации, культуры, расы. Таким образом, в исторической науке не существует никакого четкого представления о субъекте истории, а тем самым и об объекте ее исследования. А оно необходимо. Не разобравшись в вопросе о субъекте истории, невозможно понять всемирно-исторический процесс» [8: с. 14].

Для ответа на этот вопрос следует применить философские определения субъекта и объекта. Так, например, «в теории познания субъект — это источник познавательной активности, объект — это то, на что направлена познавательная активность субъекта» [4: с. 379]. Философы считают, что «в качестве субъекта выступают не только индивид, но и некоторые мыслительные активности, находящиеся внутри его же сознания». Философия предлагает принять как данность и то, что «субъектом могут выступать также сверх (или над) индивидуальные образования: социальная группа, класс, общество, нация, научная школа и тому подобные. На уровнях понятия субъекта, выходящих за уровень индивида, в него (в «субъект») включаются, помимо индивидов, также приборы и методы, посредством которых происходит познание (сами же по себе они субъектами не являются)» [4: с. 380]. Данное утверждение лишь подчеркивает то, что понятия «субъект» и «объект» соотносительны, одно без другого невозможно, нет субъекта — нет объекта, нет объекта — нет субъекта. Эта констатация действительна только для исследования пары «субъект – объект», но не для суждений о реальности объектов.

Такой философский подход к понятиям «субъект» и «объект» в теории познания применим и в исторической науке, о чем свидетельствует, например, коллективный труд белорусских историков «Методологические проблемы истории». Ученые Белоруссии считают, что «история отличается и особым статусом субъектов, определяющих ее развитие. Человек является универсальным компонентом социальных систем, включаясь в каждую из них. За противостоянием идей в истории всегда скрывается столкновение определенных потребностей, интересов, целей; воздействие таких социальных факторов, как общественное мнение, официальная идеология, политические установки и традиции» [6: с. 14].

Проблема материала статьи заключается в исследовании вопроса и выработке рекомендаций по оказанию эффективного противодействия деятельности средств массовой информации (СМИ) Запада в их попытках лишить Россию государственного суверенитета и разрушить российскую государственность. С точки зрения создания общественного мнения средства массовой информации являются субъектом исторического процесса, так как общественное мнение «возникает не на основе тщательной интеллектуальной работы и опытного подтверждения складывающихся представлений, а в результате целенаправленного воздействия главным образом средств массовой информации на эмоциональную сферу людей. Поэтому общественное мнение зачастую искаженно истолковывает политические явления или просто выступает в качестве предубеждения людей, которые непоколебимо уверены в своей правоте» [5: с. 271]. Таким образом, для такого субъекта, как средства массовой информации, основным объектом влияния, «мишенью» является формирование общественного мнения.

История развития средств массовой информации в Российской империи, советской России и СССР, постсоветской Российской Федерации демонстрирует недостаточную по систематизации, наступательности и проблематике работу, направленную против подрывной пропагандистской деятельности средств массовой информации стран Запада.

Английское выражение *massmedia* — средства массовой информации — представляет таковыми «технические средства создания, тиражирования и распространения информационных сообщений в массовой аудитории» [7: с. 471]. Как субъект исторического процесса СМИ выступают во взаимодействии с обществом, государством и между собой и как союзники, и как противники. Степень их воздействия на формирование общественного мнения настолько значительна, что Оноре де Бальзак еще в 1840 году назвал СМИ четвертой властью.

За освещаемым в СМИ противостоянием идей обычно следует война с применением вооруженных сил или война холодная. В обоих вариантах неизменным условием является и ведение пропагандистской войны сторон с применением всего комплекса средств массовой информации. Тридцать девять периодических изданий русского зарубежья, например, создавались и действовали в переломные периоды русской истории, такие как время «после Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны, период после Второй мировой войны, время безраздельного господства советской идеологии и диссидентских протестов» [10: с. 237–240].

В современный период публикации СМИ на международном уровне достаточно точно отражают такое положение, о котором отечественные историки Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов говорили на страницах своей книги «История и конъюнктура». Они точно подметили обстановку в стране конца 80-х – начала 90-х годов XX века, которая сегодня характерна для международной тематики средств массовой информации ряда стран Европы. Это в Польше,

Прибалтике и на Украине «создают парламентские комиссии для суда над прошлым... все меньше охотников черпать силу и оптимизм не в вере, а в знании». Это в странах Западной Европы удалось отобрать «у растерянных и ожесточившихся людей соломинки простых ответов — и многие не выдержали трагического знания о страшной «силе вещей», которая превращает самые благие намерения в самые «непредсказуемые» последствия» [1: с. 4]. Это средства массовой информации заменили европейцам «простые ответы» на «очень простые». Но такое положение дел недопустимо. Средства массовой информации стран Запада поясняют просто: там, по ту сторону границы, Российская Федерация. Она — враг, от нее все беды, к ней необходимо применять санкции, лишить государственного суверенитета, экономически разрушить. Довольно просто и понятно для любого обывателя, члена любой социальной группы. Но так ли это? Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов правы в том, что «простота исторических объяснений — хуже воровства» [1: с. 4]. Подобные упрощения, например, привели к победе нацистской идеологии в Германии в 1930-е годы.

Изучение СМИ как объекта исторического процесса включает два направления. Первое направление представляет собой исследование технических средств, используемых СМИ. Второе изучает способы, приемы и методы действий средств массовой информации. Система современных СМИ включает такие подсистемы, как «пресса, различная справочная литература, радио, телевидение, кино- и звукозапись, видеозапись» [5: с. 518]. Развитие этих структур СМИ вызывает практический интерес и к их техническому оснащению, и к значению в жизни общества. Так, например, «с началом последнего десятилетия XX века более 40 % всех новых капиталовложений в производство и оборудование были сделаны в сферы информационных технологий (компьютеры, фотокопировальные и факсимильные аппараты и т. п.) — это в 2 раза больше, чем 10 лет назад» [3: с. 52]. Бывший министр финансов США У. Блюменталь писал, что «информация стала рассматриваться как ключ к современной экономической деятельности — базовый ресурс, имеющий сегодня такое же значение, какое в прошлом имели капитал, земля и рабочая сила» [3: с. 53].

СМИ влияют на формирование мировоззрения людей и могут быть использованы как средство пропаганды. Так, например, профессорско-преподавательский состав факультета журналистики Берлинского университета работал по заказу рейхсминистра пропаганды фашистской Германии Й. Геббельса и вывел основные законы пропаганды. К таким законам были отнесены: «закон умственного упрощения, закон ограничения и фильтрации материала, закон «вдалбливающего повторения» и закон эмоционального нагнетания. При этом предлагалось «выбросить за борт» понятие общественного мнения, ибо мнение массы должна формировать пропаганда» [2]. И в современных условиях агитационно-пропагандистский аппарат и СМИ Российской Федерации должны учитывать мысли Дж. Ф. Даллеса, изложенные в его книге «Война или мир», в которой он писал: «За последние годы США истратили много

миллиардов долларов, готовясь к возможной войне бомб, самолетов и пушек, но расходовали мало на войну идей, в которую мы вовлечены и в которой терпим неудачи, невозместимые никакой военной мощью» (цитируется по: [2]). В настоящее время американцы сделали правильный вывод из материала книги Дж. Ф. Даллеса и начали рассматривать Российскую Федерацию как серьезного соперника на международной арене, о чем говорит факт размещения пропагандистского центра США в Прибалтике.

Исследования вопроса сочетания в СМИ одновременно качеств субъекта и объекта исторического процесса приводит к следующим выводам.

1. Запад планомерно использует деятельность всех видов СМИ для разрушения, прежде всего экономической и политической составляющих российской государственности с конечной целью — лишить Российскую Федерацию государственного суверенитета.

2. Российской Федерации необходима постоянная, наступательная агитационно-пропагандистская работа по разъяснению всем социальным слоям населения страны роли и значения СМИ в жизни каждого человека, умения анализировать и разоблачать подрывную работу против нашей Родины — России.

На состоявшейся в конце января 2016 года пресс-конференции министра иностранных дел РФ С. Лаврова было отмечено, что Правительство РФ согласно с «запальчивыми» заявлениями наших западных партнеров о том, что таких сделок с Россией, как были раньше, уже не будет. Задача государства, общества, каждого гражданина страны заключается в том, чтобы эти слова С. Лаврова постоянно претворялись в жизнь в практике взаимоотношений Российской Федерации с иностранными государствами.

Литература

1. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
2. *Ибраева Г.* СМИ в военно-политических конфликтах XX в. [Электронный ресурс]. URL: [psyfactor.org /lib/infowar3.htm](http://psyfactor.org/lib/infowar3.htm)
3. *Кравченко А.И.* Социология в вопросах и ответах: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. 240 с.
4. *Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева.* М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 496 с.
5. *Мельник В.А.* Современный словарь по политологии. Минск: Книжный Дом, 2004. 640 с.
6. *Методологические проблемы истории / под общ. ред. В.Н. Сидорцова.* Минск: Тетра Системс, 2006. 352 с.
7. *Ольшанский Д.В.* Политико-психологический словарь. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 576 с. (Серия «Gaudeamus»).
8. *Семёнов Ю.И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

9. *Черных А.И.* Ритуалы и мифы медиа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. 160 с.
10. *Шмаглит Р.Г.* Русское зарубежье в XX веке. 800 биографий. М.: АСТ: Зебра Е, 2007. 254 с.

Literatura

1. *Bordyugov G.A., Kozlov V.A.* Istoriya i kon'yunktura: sub'ektivny'e zametki ob istorii sovetskogo obshhestva. M.: Politizdat, 1992. 352 s.
2. *Ibraeva G.* SMI v voenno-politicheskix konfliktax XX v. [E'lektronny'j resurs]. URL: psyfactor.org /lib/infowar3.htm
3. *Kravchenko A.I.* Sociologiya v voprosax i otvetax: ucheb. posobie. M.: Prospekt, 2010. 240 s.
4. *Kratkij filosofskij slovar' / pod red. A.P. Alekseeva.* M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2004. 496 s.
5. *Mel'nik V.A.* Sovremenny'j slovar' po politologii. Minsk: Knizhny'j Dom, 2004. 640 s.
6. *Metodologicheskie problemy' istorii / pod obshh. red. V.N. Sidorczova.* Minsk: Tetra Systems, 2006. 352 s.
7. *Ol'shanskij D.V.* Politiko-psixologicheskij slovar'. M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2002. 576 s. (Seriya «Gaudeamus»).
8. *Semyonov Yu.I.* Filosofiya istorii. (Obshhaya teoriya, osnovny'e problemy', idei i koncepcii ot drevnosti do nashix dnei). M.: Sovremenny'e tetradi, 2003. 776 s.
9. *Cherny'x A.I.* Ritaly' i mify' media. M.; SPb.: Centr gumanitarny'x iniciativ; Gnozis, 2015. 160 s.
10. *Shmaglit R.G.* Russkoe zarubezh'e v XX veke. 800 biografij. M.: AST: Zebra E, 2007. 254 s.

I.N. Lopatkin

Mass Media as the Subject and the Object of the Historical Process

The purpose of this research work lies in theoretical substantiation and practical demonstration on specific examples of such a historical fact as the use by Western mass media in their fight against modern Russia of tools from the arsenal of techniques of Dr. J. Goebbels that were developed at one time at Berlin University.

Keywords: the subject and the object of the historical process; agitation and propaganda; public opinion; basic laws of propaganda.

Р.А. Орехов

Проходил ли Синухет под стенами Мемфиса?

Статья явилась результатом критического рассмотрения гипотезы Х. Гедике об упоминании в «Повести Синухета» древней резиденции — Мемфиса. Х. Гедике допускает, что упоминание в тексте словосочетания *hnw pn*, где используется указательное местоимение ближнего порядка, свидетельствует о намерении Синухета в ходе бегства не входить в древнюю резиденцию. Поэтому он противопоставляет данное словосочетание упоминаемой резиденции царей Среднего царства Ичи-тауи (*Jtj-t3wj*), где также используется термин *hnw*, но уже без местоимения *pn*. Как мне удалось показать в ходе исследования, автор повести вовсе не противопоставляет друг другу данные категории, а использует их именно для обозначения действующей резиденции Ичи-тауи (*Jtj-t3wj*). Однако для бывшей резиденции царя Снофру (2613–2589 гг. до н. э.) вводит совершенно иной термин — *wnt* («местопребывание»). Это связано с тем, что владения здравствующего царя впоследствии становились ядром его заупокойного культа. Скорее всего, Мемфис, как самостоятельная единица во времена Сенусерта I (1971–1926 гг. до н. э.) еще не успел выделиться из общей массы припирамидных поселений Древнего царства. В статье также предпринимается попытка показать, как мог пролегать маршрут бегства Синухета из военного лагеря в ходе ливийской кампании Сенусерта I.

Ключевые слова: Х. Гедике; Синухет; Мемфис; резиденция; припирамидный город; Сенусерт I; Снофру.

В 2015 году ушли из жизни два неординарных египтолога — Ханс Гедике и Сергей Стадников. Х. Гедике — австриец, большую часть жизни проработавший в Северной Америке, в Институте Дж. Хопкинса в Балтиморе; С. Стадников — русский, всегда проживавший в Эстонии. И хотя их вклад в египтологию в силу разных причин, конечно же, несопоставим, оба отдали много сил и времени переводу и интерпретации одного из самых значительных памятников египетской литературы Среднего царства — «Повести Синухета»¹. Эту статью мне бы хотелось посвятить их памяти.

¹ Так случилось, что в свое время мне удалось ознакомиться с дипломной работой С. Стадникова «Перевод повести Синухета», выполненной в Тартуском университете под руководством

Несомненной заслугой Х. Гедике можно считать то, что он, не побоявшись авторитета А. Гардинера², предложил весьма оригинальную версию «бегства» Синухета, которая в настоящий момент получила у многих египтологов признание [11]³. В чем суть его гипотезы? Согласно Х. Гедике, приближенный Сенусерга I Синухет, боясь дворцовой смуты, которая должна была разразиться после внезапной смерти Аменемхета I, покинул расположение военного лагеря и караванным путем через Вади Натрун направился в сторону северной Гизы. Далее, согласно Гедике, его путь лежал в «резиденцию» царя Снофру, вблизи от которой он совершил переправу на противоположный восточный берег и высадился рядом с местностью Джебель-эль-Ахмар (Красная гора)⁴. В дальнейшем его путь пролегал уже в сторону Азии.

Если мы примем в своей основе гипотезу Х. Гедике, перед нами встает одна интересная проблема, а именно, почему по ходу «бегства» Синухета, автор повести совершенно не упоминает о древнем Мемфисе⁵? Заметим, что это «умолчание» происходит дважды! В первый раз, когда Синухет покинул Гизу с расположенным там святилищем Сикоморы и двигался в сторону «резиденции» Снофру (разумеется, мы принимаем в расчет тот факт, что перемещение осуществлялось вдоль прибрежной полосы). Во второй раз это происходит

в момент переправы через Нил в области Негау . В этой связи представляется важным замечание С. Стадникова. Он, в частности, справедливо указывает, что «судно без руля»⁷, которое упомянуто в тексте, может только дрейфовать в направлении противоположного берега, учитывая западный ветер [5: с. 51]. Этот длительный дрейф замечательным образом объясняет, почему плот Синухета причалил в области Красной горы, значительно ниже по течению относительно Дахшура, где и располагалась

ленинградского египтолога, ученика Ю.Я. Перепелкина, И.В. Виноградова. В этой работе исследователь высказал ряд интересных замечаний, которые я постарался учесть в ходе данного исследования. К сожалению, опубликовать этот перевод при жизни исследователя не удалось.

² Речь идет о работе [10].

³ Прежде всего, стоит упомянуть сводную работу М. Барты [8]. Литература там же [8: р. 275–279].

⁴ В своем исследовании Х. Гедике отталкивается именно от этого топонима, так как данная местность хорошо известна вплоть до настоящего времени, и строит свои доводы в обратном направлении, т. е. к точке начала «бегства».

⁵ В настоящее время под городищем «древний Мемфис» принято подразумевать десяток теллей или комов, расположенных между современными деревнями Митрахина, Эзбет Габри, Азизия и городом Бедрашейн на расстоянии около 24 км к югу от центра Каира. Более подробно по топографии Мемфиса см.: [23: р. 281–290].

⁶ Как полагает Х. Гедике, в данном случае подразумевается место водопоя скота, которое находилось южнее современного Каира [11: р. 81]. Согласно А. Гардинеру, топоним указывает на район переправы скота на противоположный восточный берег [10: р. 166].

⁷ С. Стадников делает интересное наблюдение на этот счет. Он полагает, что руль не оказался на месте вследствие обыкновенной практики защиты судна от кражи [5: с. 50].

там святилищем Сикоморы мы будем понимать не район современной Гизы, как полагает Х. Гедике, а непосредственно сам Дахшур.

Аргументация Х. Гедике базируется на написании топонима Маати, взятого из Ашмолеанского остракона (XIX династия), где в качестве детерминатива используется два необычных знака , вместо более раннего

 [22: s. 13]. Он полагает, что данный детерминатив можно понимать как «две сияющих» («the two shining ones»), т. е. пирамиды [11: p. 83]¹¹.

Эта убежденность, в частности, основывается на надписи жреца-чтеца Тетиэмсафа, в которой последний упоминает о своих обязанностях в ряде пирамидных комплексов Древнего царства. Гедике полагает, что группа знаков

в одном из таких случаев является своеобразным эпитетом к названию пирамиды Хуфу [11: p. 83]¹².

Другим доводом в пользу того, что речь в данном отрывке повести идет именно о Гизе, является указание *m h3w Nht* «вблизи святилища Сикоморы». Вслед за С. Хасаном Гедике полагает, что речь в тексте идет о знаменитом храме Хатхор, который по ряду свидетельств находился именно вблизи Великих пирамид, т. е. пирамид Хуфу и Хафра [11: p. 82, 18: p. 226]. Однако это не совсем так.

Для современного сознания вполне очевидно, что Гиза ассоциируется с двумя почти равновеликими пирамидами. Однако для египтянина они были творениями разных царей и не составляли некоего культового единства¹³. Пирамиды же

Снофру, напротив, данное единство подразумевали:

[15: S. 1373]. Буквальный перевод знаменитого топонима *H3jw3j-Snfrw* «два сияния Снофру», т. е. припирамидного города в современном Дахшуре. Более того, именно этот царь был первым, кто включил категорию Маат¹⁴ в собственную титулатуру: Хор, Владыка Правды *Nb-m3t*, Владыка Правды Снофру *Nb-m3t Snfr-Wj*, Владыка Правды в Обеих владычицах, т. е. в венцах Верхнего и Нижнего Египта *Nb-m3t-Nbtj* [15: S. 1256]. А если это так, то не подразумевается ли под «каналом Маати» место рядом с пирамидами Снофру? Единственным кажущимся препятствием для этого является «святилище сикоморы».

¹¹ Например, составители «The Literature of Ancient Egypt» предлагает переводить данное словосочетание как «две Маат», другими словами, двойные знаки и могут восприниматься только как детерминативы к фонетически выписанной двойственной форме *m33tu* [28: p. 56].

¹² Получается, что данный эпитет можно прочесть как «свет пирамид». Представляется, что ближе к истине традиционный перевод — *šwt mrw* — «совокупность пирамид» [31: S. 426; 4; 15: S. 808]. Другими словами, жрец-чтец Тетиэмсаф отправлял заупокойный культ во всех перечисленных пирамидах.

¹³ Пожалуй, исключением являются надписи принцев, будущих царей, Аменхотепа II и Тутмоса IV, обнаруженные рядом со статуей Великого сфинкса в Гизе [32: S. 168–171, 206–207].

¹⁴ Буквальный перевод — «правда», «божественное установление», «миропорядок».

справедливо полагает, что речь в данном случае идет не об острове, а о «северной резиденции». На это дополнительно указывают топонимы — «Врата Имхотепа» и «Нога» Хора, Владыки *маат*, т. е. Снофру (см. выше)¹⁶. Вывод вполне очевиден: войско Уны было сформировано и начало свое движение от «северной резиденции»! Но как правильно прочитать в таком случае знак ?

Ответ на этот вопрос Х. Гедике находит в титулатуре Среднего царства, у упомянутого выше Тетиэмсафа, который помимо жреческой службы в пира-

мидах Снофру, Хуфу и Тети, был «начальником *wnt*»¹⁷ I . Так как это место расположено рядом с вышеперечисленными пирамидами, исследователь предполагает, что оно было связано с регионом древнего Мемфиса.

Следовательно, знак вытянутого овала рядом с именем Снофру I может быть понят как его резиденция в Дахшуре, the place of being, *wnt*, от глагола *wn* «быть» [11: p. 82].

Смысл всей фразы целиком в таком случае будет выглядеть следующим образом: «Вышел я (к) каналу *Маати*, около святилища Сикоморы (т. е. долинного храма южной пирамиды Снофру), достиг местопребывания/резиденции Снофру».

На этом моменте мы несколько отвлечемся от «Повести Синухета» и обратим внимание на одну важную деталь, имеющую непосредственное отношение к теме нашего исследования. В одной из своих работ американский исследователь О. Голе, анализируя источники Древнего царства, в которых упоми-

нается термин *pr-ʕ3*, т. е. царский «дворец», приходит к заключению, что этот термин в первую очередь был связан с местом пребывания и функциями живого правителя, вопреки мнению Х. Гедике, который считал, что *pr-ʕ3* в Древнем царстве использовался для обозначения царского заупокойного комплекса [13]¹⁸. Дискуссия между Х. Гедике и О. Голе по вопросу

¹⁶ Другими словами, «(место), находящееся под стопой владыки Снофру». В новом издании лексики Р. Ханниг не локализует данный топоним, в общем старом словаре он делает попытку сопоставить его с некрополем Меира [15: s. 1324]. Я убежден, что данные топонимы указывают именно на область северной резиденции, где происходил сбор ополчения Уны. В некотором смысле Уна предвеляет путь Синухета, так как его военная компания также была направлена против ливийцев, на что указывает упоминание «срубленных виноградников», т. е. района тяготеющего к области Средиземноморского побережья. Очевидно, что Синухет двигался точно таким же путем, только в обратном направлении! В таком случае «Врата Имхотепа» [16: s. 1571] располагались в районе южной Саккары, рядом с владениями Снофру. См. по этому вопросу также [33: s. 16].

¹⁷ Р. Ханниг определяет *wnt* как «форт» [16: s. 92; 15: S. 54], Д. Вильдунг — как «крепость» рядом с резиденцией [33: s. 15–16].

¹⁸ По мнению Голе, *pr-ʕ3* употребляется чаще всего в титулах, связанных с повседневной жизнью царя и обозначал место его фактического пребывания [13: p. 90]. В этом отношении Голе проводит различие в употреблении терминов *pr-ʕ3* и *pr-nswt*. Последний, по его мнению, употреблялся для обозначения дворца как института власти, совокупности административных функций, которые осуществлялись от имени фараона, и в этом отношении был в меньшей мере связан с конкретным правителем, который в данный момент находился у власти [13: p. 88–89].

о значении термина *pr-ʕ* затрагивает важный вопрос о местоположении царской резиденции в период Древнего царства. По мнению Голе, связь термина *pr-ʕ* с заупокойным комплексом фараона объясняется тем, что в период правления IV династии царские резиденции находились в припирамидных городах в непосредственной близости от центров посмертного культа фараона [13: р. 79].

Таким образом, наше понимание эпизода Синухета подтверждает правоту выводов О. Голе и ряда других исследователей, которые указывали на расположение царской резиденции в непосредственной близости от пирамидного комплекса, т. е. в городе при царской пирамиде [3: с. 126–127; 30: р. 102–104].

То, что «святилище Сикоморы» (а по сути — долинный храм!), к которому вышел Синухет, соприкасалось непосредственно с царской резиденцией, доказывают и другие источники Древнего царства. Так, в письме царя Джемдехара Исеси верховному сановнику Сенеджемибу упоминается «Мерет Исеси, который на канале дворца» (*mrt-Jzzj ntjt hr š nj pr-ʕ*), или в титулатуре жрицы богини Хатхор, владычицы «обеих берегов (и) сикоморы» Перти — «Мерет Пепи Неферкара дворца» (*mrt-Pjpw njt d3dw*) [7: с. 99, 101]. Очевидно, что у каждого царя был свой дворец и свое святилище мерет. Также очевидно, что царский дворец располагался в городе, рядом со строящейся пирамидой. Например, высокий сановник Нисутнефер был «начальником дворца (*jmj-rʕ ḥ*) города при пирамиде Велик Хафра» в Гизе [20: с. 175–176].

Как полагает Т.Н. Савельева, все эти владения составляли экономическую

единицу *r3-š* [4: с. 69]¹⁹. На основе документов Абусирского архива исследовательница определяет данный термин как «совокупность угодий каждого царя со всеми строениями и сооружениями», будь то дворец, храм, святилище или пирамида²⁰. Другими словами, резиденция каждого царя впоследствии становилась опорной точкой его заупокойного культа, т. е. ядром заупокойных владений²¹!

В этой связи необходимо учитывать, что предполагаемая «резиденция Снофру» в повести Синухета была резиденцией усопшего царя и функционировала как место отправления его заупокойного культа. Эта территория как бы закреплялась (огораживалась) за умершим владыкой навечно²². Несомненно,

¹⁹ Р. Ханниг определяет данную лексему как «пространство между пирамидой и набережной порта», а также как сельхозпоселения, обслуживающие хозяйства столицы и припирамидных храмов [16: с. 699]. Впрочем, позиция Т.Н. Савельевой представляется нам более обоснованной, так как учитывает полный спектр источников. Относительно *pr-ʕ* смотрите также одну из последних работ [30: р. 114].

²⁰ Впрочем, на всем протяжении долины были разбросаны «филиалы» пирамидного хозяйства, так называемые дома шнау [6: с. 298]. Иначе говоря, за пирамидами закреплялись территории вне резиденции, но которые составляли экономическое единство с конкретным заупокойным комплексом.

²¹ Данная практика подтверждается источниками периода, непосредственно предшествующего Древнему царству [4: с. 29–30].

²² См.: Дахшурский указ Пепи I припирамидному поселению Снофру [4: с. 142–147].

и в жизнеописании Уны под «северной резиденцией» подразумевается область, в которую входили заупокойные владения Снофру и Джосера, которые, вероятно, могли снабжать провиантом его ополчение (см. выше).

Именно поэтому, как нам представляется, резиденция умершего правителя — *wnt* — противопоставляется в повести Синухета резиденции живущего правителя — *hnw*:

«Отправился я²³ на юг²⁴, но не думал я возвращаться в резиденцию эту» (Sinuhe, § 9 (В 5-6))²⁵.

«Демонстратив» *pn*, как мы видим, не играет здесь никакой роли. Его наличие как бы подчеркивает нежелание Синухета возвращаться в столицу, в которой началась смута [5: с. 44]. Однако задумаемся в этой связи над следующим: почему знак резиденции у Снофру имеет вид продолговатого овала?

Можно предположить, что эта форма в чем-то копирует царский картуш²⁶, показывая тем самым, что область находится под особым покровительством давно умершего владыки или его царственного небесного отца — Солнечного бога [6: с. 87]. А царский картуш, как хорошо известно, вводится именно при Снофру. Поэтому исключить данную трактовку полностью нельзя, но есть и другое объяснение.

Как полагают Д. Джеффрис и А. Товарес, ведущие исследования городища Мемфиса в рамках проекта «Survey of Memphis», в правление первых трех династий поселения на месте будущего Мемфиса располагались на западном берегу Нила, у подножия еще и поныне крутого откоса северо-восточной части саккарского некрополя. В этот период Мемфис, вероятно, из-за недостатка территории простирался лентой вдоль реки [19: р. 159]. В период Древнего царства, когда правил Снофру, Мемфис также располагался на западе, при этом он, возможно, был ограничен каналом Либейни, который в настоящее время протекает вдоль шоссе, идущего от Гизы на юг, и, вероятно, является древним руслом Нила [19: р. 159]. По мнению С. Лав, протяженность этого своеобразного «города» могла достигать 30 километров, от Дахшура до Абу-Роаша [24: р. 82]. Только в Новом царстве Мемфис раскинет свою территорию гораздо дальше, включая восточный берег Нила.

Вероятно, что вытянутая форма жизненного пространства рядом с рекой и предрешила вытянутую форму царских угодий *r3-š*, а впоследствии выросших

²³ Букв. «сотворил хождение» — *jr.t.j šm.t*.

²⁴ Букв. «в начало» — *m hntj.t*. По египетским представлениям «начало» страны находилось на юге, в Элефантине, в области Первых порогов.

²⁵ Отметим дополнительно, что в эпоху Древнего царства под термином *hnw* подразумевалась не просто ставка (резиденция) живущего правителя страны, но и мощная хозяйственная составляющая, которая ее обслуживала, включая порты, склады, мастерские, жилища сановников, рабочих и прислуги. В конечном счете ставка служила центром перераспределения ресурсов между провинцией, припирамидным городом, храмами и некрополем [30: р. 99–104].

²⁶ Царский картуш представлял собой круг *šn* и являлся в Египте символом солнца, в который было заключено царское имя.

на их основе заупокойных «резиденций» умерших владык — *wnt*. В эпоху Среднего царства столица государства уже находилась вблизи Файума, т. е. в том месте, где на новых территориях было возможно основывать новые экономические единицы, которые также ложились в основу заупокойного культа владык, но уже Среднего царства.

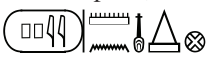
Таким образом, «Повесть Синухета» является для нас важнейшим историческим источником, в том числе в области египетской топонимики. Ведь получается, что Синухет попросту еще не застал того города, который впослед-

ствии станет легендарным Мемфисом , так как он был всего лишь маленьким поселением, ничем не отличающимся от таких же припирамидных городков²⁷, только-только начинающим свою дорогу к всеегипетской славе.

Литература

1. Берлев О.Д., Ходжаши С.И. Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог. М.: Восточная литература, РАН, 2004. 568 с.
2. Орехов Р.А. К пространственной ориентации Великого Сфинкса, или Куда смотрит «Отец ужаса» // *And the Earth is Joyous... И земля в ликовании. Essays in Honour of Galina A. Belova: сб. статей в честь Г.А. Беловой / ред. С.В. Иванов, Е.Г. Толмачева. М.: ЦЕИ РАН, 2015. С. 265–284.*
3. Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука, 1988. 304 с.
4. Савельева Т.Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии). М.: Наука, 1992. 181 с.
5. Стадников С. Перевод «Повести Синухета»: дипломная работа / Научный руководитель И.В. Виноградов. Тарту: Тартуский университет, 1982. 155 с.
6. Шэхаб Эль-Дин Т. Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1993. 322 с.
7. Barta W. Zur Lokalisierung und Bedeutung der mrt-Bauten // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1983. Bd. 110. S. 98–104.
8. Bárta M. Sinuhe, the Bible, and the Patriarchs / Foreword by T.E. Levy. Praha: Czech Institute of Egyptology, 2003. 285 p.
9. Fakhry A. The Bent Pyramid of Dahshur (with papers by Hasan Mostafa and Herbert Ricke). Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1954. 594 p.
10. Gardiner A. Notes on the Story of Sinuhe. Paris: Librairie Honoré Champion, 1916. 194 p.
11. Goedicke H. The Route of Sinuhe's Flight // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1957. Vol. 43. P. 77–85.
12. Goedicke H. Three Small Tokens. Memphis // *Times, Signs and Pyramids. Studies in Honour of Miroslav Verner on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Callender V.,

²⁷ Исходя из написания топонима «Мемфис», можно заключить, что этот город возник

на месте припирамидного поселения царя Пепи I Мерира (VI дин.), где находился его дворец и резиденция. Однако произошло это не ранее начала Нового царства [16: s. 1555; 12: p. 132–134].

Bareš L., Bárta M., Krejčí J. (eds). Faculty of Arts, Charles University in Prague. Prague, 2011. P. 132–134.

13. *Goelet O.* The Nature of the Term *pr-ḥ* during the Old Kingdom // Bulletin of Egyptological Seminar of New York. 1989–1990. Vol. 10. P. 77–90.

14. *Grapow H.* Untersuchungen zur Ägyptischen Stilistik I. Der Stilistische Bau der Geschichte des Sinuhe. Berlin: Akademie-Verlag, 1952. 124 s.

15. *Hannig R.* Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v. Chr.). (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 64). Mainz a. R.: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. 1753 s.

16. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit. (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 98). Mainz a. R.: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. 1681 s.

17. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Teil 1–2. (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 112). Mainz a. R.: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 3330 s.

18. *Hassan S.* The Great Sphinx and its Secrets. Historical Studies in the Light of Recent Excavations (Giza VIII). Cairo: Government Press, 1953. 313 p.

19. *Jeffreys D., Tavares A.* The historic landscape of Early Dynastic Memphis // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Bd. 50. 1994. P. 143–174.

20. *Junker H.* Giza III. Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Giza. Bd. III. Die Mastabas der Vorgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky, 1938. 256 s.

21. *Kitchen K.* Towards a reconstruction of Ramesside Memphis / Eds. E. Bleiberg and R. Freed. Fragments of a Shattered Visage: Proceedings of the International Symposium on Ramesses the Great. Memphis: Memphis State University, 1991. P. 87–104.

22. *Koch R.* Die Erzählung des Sinuhe / Bibliotheca Aegyptiaca XVII. Bruxelles, 1990. 21 s.

23. *Krol A.A.* Topography of Ancient Memphis: Previous Theories and New Data / Red. K. Endreffy, A. Gulyás // Proceedings of the Fourth Central European Conference of Young Egyptologists, 31 August – 2 September 2006, Budapest, Studia aegyptiaca XVIII, Budapest, 2007. P. 1–10.

24. *Love S.* Questioning the location of the Old Kingdom capital of Memphis, Egypt // Papers from the Institute of Archaeology. 2003. Vol. 14. P. 70–84.

25. *Malek J.* The temples at Memphis: Problems highlighted by the EES survey / Ed. S. Quirke // The Temple in Ancient Egypt: New Discoveries and Recent Research. London, 1997. P. 90–101.

26. *Moftah R.* Die uralte Sykomore und andere Erscheinungen der Hathor // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 92. 1965. S. 40–47.

27. *Sethe K.* Urkunden des Alten Reiches. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933. 308 s.

28. The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry / Ed. W.K. Simpson. 3rd Edition. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 624 p.

29. *Thompson D.* Memphis under the Ptolemies. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2012. 360 p.

30. *Verner M.* Sons of the Sun. Rise and Decline of the Fifth Dynasty. Prague: Charles University in Prague, Faculty of Arts, 2014. 306 p.

31. *Wb – Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. I–V. Leipzig: Akademie-Verlag, 1929–1931.
32. *Wildung D.* Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt: Posthume Quellen über die Könige der ersten vier Dynastien / Münchner ägyptologische Studien, Heft 17, Berlin: Hessling, 1969. 265 s.
33. *Wildung D.* Imhotep und Amenhotep: Gottwerdung im alten Ägypten / Münchner ägyptologische Studien, Heft 36, München: Deutscher Kunstverlag, 1977. 320 s.

Literatura

1. *Berlev O.D., Xodzhash S.I.* Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeja izobrazitel'ny'x iskusstv imeni A.S. Pushkina. Katalog. M.: Vostochnaya literatura, RAN, 2004. 568 s.
2. *Orexov R.A.* K prostranstvennoj orientacii Velikogo Sfinksa, ili kuda smotrit «Otec zhasa» // And the Earth is Joyous... I zemlya v likovanii. Essays in Honour of Galina A. Belova: sb. statej v chest' G.A. Belovoj / red. S.V. Ivanov, E.G. Tolmacheva. M.: CZEI RAN, 2015. S. 265–284.
3. *Perepelkin Yu. Ya.* Xozyajstvo staroegipetskix vel'mozh. M.: Nauka, 1988. 304 s.
4. *Savel'eva T.N.* Xramovy'e xozyajstva Egipta vremeni Drevnego czarstva (III–VIII dinastij). M.: Nauka, 1992. 181 s.
5. *Stadnikov S.* Perevod «Povesti Sinuxeta»: diplomnaya rabota / Nauchny'j rukovoditel' I.V. Vinogradov. Tartu: Tartusskij universitet, 1982. 155 s.
6. *She'xab E'l'-Din T.* Avtobiografiya v Drevnem Egipte v e'poxu IV–VIII dinastij: dis. ... kand. istoricheskix nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet, 1993. 322 s.
7. *Barta W.* Zur Lokalisierung und Bedeutung der mrt-Bauten // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1983. Bd. 110. S. 98–104.
8. *Bárta M.* Sinuhe, the Bible, and the Patriarchs / Foreword by T.E. Levy. Praha: Czech Institute of Egyptology, 2003. 285 p.
9. *Fakhry A.* The Bent Pyramid of Dahshur (with papers by Hasan Mostafa and Herbert Ricke). Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1954. 594 p.
10. *Gardiner A.* Notes on the Story of Sinuhe. Paris: Librairie Honoré Champion, 1916. 194 p.
11. *Goedicke H.* The Route of Sinuhe's Flight // The Journal of Egyptian Archaeology. 1957. Vol. 43. P. 77–85.
12. *Goedicke H.* Three Small Tokens. Memphis // Times, Signs and Pyramids. Studies in Honour of Miroslav Verner on the Occasion of His Seventieth Birthday. Callender V., Bareš L., Bárta M., Krejčí J. (eds). Faculty of Arts, Charles University in Prague. Prague, 2011. P. 132–134.
13. *Goelet O.* The Nature of the Term *pr-ʿ3* during the Old Kingdom // Bulletin of Egyptological Seminar of New York. 1989–1990. Vol. 10. P. 77–90.
14. *Grapow H.* Untersuchungen zur Ägyptischen Stilistik I. Der Stilistische Bau der Geschichte des Sinuhe. Berlin: Akademie-Verlag, 1952. 124 s.
15. *Hannig R.* Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v. Chr.). (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 64). Mainz a. R.: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. 1753 s.
16. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit. (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 98). Mainz a. R.: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. 1681 s.

17. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Teil 1–2. (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 112). Mainz a. R.: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 3330 s.
18. *Hassan S.* The Great Sphinx and its Secrets. Historical Studies in the Light of Recent Excavations (Giza VIII). Cairo: Government Press, 1953. 313 p.
19. *Jeffreys D., Tavares A.* The historic landscape of Early Dynastic Memphis // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Bd. 50. 1994. P. 143–174.
20. *Junker H.* Giza III. Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Giza. Bd. III. Die Mastabas der Vorgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky, 1938. 256 s.
21. *Kitchen K.* Towards a reconstruction of Ramesside Memphis / Eds. E. Bleiberg and R. Freed. Fragments of a Shattered Visage: Proceedings of the International Symposium on Ramesses the Great. Memphis: Memphis State University, 1991. P. 87–104.
22. *Koch R.* Die Erzählung des Sinuhe / Bibliotheca Aegyptiaca XVII. Bruxelles, 1990. 21 s.
23. *Krol A.A.* Topography of Ancient Memphis: Previous Theories and New Data / Red. K. Endreffy, A. Gulyás // Proceedings of the Fourth Central European Conference of Young Egyptologists, 31 August – 2 September 2006, Budapest, Studia aegyptiaca XVIII, Budapest, 2007. P. 1–10.
24. *Love S.* Questioning the location of the Old Kingdom capital of Memphis, Egypt // Papers from the Institute of Archaeology. 2003. Vol. 14. P. 70–84.
25. *Malek J.* The temples at Memphis: Problems highlighted by the EES survey / Ed. S. Quirke // The Temple in Ancient Egypt: New Discoveries and Recent Research. London, 1997. P. 90–101.
26. *Moftah R.* Die uralte Sykomore und andere Erscheinungen der Hathor // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 92. 1965. S. 40–47.
27. *Sethe K.* Urkunden des Alten Reiches. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933. 308 s.
28. The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry / Ed. W.K. Simpson. 3rd Edition. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 624 p.
29. *Thompson D.* Memphis under the Ptolemies. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2012. 360 p.
30. *Verner M.* Sons of the Sun. Rise and Decline of the Fifth Dynasty. Prague: Charles University in Prague, Faculty of Arts, 2014. 306 p.
31. *Wb – Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der aegyptischen Sprache. Bd. I–V. Leipzig: Akademie-Verlag, 1929–1931.
32. *Wildung D.* Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt: Posthume Quellen über die Könige der ersten vier Dynastien / Münchner ägyptologische Studien, Heft 17, Berlin: Hessling, 1969. 265 s.
33. *Wildung D.* Imhotep und Amenhotep: Gottwerdung im alten Ägypten / Münchner ägyptologische Studien, Heft 36, München: Deutscher Kunstverlag, 1977. 320 s.

R.A. Orekhov

Did Sinuhe ever Pass under the Walls of Memphis?

This article is a result of a critical consideration of H. Goedicke's theory about the mention of ancient residence of Memphis in "Story of Sinuhe". H. Goedicke assumes that use of collocation *hnw pn* in the text, where the demonstrative pronoun of short-range order is used, testifies that Sinuhe did not have an intention to enter the ancient residence during the flight. This is the reason why H. Goedicke contrasts this collocation with the mentioned residence of the kings during the Middle Kingdom Ichi-taui (*Jtj-t3wj*). Its name also contains the term *hnw* but the pronoun *pn* is not used. However the author of this article was able to show in the course of the study that author of the novel did not contrast these categories to each other, but he used them exactly to refer to the current residence Ichi-taui (*Jtj-t3wj*). However, for the former residence of king Snofru (2613–2589 BCE) he introduces an entirely different term — *wnt* ("the seat"). This could be connected with the fact that king's domains further would become a central part of his memorial cult. Most likely, Memphis, as an independent unit in the time of Senusertes I (1971–1926 BCE) did not yet managed to stand out from the group of settlements near pyramids of the Old Kingdom. Also in the article the author makes an attempt to show how Sinuhe's escape route could run from a military camp during the Libyan campaign of Senusertes I. The article is dedicated to H. Goedicke's memory, who died in March 2015.

Keywords: H. Goedicke; Sinuhe; Memphis; the residence; the near pyramid town; Senusertes I; Snofru.

Г.Г. Нагиев

Оборонительные сооружения средневековых городов Азербайджана: пути развития и особенности эволюции

Изучение остатков оборонительных сооружений древних городов дает возможность уточнить время их построения, разрушения или восстановления. Исследование крепостных сооружений помогает воссоздать динамику развития городов, частично или полностью определить их социально-экономический уровень на определенном историческом отрезке и установить их политическое положение в стране. В статье анализируются пути эволюции фортификационных элементов городов средневекового Азербайджана, их роль в системе обороны на основе письменных и археологических материалов.

Ключевые слова: фортификация средневековых городов; оборонительная система; крепостные сооружения.

Развитие городов Азербайджана, их фортификационных систем и топографии прошло сложный путь, и каждая историческая эпоха выработала свои приемы и конструкции строительства. Благодаря исследованию остатков крепостных систем города можно восстановить картину социально-экономических отношений их жителей, так как крепостные сооружения города выполняли наряду с военно-оборонительной функцией и определенные социальные задачи.

Система фортификации городов включала в себя такие основные элементы, как *цитадель, крепостные стены и рвы, башни, укрепления ворот*.

Цитадели, являющиеся основным компонентом средневекового города и наиболее укрепленной частью системы, играли главную роль в случае возможного нападения и осады. Составляя самостоятельную часть города и располагаясь на естественно защищенной и наиболее возвышенной части, цитадели господствовали над остальными частями города (Дербент, Нахчыван, Хараба Гилан и др.). Такое положение цитадели давало возможность лучше просматривать идущие к городу пути.

Известно, что многие города формировались вокруг цитаделей — крепостей, и, видимо, эти города носили такое же название, как их древнее ядро — гала. Вероятно, с этим же связаны названия цитаделей азербайджанских городов, такие как нарын гала (нарын — мелкий, маленький), ич гала (внутренняя крепость), бала гала (малая крепость).

В функции цитадели города входило не только противостояние внешнему врагу, но и народным восстаниям [12: с. 81–91]. Интересную мысль по этому поводу высказывал зодчий и теоретик итальянского Ренессанса Альберти: «...Крепость должна давать возможность беспрепятственных вылазок, чтобы можно было нападать на врагов, на граждан и на своих солдат, если того требует мятеж или измена, и чтобы можно свободно вызвать подмогу от своих или извне» [5: с. 140].

Различные факторы — пути формирования города, рельеф местности, направление основных подводящих путей — определяли расположение цитадели по отношению к остальным частям города. Обороноспособность цитадели во многом зависела от ее положения в плане города.

Цитадель средневековых городов Азербайджана занимала следующее положение в географическом плане города. Она находилась в центре — внутри крепостных стен города (Бейлаган, Шахрияр, Чёл Агдам) или ближе к одной из сторон города (Барда, Шамахи); примыкала к одной из сторон города (Шамкир [16: с. 8–12], Дербент, Тебриз, Хой, Нахчыван (Йезидабад)); имела автономное положение — располагалась отдельно (Хараба Гилан, цитадель Шамахи — Гюлистан).

В оборонном отношении каждое положение цитадели имеет свои отрицательные и положительные черты. Чтобы захватить цитадель, расположенную внутри города, противник должен был прорвать оборонительный ров и крепостные стены шахристана, при этом он терял много сил и техники. В то же время в случае падения собственно города — шахристана, — защитники цитадели, оказавшись в окружении, не могли получить помощи извне и отступить при необходимости [26: с. 31]. Наиболее благоприятные условия создавались при расположении цитадели в системе стен.

Стены и башни цитаделей были более внушительны, отличались мощностью, так как они были рассчитаны на длительную оборону. В отличие от стен шахристана в стенах цитадели башни расставлялись на малом расстоянии, что усиливало обороноспособность. Цитадель Нахчывана со сторонами 140 м укрепленна стенами с сохранившейся шириной 3,5 м при высоте 8 м. Равномерное расположение башен вдоль стен цитадели значительно увеличивало оборонную мощь города. Готовность города к защите обеспечивалась тем, что он высился на правом берегу реки Араз, на самом краю плоскогорья, так что ее западная стена была расположена на самом склоне горы и господствовала над раскинувшейся далеко внизу равниной. Плоская вершина склона, возвышавшаяся над уровнем долины почти на 30 м, была охвачена стенами городища.

Возникает вопрос: являлась ли цитадель обязательным компонентом города? Дело в том, что не всегда достоверно можно определить, все ли города Азербайджана имели цитадели. Если в одних городах цитадель выделяется четкой планировкой и фортификационными сооружениями (Дербент, Шамкир, Хараба Гилан), то в других — местоположение ее трудно определить,

или, кажется, что ее вообще не было в городской структуре (Габала, Бейлаган, Гянджа, Баку). Только в результате более подробных исследований исторической топографии таких городов можно получить ясность по этому вопросу.

Оборона города во многом зависела и **от высоты, и от толщины крепостных стен**. Согласно правилам фортификационного строительства и анализу соотношения сохранившихся частей (4–6 м) можно предположить, что первоначальная высота крепостных стен городов была в среднем 3–16 м. Дербентские и бакинские стены имели высоту 18–30 м, что было характерно для многих городов Ближнего Востока.

Стены почти всех раннесредневековых городов Азербайджана имели большую толщину, что подтверждается археологическими исследованиями.

Почти не прекращавшиеся военные столкновения в период Средневековья, применение мощной осадной техники при захвате города требовали увеличения толщины стен. Массивность крепостных стен, возведенных из сырца, характерна для городов (в основном в раннее Средневековье) Азербайджана, Средней Азии, Казахстана, Ближнего Востока. Таковы были стены Дербента (3 м), Бейлагана (4–6 м), Шамкира (3,5–3,8 м), Гянджи (более 6 м), Габалы (5 м), Нахчывана (3,5 м), Согда (4–5 м), Панджикенда, Мерва (15 м), Отрара (10 м), Тараза (15–20 м), Йазда и т. д. [7: с. 13; 9: с. 113; 12; 27: с. 26–30]. Безусловно, строители города при возведении стен учитывали и характер рельефа местности, где он был расположен. Города равнинной области Азербайджана (Бейлаган, Шамкир, Гянджа), где отсутствовали естественные защитные преграды, были укреплены более мощными крепостными стенами. В то же время толщина стен городов, расположенных в горных и предгорных районах, была в среднем в 1,5–2 раза меньше (Габала, Нахчыван, Шамахи). Небольшая толщина особенно характерна для стен, сложенных из камня, за исключением каменных стен Дербента.

Фортификация Дербента максимально приспособлена к рельефу, что усиливало обороноспособность города. Крутые склоны холма, где расположена цитадель Дербента, делают ее наиболее уязвимой с северной и восточной стороны. Здесь внушительные стены цитадели идут по краю холма.

Если стены города, находящегося на равнине, имели одинаковую толщину (не считая имевшихся незначительных отклонений), то толщина стены городов предгорных районов зависела от того, какую часть города она защищала. Более уязвимые участки были более укреплены, чем места, защищенные естественными преградами (Габала, Хараба Гилан).

Вся территория Бейлагана (40 га) была окружена крепостными стенами. Их общая длина составляет 2410 м, в том числе северо-восточная — 605 м, юго-восточная — 600 м, юго-западная — 610 м, северо-западная — 596 м [7: с. 22]. Ширина крепостных стен раннего периода составляла 8 м. Для сравнения — высота их была не ниже 12 м. Внутренняя и наружная стороны стен облицованы слоем глиняного раствора, смешанного с соломой, толщиной 3–7 см. Толщина

крепостных стен (5 м) при сохранившейся высоте в 3–7 м еще раз свидетельствует о более усиленной обороне Галы, так как толщина крепостных стен Сельбира составляла 2,5–3 м (Габала) [18: с. 62].

«Ранние» стены города, подвергавшиеся ремонту и восстановлению, расширялись благодаря дополнительным облицовочным кладкам. Стены Бейлагана в результате перестроек (IX–XI вв.) были «одеты в рубашку» из обожженных кирпичей, за счет чего увеличились до 8 м. Стены городов Азербайджана в основном не имели внутренних галерей (валганг). Однако предполагается, что Гильгильчайская длинная стена имела внутренний ход, а между башнями [1: с. 196–197; 3: с. 64] крепостных стен Хараба Гилана имелись помещения [17: с. 34–37].

В VIII–X веках город Шамкир¹ был обнесен крепостной стеной. В XI веке были возведены параллельные оборонительные стены [16: с. 9], расстояние между которыми достигает 10 м. Внешняя стена располагалась вдоль старой стены. Длина вскрытой части внешней стены более 80 м, ширина — 3,8 м. Высота сохранившейся здесь стены составляет 5,5–7,6 м, ширина — более 3,5 м [16: с. 9].

Небольшое сужение стен сверху имело оборонное значение: возведение стен с некоторым уклоном или с основанием ступенчатой конструкции усиливало противотаранную способность стен и уменьшало мертвое околостенное пространство. Эти свойства прослеживаются в фортификации Дербента и Бейлагана.

Кроме крепостных стен город Габала в некоторых (северная и западная стены Сельбира) местах был укреплен и **оборонительными рвами**. Ров защищал город с левой и правой стороны городских ворот. Кроме оборонительной функции эти рвы выполняли и роль коллектора против эрозии крепостных стен [4: с. 26].

Южная сторона Сельбира и северная Галы были защищены искусственным рвом протяженностью около 350 м. Глубина рва около 18–20 м, ширина в верхней части 30 м, а на дне 5 м [9: с. 22; 18: 6; 4: с. 26]. Ров делит территорию города на две почти равные части, что заставляет предположить преднамеренное разделение города для поэтапной обороны как один из способов фортификации, описанный архитектором итальянского Ренессанса Альберти [5: с. 134]. Такое расчленение города объяснялось удобством в подавлении восставших народных масс [5: с. 134].

По всей протяженности крепостных стен город Бейлаган был окружен оборонительным рвом глубиной 1–2 м, шириной 10–30 м.

Ров вдоль крепостных стен являлся передовой линией обороны города. Ширина и глубина рвов, заполнявшихся водой из близлежащих водоемов, иногда достигала и 30 и 5–6 м соответственно. Форсировать такую преграду противнику было очень трудно. Однако ров не был обязательным элементом

¹ Крепостные стены цитадели города сравнительно хорошо изучены.

фортификации городов Азербайджана, так как его не везде можно было построить по рельефу местности.

Городские стены на всем протяжении и по углам снабжались **башнями**, которые являлись основными узлами обороны в системе укреплений. Как писал римский ученый Варрон (116–27 до н. э.), башня грозит врагу более, чем другие части стен [36: с. 19]. Вопрос о том, где и как поместить башни вдоль стен решался в каждом конкретном случае по-разному. «Башни надо выводить за наружную часть стены, чтобы во время приступа неприятеля можно было поражать справа и слева метательными снарядами их обращенные к башням бока. Расстояние между башнями не должно превышать полета стрелы для того, чтобы при нападении обстреливать неприятеля», — писал римский архитектор, инженер, теоретик архитектуры второй половины I века до н. э. Витрувий [11: с. 32–33]. Перенесение центра обороны на башни особенно характерно для раннесредневековой фортификации. Расположение башен зависит от рельефа местности. Башни, возведенные на наиболее ответственных участках обороны, выступая за линии крепостных стен, давали возможность обеспечить широкий фланговый и фронтальный обстрел в защиту ворот. Башни служили также хранилищем боеприпасов, продовольствия, воды, на них несли дозорную службу (Гянджа, Хараба Гилан [17: с. 37]). Выявленные очаги внутри четырехугольной башни города Гянджи и дверной проем свидетельствуют об использовании ее под жилое помещение, видимо, для воинов дозоров, стоящих на соседней башне [14: с. 48–49; 28: с. 34]. На башнях или в них устанавливали баллисты — метательные орудия [14: с. 48–49].

Стоящие на высоких местах башни являлись и наблюдательными пунктами, откуда можно было видеть дороги и участки стратегического назначения. Строители городов средневекового Азербайджана четко выполняли требование фортификационного строительства. Учитывая стратегическое, тактическое положение, рельеф местности, башни в основном группировались в месте, на которое ложилась главная тяжесть обороны города — на слабых участках, где отсутствовали естественные преграды. Там, где город был защищен естественными преградами, башни либо не ставились (Нахчыван), либо ставились на большом расстоянии друг от друга (башни южной стены Дербента, Хараба Гилан). Башни, игравшие второстепенную роль в обороне города, в основном были «глухие» (Дербент).

Северная стена Дербента была снабжена мощными башнями разной формы. Башни южной стены расположены на более отдаленном расстоянии, так как они не играли столь активной роли в обороне города. Однако и здесь наиболее уязвимые участки — главные ворота Байат-гапы и Ортагапы — были фланкированы башнями, усиливавшими всю линию защиты южной стены [35: с. 96]. Если в Габале и Нахчыване башни в основном концентрировались на более уязвимой лобовой стороне, то в Бейлагане и Гяндже все стороны снабжались башнями почти равномерно. Такое размещение башен увеличивало обороноспособность города. Восточная стена цитадели

города Шамкира укреплена прямоугольными центральной и угловыми башнями, а также контрфорсами [16: с. 9]. Две фланкирующие башни защищали ворота на южной стороне города. Расстояние между башнями составляет 4–4,1 м [16: с. 9].

О первоначальной высоте башен городов судить трудно. Сравнение сохранившихся их частей и остатков стен показывает, что башни во многих городах возвышались над стенами. Такой характер башен давал возможность вести прицельную стрельбу, обстреливать неприятеля со всех сторон, если ему удалось взобраться на стену. В таком случае каждая башня превращалась в самостоятельную точку обороны.

Сохранившаяся высота башен Габалы (10,7 м, 11,3 м, 14 м, 5 м) свидетельствует об их внушительности. Толщина их стен составляла 5 м, внутренний диаметр — 5 м, наружная линия полуокружности — 27 м. Расстояние между башнями достигает 20–25 м; башни, расположенные по сторонам ворот, стоят на расстоянии 10,5 м. Видимо, такое усиление обороны южной части города было продиктовано ее наибольшей уязвимостью [37: с. 225–231].

Южная сторона цитадели Дербента более незащищенная, слабая, поэтому стены здесь значительно мощнее и выше. Многочисленные башнеобразные квадратные выступы делают цитадель с этой стороны неприступной.

В Бейлагане обнаружена часть полукруглой башни радиусом 7 м. Размер сырцовых кирпичей (52 × 52 × 14 см), характерный для сасанидского периода, показывает, что башня построена в раннем Средневековье. Не исключено, что местонахождение башен раннего и позднего периода совпадает (Бейлаган).

Стены Нахчывана снабжены восемью круглыми башнями, диаметр которых достигает 10 м, а высота — 9 м [20: с. 114–116]. Башни стояли равномерно вдоль прямолинейных стен города. Это особо увеличивало его оборонную мощь. Верхняя часть обнаруженного помещения, расположенного вдоль внутренней части стен цитадели, играла роль боевой тропы [20: с. 115]. Другая линия крепостных стен, отходя от юго-восточного угла цитадели, окружала шахристан, построенный к западу от цитадели. Склоны стен, высота которых достигала не более 8 м, на всем протяжении были крутыми и труднодоступными. Северо-западные стены, в отличие от южных, зигзагообразные и укреплены стоящими недалеко друг от друга боевыми, вертикальными, сильно вынесенными башнями. Эти башни на углах и выворотах стен в плане были круглые, с массивным основанием и несколько утончающиеся кверху наподобие усеченного конуса [20: с. 115]. Их диаметр достигает 7–14 м при высоте 8–9 м. Узкий коридор между цитаделью и шахристаном, видимо, имел оборонное значение — являлся ловушкой для захватчиков.

Правильная планировка цитадели города наводит на мысль о том, что он построен одновременно с крепостными стенами, как крепость-гарнизон Сасанидов, как город Бейлаган, Шамкир и т. д.

Форма башен играла большую роль в обороне города. В фортификации городов Азербайджана использовались прямоугольные, круглые, полукруглые,

трапецевидные башни. Древние города Востока, в том числе и Средней Азии, Азербайджана, были укреплены прямоугольными башнями [14: с. 52; 22]. С.П. Толстов считает, что в начале нашей эры или же не позже II–III вв. крепкие полукруглые и круглые башни заменили прямоугольные² [33: с. 184; 34: с. 103]. Безусловно, данная эволюция происходила постепенно и в фортификационной системе городов применялись как прямоугольные, так и круглые башни одновременно (Габала, Дербент, Хараба Гилан)³. Появление круглоплановых башен связывается исследователями с парфянской фортификацией, которая оказала большое влияние на сасанидскую и византийскую фортификации [23].

Круглые башни по площади наблюдения и по боеспособности отличались от прямоугольных. Прямоугольные — легкоуязвимы для стенобитных машин (углы быстро разрушаются от ударов стенобитных орудий), у круглых башен мертвых площадей для наблюдения и обстрела меньше, чем у прямоугольных [32: с. 50–56; 15: с. 202]. Круглая форма давала возможность лучше просматривать и обстреливать местность. В средневековый период в городах Азербайджана округлые башни становятся типичными, хотя встречаются и прямоугольные.

Кроме того, башни бывают закрытого и открытого типа [12: с. 47–49]. Закрытый тип имеет замкнутый план и связан с галереей для стрелков. В случае захвата стен врагами защитники крепости укрывались в такой башне. Открытый тип представляет собой открытую внутрь крепости башню, рассчитанную лишь на внешнюю оборону. Для средневековых городов в основном характерен открытый тип, известный в европейской фортификации под именем «ронделей» [12]. Глухие (заполненные внутри разными строительными материалами) башни благодаря конструктивным особенностям, видимо, имели боевое защитное назначение: для обороны города на верхней площадке их устанавливали метательные орудия.

Укрепления ворот, вершины стен и башен. Ворота города, служившие средством коммуникации — для снабжения и торговли, также играли большую роль и в обороне города. Ворота сооружались в основном в той стороне стены города, откуда шла дорога. При этом строители всячески старались соблюдать каноны фортификационного строительства: ворота были внушительных размеров, укреплялись дополнительными оборонительными элементами. Они были фланкированы мощными башнями, в которых располагалась охрана. Дополнительные рвы и стены противостояли прямому проникновению врага. Даже когда крепостная стена города не была обведена рвом (из-за рельефа местности), ворота на этом участке с обеих сторон укреплялись рвом (северная стена Сельбира-Габалы) [4: с. 26]. К северо-западу от так называемых Бардинских ворот Бейлагана была возведена дополнительная стена [7], которая создала ловушку у моста.

² По другому мнению, это произошло в VII в. [12: с. 97].

³ В начале V в. в крепостных стенах городов Византии применялись обе формы башен [25: с. 13].

Ворота городов неоднократно подвергались перестройке, поэтому трудно проследить их эволюционный путь. Нигде не сохранилось полного устройства ворот. По тому, что мы имеем в своем распоряжении, можно судить о двух видах ворот — простом и сложном. Ворота в Габале, Бейлагане, Дербенте, Баку, укрепленные мощными системами, имели простое устройство и располагались в неполной стене города. В городах Нахчыван и Хараба Гилан они были размещены в одной из боковых сторон стены города. Такие ворота, имевшие вид «рукавов» или «каменных мешков», между двумя параллельными стенами являлись труднодоступными [19: с. 39]. Преодолев первые ворота, противник должен был пройти через узкий коридор, который находился под охраной защитников — стрелков. В конце коридора внутренние ворота были закрыты и усиленно защищены [20]. Такое устройство рекомендовано и в трактате Витрувия, где говорится, что ворота должно сооружать справа от башен, чтобы подвергать обстрелу нападающих с незащищенной щитом сторон [11: с. 32–33]. Изломанный, коленчатый вход характерен и для средневековых арабских городов [12: с. 28].

Вероятно, ворота имели арочное перекрытие [8], на котором тоже размещались защитники. Они обстреливали все подходы к воротам при наступлении противника и обливали их горючим. Для укрепления обороны ворот, фланкирующие башни стояли близко друг от друга (в Бейлагане — 7 м, в Габале — 10,5 м). Крепостная стена в этой части была толще, чем в других местах (Бейлаган) [7].

Мосты у ворот через оборонительные рвы (Шамкир, Бейлаган) и реки (Гянджа) были надежно защищены. Не исключено, что некоторые из них были перекидные.

Как отмечалось выше, верхняя часть стен и башен — уровень, с которого велась оборона, — не сохранилась. До нас дошли лишь некоторые детали зубцов, местами сохранились машикули и бойницы. Поэтому трудно воссоздать точную картину завершения стен городов Азербайджана.

В начале 1970-х годов в ближайшем к Дербенту участке Горной стены (Даг-бары), в развалинах были обнаружены два каменных ступенчатых зубца. Один такой же зубец был обнаружен Е.А. Пахомовым в 1920-е годы. По его мнению, эти «...каменные зубцы являются последними подлинными образцами таких деталей Сасанидской архитектуры» [29: с. 45]. Нестандартная форма и размеры свидетельствуют о древности зубцов, которые, по всей вероятности, являются первоначальным завершением стен сасанидского периода, так как Горная стена не подновлялась после арабов. Предположение о том, что стены раннесредневекового Дербента завершались такими же зубцами, подтверждалось новыми находками — зубцами ступенчатой конструкции вдоль развалин северной стены города. О том, что ступенчатый зубец характерен для сасанидской архитектуры, свидетельствует рисунок на сасанидском блюде из эрмитажного собрания, где изображены каменные ступенчатые зубцы и балконы [28: табл. 20].

На северной стене Дербента между двумя башнями сохранились остатки машикулей, представляющих собой консоли с выносом 0,3–0,4 м, сечением 0,2–0,2 м. Консоли размещены попарно на расстоянии друг от друга от 0,5 до 1 м. Расположение их непосредственно над древнейшей кладкой дает основание считать, что они являлись частью древнейшего завершения [35: с. 78–79]. Следы прямоугольных бойниц прослеживаются в стенах цитадели Нахчывана (Йезидабада). Соотношение размеров (ширина внутри — 32 см, снаружи — 22 см) этих бойниц делало возможным стрельбу на большом пространстве, при этом положение защитника стрелка было почти неуязвимым для противника [20].

Косвенным доказательством наличия зубцов и бойниц на стенах и башнях городов Азербайджана является акварель, подписанная О.Ф. Рынковским, без даты, в «неизвестном» альбоме, опубликованном В. Крючковским в 1946 году, и башнеобразный сосуд, найденный в городе Бейлагане.

На 46-й странице упомянутого альбома изображены руины крепости Чыраггалы, вздымающиеся на гребне скалы на широком фоне морских волн. На западной стене крепости показаны зубцы и в четырех местах бойницы. На этой же стене крепости на высоте 1 м в двух местах видны гнезда для деревянных балок, предназначенные, видимо, для балкона [21: с. 31; 1].

При археологических работах в слое VIII–IX веков в Бейлагане обнаружен керамический сосуд, напоминающий башню. Корпус сосуда состоит из двух параллельных стенок, образующих пространство между собой в 1 см. На верхней части сосуда нарезаны «зубцы», которые украшены треугольными «бойницами». Между девятью стреловидными «бойницами» на внешней стенке сосуда находятся треугольные «бойницы» [6].

Следует отметить, что такие сосуды, называемые светильниками, курильницами или жертвенными подставками, в большом количестве найдены в Северной Бактрии — Тохаристане [31]. Треугольные и стреловидные прорезы на этих сосудах, не имеющие никакой практической надобности, воспроизводят крепостные бойницы. Как известно, ассирийские крепостные памятники тоже имели зубцы [34: с. 90], идентичные «зубцам» сосуда, найденного в Бейлагане. Стреловидные бойницы характерны для античной архитектуры Средней Азии и Парфии [31; 34: с. 91; 38: с. 552, рис. 114 а, в]. По мнению С.П. Толстова, треугольные бойницы являются более древними, чем четырехугольные [34: с. 90]. В фортификации треугольное очертание служило практической цели: оно давало более широкое поле обстрела [31: с. 104]. Со временем оборонительные функции таких бойниц приобретают символический характер, и треугольные прорезы на сосудах (курильницах) имеют культовое значение и становятся знаком оберега от злых сил [20]. Число нарезов — «зубцов» и «бойниц» — три (магическое число), шесть, девять (кратные ему) свидетельствуют об этом.

Безусловно, с развитием военной техники изменялся облик фортификационных элементов городских укреплений, в том числе завершение стен

и башен. К сожалению, проследить их эволюционный путь невозможно, опять же из-за несохранности этих боевых деталей фортификации города.

Во время исследования отдельных крепостей на территории Азербайджана были выявлены четырехугольные бойницы (Кюнджют-гала (IV–VII века) в Шеки, Джаваншир-гала (VII век) в Исмаиллинском районе и т. д.) [13: с. 37–42; 26: с. 61]. Такие бойницы известный археолог Г.Н. Ахмедов считал более древними, чем треугольные [6].

На одном участке сохранившейся части стены Баку имеются каменные каналы с сильным уклоном для выливания горячей нефти, которая применялась в военной технике в ранние периоды [2: с. 5–6].

Подводя итог, необходимо отметить, что оборонительная система городов Азербайджана включала в себя мощные крепостные стены, сильно укрепленные цитадели, башни различных форм, широкие и глубокие оборонительные рвы, отдельно стоящие башни-крепости и в целом отражала уровень военного искусства своего времени. Вместе с тем оборонительные сооружения городов Азербайджана, безусловно, требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. *Абдуллаев Х.П.* Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чырах-кала // СА. 1968. № 2. С. 196–197.
2. *Аджалов Р.М.* Средневековый город-заповедник Ичери-шехер. Баку: Элм, 1985. 27 с.
3. *Алиев А.А.* Археологические раскопки Гилгилчайского оборонительного сооружения // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия ИФП. 1984. № 3. С. 64–70.
4. *Алиев И.Г., Гадиров Ф.В.* Кабала. Баку: Элм, 1986. 86 с.
5. *Альберти.* Десять книг о зодчестве. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935. 391 с.
6. *Ахмедов Г.М.* Башнеобразный глиняный сосуд из раскопок Оренкалы // ДАН Азерб. ССР. 1960. Т. 16. № 12. С. 1255–1256. (На азерб. яз.).
7. *Ахмедов Г.М.* Средневековый город Байлакан. Баку: Элм, 1986. 29 с.
8. *Ахмедов Г.М., Ибрагимов Ф.А.* О северо-западных воротах Байлакана // МКА. 1980. № 9. С. 134.
9. *Бабаев И.А., Ахмедов Г.М.* Кабала. Баку: Элм, 1981. 68 с.
10. *Байнаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII вв.). Алма-Ата: Наука, 1986. 113 с.
11. *Витрувий М.* Десять книг об архитектуре / пер. А.А. Петровского. Т. 1. М.: Изд-во ВАА, 1935. 331 с.
12. *Воронина В.Г.* Из истории среднеазиатских фортификаций // СА. 1959. № 1. С. 89–91.
13. *Гадиров Ф.В.* Северные оборонительные сооружения Азербайджана. Баку: Элм, 1984. 152 с. (На азерб.яз.).
14. *Джафарзаде И.М.* Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку: АН Азерб. ССР, 1949. 149 с.
15. *Джафарзаде И.М.* Старая Гянджа // Сборник «Низами». Т. 4. Баку: 1947. 202 с.
16. *Достиев Т.М.* Оборонительные сооружения средневековых городов Азербайджана // Наследие (ИРС). 2013. № 1 (61). С. 8–12.

17. *Ибрагимов Б.И.* Средневековый город Киран. Баку; М.: 2000. 176 с.
18. *Исмизаде О.Ш.* Кабала — столица древней Кавказской Албании // Вопросы истории Кавказской Албании. Баку: АН Азерб. ССР, 1962. 309 с.
19. *Керимов В.И.* История развития оборонительного зодчества Азербайджана: автореф. дис. ... д-ра арх. н. Баку: 1992. 54 с.
20. *Керимов В.И.* Крепость Йезидабад // Известия АН Азерб. ССР. Серия ЛЯИ. 1981. № 2. С. 117–118.
21. *Крачковская В.А.* Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике // Эпиграфика Востока. 1948. № 2. С. 19–40.
22. *Кудрявцев А.А.* «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. 1979. № 11. С. 31–43.
23. *Кудрявцев А.А.* Археологические данные о социальной топографии и структуре феодального Дербента // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: тез. докл. регион. науч. конф. (г. Махачкала, 11–12 июня 1980 г.) / отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала: б. и., 1980. С. 27–28.
24. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М.: Наука, 1982. 174 с.
25. *Курбатов Г.Л.* Византия в VI столетии. Л.: Учпедгиз, 1959. 136 с.
26. *Мурадов В.Г.* Градостроительство Азербайджана XIII–XVI в. Баку: Элм, 1984. 130 с.
27. *Некрасова Т.Г.* К истории стен арка Бухары // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент: Бухара, 1990. С. 26–30.
28. *Орбели И.А., Тревер К.В.* Сасанидский металл. М.; Л.: Академия, 1935. 85 л.
29. *Пахомов К.А.* Крупнейшие памятники Сасанидского строительства в Закавказье // ПИМК. 1933. № 9–10. С. 37–47.
30. *Пигулевская Н.Б.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л.: АН СССР, 1956. 366 с.
31. *Пугаченкова Г.А.* Культовые курильницы Северной Бактрии // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент: ФАН, 1991. С. 98–116.
32. *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. 6. М.: АН СССР, 1958. 492 с.
33. *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Восточная литература, 1948. 322 с.
34. *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948. 352 с.
35. *Хан-Магомедов С.Р.* Дербент. М.: Госстройиздат, 1958. 123 с.
36. *Шперк В.Ф.* Фортификация. Очерки истории и развития. М.: Воениздат, 1940. 80 с.
37. *Щеблыкин И.П.* Средневековые азербайджанские города Оренкала, Кабала // Сборник «Низами». Т. 4: Исследования и статьи. Материалы и сообщения. Баку: Азернешер, 1947. 276 с.
38. *Reuther O.* Sasanian architecture / Fortresses // SPA. Vol. I. 1939. 552 p.

Literatura

1. *Abdullaev X.P.* Gil'gil'chajskaya oboronitel'naya stena i krepost' Chy'rax-kala // SA. 1968. № 2. S. 196–197.
2. *Adzhalov R.M.* Srednevekovy'j gorod-zapovednik Icheri-shexer. Baku: E'lm, 1985. 27 s.
3. *Aliiev A.A.* Arxeologicheskie raskopki Gilgilchajskogo oboronitel'nogo sooruzheniya // Izvestiya AN Azerbajdzhanskoj SSR. Seriya IFP. 1984. № 3. S. 64–70.

4. *Aliiev I.G., Gadirov F.V.* Kabala. Baku: E'lm, 1986. 86 s.
5. *Al'berti.* Desyat' knig o zodchestve. T. 1. M.: Izd-vo Vsesoyuznoj akademii arhitektury, 1935. 391 s.
6. *Axmedov G.M.* Bashneobrazny'j glinyany'j sosud iz raskopok Orenkaly' // DAN Azerb. SSR. 1960. T. 16. № 12. S. 1255–1256. (Na azerb. yaz.).
7. *Axmedov G.M.* Srednevekovy'j gorod Bajlakan. Baku: E'lm, 1986. 29 s.
8. *Axmedov G.M., Ibragimov F.A.* O severo-zapadny'x vorotax Bajlakana // MKA. 1980. № 9. S. 134.
9. *Babaev I.A., Axmedov G.M.* Kabala. Baku: E'lm, 1981. 68 s.
10. *Bajpakov K.M.* Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazaxstana i Semirech'ya (VI – nachalo XIII vv.). Alma-Ata: Nauka, 1986. 113 s.
11. *Vitruvij M.* Desyat' knig ob arhitekture / per. A.A. Petrovskogo. T. 1. M.: Izd-vo VAA, 1935. 331 s.
12. *Voronina V.G.* Iz istorii sredneaziatskix fortifikacij // SA. 1959. № 1. S. 89–91.
13. *Gadirov F.V.* Severny'e oboronitel'ny'e sooruzheniya Azerbajdzhana. Baku: E'lm, 1984. 152 s. (Na azerb.yaz.).
14. *Dzhafarzade I.M.* Istoriko-arheologicheskij ocherk staroj Gyandzhi. Baku: AN Azerb. SSR, 1949. 149 s.
15. *Dzhafarzade I.M.* Staraya Gyandzha // Sbornik «Nizami». T. 4. Baku: 1947. 202 s.
16. *Dostiev T.M.* Oboronitel'ny'e sooruzheniya srednevekovy'x gorodov Azerbajdzhana // Nasledie (IRS). 2013. № 1 (61). S. 8–12.
17. *Ibragimov B.I.* Srednevekovyj gorod Kiran. Baku; M.: 2000. 176 s.
18. *Ismizade O.Sh.* Kabala — stolicza drevnej Kavkazskoj Albanii // Voprosy' istorii Kavkazskoj Albanii. Baku: AN Azerb. SSR, 1962. 309 s.
19. *Kerimov V.I.* Istorija razvitiya oboronitel'nogo zodchestva Azerbajdzhana: avtoref. dis. ... d-ra arx. n. Baku: 1992. 54 s.
20. *Kerimov V.I.* Krepost' Jezidabad // Izvestiya AN Azerb. SSR. Seriya LYal. 1981. № 2. S. 117–118.
21. *Krachkovskaya V.A.* Neizvestny'j al'bom po arabskoj i persidskoj e'pigrafike // E'pigrafika Vostoka. 1948. № 2. S. 19–40.
22. *Kudryavcev A.A.* «Dlinny'e steny'» na Vostochnom Kavkaze // VI. 1979. № 11. S. 31–43.
23. *Kudryavcev A.A.* Arheologicheskie dannyye o social'noj topografii i strukture feodal'nogo Derbenta // Genezis, osnovny'e e'tapy, obshhie puti i osobennosti razvitiya feodalizma u narodov Severnogo Kavkaza: tez. dokl. region. nauch. konf. (g. Maxachkala, 11–12 iyunya 1980 g.) / otv. red. V.G. Gadzhiev. Maxachkala: b. i., 1980. S. 27–28.
24. *Kudryavcev A.A.* Drevnij Derbent. M.: Nauka, 1982. 174 s.
25. *Kurbatov G.L.* Vizantiya v VI stoletii. L.: Uchpedgiz, 1959. 136 c.
26. *Muradov V.G.* Gradostroitel'stvo Azerbajdzhana XIII–XVI v. Baku: E'lm, 1984. 130 s.
27. *Nekrasova T.G.* K istorii sten arka Buxary' // Iz istorii kul'turnogo naslediya Buxary'. Tashkent: Buxara, 1990. S. 26–30.
28. *Orbeli I.A., Trever K.V.* Sasanidskij metall. M.; L.: Akademiya, 1935. 85 l.
29. *Paxomov K.A.* Krupnejšie pamyatniki Sasanidskogo stroitel'stva v Zakavkaz'e // PIMK. 1933. № 9–10. S. 37–47.
30. *Pigulevskaya N.B.* Goroda Irana v rannem srednevekov'e. M.; L.: AN SSSR, 1956. 366 s.

31. *Pugachenkova G.A.* Kul'tovy'e kuril'niczy' Severnoj Baktrii // IMKU. Vy'p. 25. Tashkent: FAN, 1991. S. 98–116.
32. *Pugachenkova G.A.* Puti razvitiya arxitektury' Yuzhnogo Turkmenistana pory' rabovladieniya i feodalizma // Trudy YuTAKE'. T. 6. M.: AN SSSR, 1958. 492 s.
33. *Tolstov S.P.* Po sledam drevnexorezmijskoj civilizacii. M.: Vostochnaya literatura, 1948. 322 s.
34. *Tolstov S.P.* Drevnij Xorezm. M.: MGU, 1948. 352 s.
35. *Xan-Magomedov S.R.* Derbent. M.: Gosstrojizdat, 1958. 123 s.
36. *Shperk V.F.* Fortifikaciya. Ocherki istorii i razvitiya. M.: Voenizdat, 1940. 80 s.
37. *Shhebly'kin I.P.* Srednevekovy'e azerbajdzhanskie goroda Orenkala, Kabala // Sbornik «Nizami». T. 4: Issledovaniya i stat'i. Materialy' i soobshheniya. Baku: Azernesher, 1947. 276 s.
38. *Reuther O.* Sasanian architecture / Fortresses // SPA. Vol. I. 1939. 552 p.

G.G. Nagiev

Defensive Structures of Medieval Cities of Azerbaijan: the Ways of Development and Features of Evolution

The study of remnants of defense fortifications of the ancient cities gives us an opportunity to clarify the time of their construction, destruction and reconstruction. Research of fortifications helps us to recreate the dynamics of development of cities, partially or fully determine their socio-economic level in a particular historical period and set their political situation in the country. The article analyzes the ways of evolution of fortification elements of cities of the medieval Azerbaijan, their role in the defense system on the basis of written and archaeological materials.

Keywords: fortification of medieval towns; defense system; fortifications.

**А.А. Болтаевский,
И.П. Прядко**

Македонский тупик: к вопросу об участии Болгарии в Первой мировой войне

В статье рассматривается геополитический аспект участия Болгарии в Первой мировой войне. Государства Балканского полуострова в условиях мирового конфликта пытались отстаивать свои стратегические интересы, невзирая на доминирующее влияние старших партнеров по коалиции.

Ключевые слова: Первая мировая война; Болгария; Балканский полуостров; Германия.

Находящийся на перекрестке цивилизаций Балканский полуостров (еще сто лет назад этот регион относили к Ближнему Востоку) ввиду географических и культурных факторов с давних пор входит в зону стратегических интересов России. Отношения Балканских стран с расположенной за морем славянской державой не всегда были гладкими — периоды тесной дружбы сменялись жесткими размолвками: так было с русско-сербскими связями, когда бывшие союзники становились врагами (коллизия «Сталин – Тито»), так было и с Болгарией, причем по меньшей мере три раза это происходило именно в XX столетии. Динамика русско-болгарских контактов в последние полтора века отличается заметными перепадами. Именно в конце XIX и на протяжении всего прошлого века Болгария в узком смысле и Балканы в широком становились яблоком раздора, фактором геополитического противостояния крупных европейских государств. Необходимо помнить, что именно положение на Балканах привело к Первой мировой войне: небольшие по сравнению с соседними геополитическими тяжеловесами государства полуострова втянули Европу в крупный военный конфликт.

В настоящей статье в свете истории российско-болгарских отношений будет показана роль Болгарии в Первой мировой войне. Обращение к данной теме актуально, поскольку и сегодня взаимоотношения между постсоветской Россией и Балканскими государствами характеризуются противоречиями и немалым драматизмом, что связано для России с фантомными болями былого имперского величия, дававшего право на политическое водительство братьями-славянами, а для Болгарии — с комплексом младшего брата, сменой старых политических ориентиров, расставанием со своим прошлым, отмеченным

крепкой русско-болгарской дружбой. Отношения между государствами сегодня осложняются противостоянием геополитических проектов, борьбой за политическое влияние США и России, противоречиями между блоком НАТО и постсоветской РФ. Много, если не всё, в этих коллизиях обусловлено некоторой близорукостью и «неосмотрительностью» отечественных политиков и дипломатов как в XIX, так и в XX веке. В наши дни завершается очередной акт славянской драмы: в блок НАТО вступает некогда братская Черногория (вспомним высказывание насчет Черногории царя-миротворца Александра III). В предлагаемой статье приведены красноречивые примеры того, как военные успехи русского оружия во внешней российской политике на Балканах сочетались с отсутствием необходимой для данного региона степени ответственности и решительности в сфере дипломатии. Успехи полководцев, мужество русского штыка здесь явно опережали осторожные шаги государственных деятелей.

Болгарское национальное возрождение конца XVIII – первой половины XIX века привело к формированию мощного патриотического движения, укреплению этнической идентичности, активизации борьбы за независимость от Османской империи. Русско-турецкая война 1877–1878 годов завершилась созданием новой, третьей по счету, Болгарии, в которой, однако, необходимо было сформировать институты государственной власти. Несмотря на то что возглавивший временную гражданскую администрацию князь В.А. Черкасский был сторонником подлинной независимости славянского соседа, на официальных банкетах русские деятели зачастую произносили противоположные по направленности тосты: «Да здравствует Болгария будущая, присоединенная к Великой России» [9: с. 202]. Русские политические круги зачастую имели смутное представление о стоявших перед ними задачах. Будущий генеральный консул в Болгарии А.М. Кумани приводил пример своей беседы с влиятельным в придворных кругах А.Н. Толстым накануне Берлинского конгресса: «Ну, а что вы думаете, — развязно спросил он, — как лучше разделить Болгарию — вдоль или поперек?.. <...> — Позвольте, — заметил я шутя, — Болгария не то, что каравай, который можно безразлично резать так и сяк. Даже прежде, нежели решать, нужно ли вообще ее делить, следовало бы, мне кажется, принять во внимание множество политических, этнографических, экономических и военных соображений и серьезно взвесить их» [6: с. 39]. Именно на Берлинском конгрессе был, по мнению А. Синельникова, упущен исторический шанс сделать Болгарию прорусской на долгие годы [11].

Была у болгаро-русских отношений еще одна сторона — это русская демократическая общественность. Общественным деятелям, представителям как либерального, так и народнического демократического лагеря было чрезвычайно обидно, что недавно освобожденная Болгария получила и парламент, и конституцию — политические институты, о которых русское общество могло в то время только мечтать.

Ни Берлинский трактат 1878 года, ни воссоединение болгарского княжества и Восточной Румелии в результате восстания 1885 года не решили ключевой вопрос всей балканской политики конца XIX – начала XX века — судьбу Македонии. Именно этот край стал ареной ожесточенной борьбы между Болгарией, Грецией, Сербией и даже Румынией. Больше того, деятельность правительства С. Стамболова вызвало резкое недовольство Александра III, разорвавшего дипломатические отношения с Софией. В 1887 году болгарская делегация безуспешно пыталась найти поддержку во Франции: нараставшие противоречия с Германией заставили Париж не обострять отношения с Петербургом [10: с. 302–303].

С этого времени София берет курс на тесное политическое и экономическое сотрудничество с Германией и Австро-Венгрией. Одновременно проходила идеологическая экспансия этих стран. Культуртрегерскую роль при этом приняла на себя Австро-Венгрия, внедрявшая в сознание балканских элит «австрославизм». Современник констатировал, что «путем католической и протестантской пропаганды в новейшее время в Болгарии распространялось австро-германское влияние, и у большинства болгарской интеллигенции годами воспитывалось убеждение в преобладании германской культуры над всякой другой культурой и в несокрушимости германской политической и военной мощи» [3: с. 87].

Болгария, понесшая наибольшие потери среди союзников по антиосманской коалиции в 1-й Балканской войне, по итогам Бухарестского мира оказалась у разбитого корыта: ей пришлось не только отказаться от Македонии, большая часть которой была поделена между Сербией и Грецией, но и передать свою житницу — Южную Добружду — Румынии. Это окончательно толкнуло Софию в объятия кайзера и австро-венгерского императора. В октябре 1913 года в болгарской газете «Мир» было опубликовано следующее воззвание либеральных кругов: «Мы думаем сегодня, как и вчера, что спасительный для царства путь — это политика тесной дружбы с Австро-Венгрией. Эта политика должна быть начата без замедления, потому что каждый час роковой» [5: с. 35].

Основное же противоречие заключалось в том, что каждая из Балканских стран видела себя главной в регионе: если София считала, что Болгария должна быть страной трех морей (Черное, Эгейское, Адриатическое), то белградские политики, в свою очередь, полагали, что «на Балканах может находиться только Сербское государство» [5: с. 35]. Необходимость территориальной экспансии зачастую обосновывалось не только этническими, но и экономическими факторами. В. Коларов полагал, что «молодая болгарская промышленность, выросшая благодаря материнской заботе государства, была не в состоянии бороться с мощной иностранной промышленностью на внешних рынках. Она могла обеспечить себе более широкий рынок только путем завоевания новых земель, путем осуществления Сан-Стефанской Болгарии» [13: с. 24]. Отметим, чтобы добиться гегемонии в регионе, каждой из балканских стран

необходимо было опереться на какого-либо сильного союзника в Европе. Меньше всего на эту роль подходила Россия, выступавшая против внутриславянской вражды и стремившаяся примирить противостоящие друг другу народы. Поэтому вмешательство Германии и Франции в балканские дела было предрешено.

И в Македонии, и в Добрудже новые правители осуществляли процессы разрушения болгарской национальной идентичности, пытались искоренять болгарские фамилии, насаждали официальные государственные языки. Сербские власти запрещали говорить по-болгарски не только в государственных учреждениях и на улице, но даже в частной жизни [14: с. 166]. Это вызывало растущее недовольство болгар, которое возглавила Временная македонско-одринская революционная организация (ВМОРО). В конечном итоге, полагал современник, «чтобы ни делали сербы с македонским населением, Болгария никоим образом не может отказаться от своих национальных притязаний в Македонии, как и Франция не отказывается от Эльзаса и Лотарингии, хотя эти области уже имеют почти немецкий характер» [3: с. 88]. Таким образом, естественным путем и через геополитические аналогии территориальные разногласия Балканских государств вплетались в контекст общеевропейской политики, привязывались к мировой шахматной партии европейских геополитических тяжеловесов.

К началу Первой мировой войны противоречия между Балканскими государствами были настолько значимыми, что для нового конфликта было достаточно одной искры. Ей, по общему признанию, и стало сараевское убийство Франца-Фердинанда, навсегда изменившее Европу. Уже во второй половине 1914 года ВМОРО осуществляла десятки нападений на сербские войска в Македонии, иногда действуя совместно с турецкими и албанскими четниками, что заставило белградские газеты называть это «восточным фронтом» [14: с. 146–147]. В декабре 1914 года Австро-Венгрия освободила пленных солдат сербской армии македонского происхождения [8: с. 163].

В начале 1915 года ВМОРО разрабатывало план захвата Вардарской Македонии независимо от вопроса вступления Болгарии в войну. Предполагалось, что четники и ополченцы, численностью до 50 тыс. человек, при активной поддержке местных жителей, вполне могли справиться с сербскими частями, в дальнейшем пытаясь решить вопрос дипломатическим путем [16: с. 69]. И хотя этот проект не был реализован, он показал решимость ВМОРО действовать, несмотря на колебания Софии. Таким образом, именно политические экстремистские организации и албано-македонские четы во многом способствовали втягиванию в войну «большой» Болгарии, причем радикалам всех мастей удобно было прятаться за ее военную мощь.

Несмотря на объявление нейтралитета в начале войны, глава болгарского правительства В. Радославов писал послу в Париже Д. Станчову: «Болгария никогда не отказывалась и не будет отказываться от своих исторических

и этнографических прав. Мы не можем забыть Македонию, за которую пролили столько крови. Болгария требует Македонии (спорной и бесспорной зон по договору 1912 года), возвращение Добруджы и Энос-Мидий» [18: с. 135].

Таблица 1

Вооруженные силы Балканских государств [2]

Страны	Общий состав, тыс.	Состав 1-го эшелона, тыс.
Румыния	570	388
Сербия	512	355
Болгария	456	307
Греция	410	235
Черногория	60	45

Впрочем, только летние успехи центральных держав в 1915 году способствовали окончательному решению Фердинанда и Радославова. Но прежде свои территориальные претензии Болгария предъявила Сербии, что практически исключало нахождение компромисса с Антантой. Несмотря на определенное давление Англии, Франции и России, сербские политики не могли решиться на раздел страны. «Сербию распинают, ампутуют в самую критическую минуту» — эти слова Н. Пашича выражали интересы большинства сербского общества [12: с. 383]. В свою очередь Центральные державы предложили Болгарии спорную и бесспорную зоны Македонии, а в случае вступления в войну Греции и Румынии на стороне Антанты — часть их территории. Союз с Болгарией обеспечивал не только военный перевес Германии на Балканах, но и коридор для связей с Турцией, окруженной почти со всех сторон вражеским кольцом.

Вступление Болгарии в войну осенью 1915 года вызвало изменение ситуации на Балканском полуострове в пользу Германии. Сербия была разбита, а остатки ее армии сначала были эвакуированы на остров Корфу, а затем в Салоники. Болгария вернула Македонию, где в свою очередь обрушила репрессии теперь уже на сербское население. Вновь присоединенные территории были разделены на 16 административных округов, к которым добавился Одринский округ, добровольно переданный Болгарии Турцией.

К лету 1916 года болгарские вооруженные силы были разделены на три армии, общей численностью 670 тыс. человек: 1-я армия под командованием генерала К. Бояджиева и 2-я армия генерала Г. Тодорова (обе армии состояли из 4 дивизий) были размещены на Салоникском фронте, 3-я армия генерала С. Тошева (в составе 3 дивизий) размещалась на линии Бургас – Варна – Русчук и в дальнейшем участвовала в румынской кампании. Черноморская флотилия состояла из 70 офицеров и 1200 матросов, но ее самой боеспособной единицей был 700-тонный крейсер «Надежда». Что касается Дунайской флотилии, то она была затоплена болгарскими еще в начале 2-й Балканской войны. Описываемый период отмечен наибольшим военным и политическим значением Болгарии в Четверном союзе.

Осенью 1916 года после вступления в войну Румынии на стороне Антанты болгаро-немецкие части быстро разбили румынскую армию. Особенно большой резонанс имело взятие считавшейся неприступной крепости Тутракан с 40-тысячным румынским гарнизоном (подробнее об этой кампании см. в воспоминаниях С. Тошева [20]). Одна из немецких газет так характеризовала это событие: «Блестящая победа при Тутракане вызвала большой энтузиазм во всей Германии. На улицах проходят народные манифестации в честь болгарской союзницы» [21: с. 143]. Болгария, однако, всегда была для Германии лишь орудием, а не партнером. Позднее главнокомандующий болгарской армией Н. Жеков писал своему немецкому коллеге фельдмаршалу П. Гинденбургу, что в Добрудже, как и в других местах, германские военные власти относятся к Болгарии не как к союзнице, а как к побежденной стране [7: с. 25]. Более того, Северная Добруджа была передана кондоминиуму победителей, несмотря на протесты болгарской стороны, что в итоге привело к падению кабинета Радославова.

Затянувшаяся война вызвала резкое ухудшение жизни в Болгарии. С июля 1914 по апрель 1918 года цены на хлеб выросли в 2 раза, на масло в 7 раз, на картофель в 11 раз. В болгарской армии к 1918 году стал все более заметен недостаток продовольствия и фуража. В мае 1918 года норма выдачи хлеба фронтovým частям сократилась с 800 до 700 г, тыловым — с 600 до 500. В нездоровых болотистых местностях Салоникского фронта свирепствовали болезни: во 2-й болгарской армии с марта по сентябрь 1918 года малярией заболело свыше 13 тыс. человек [17: с. 451–458]. Все вышесказанное вызвало рост социального протеста, наблюдавшегося и в рядах действующей армии.

Уже с лета 1918 года болгарские представители вели переговоры в Швейцарии с американскими делегатами о возможностях выхода из войны. Напомним, что Болгария не разрывала дипломатические отношения с США даже после их вступления в войну в апреле 1917 года. Свои интересы на Балканском полуострове пыталась отстаивать и Советская Россия: еще в январе 1918 года В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий при посредничестве болгарских революционеров установили контакты с правительством В. Радославова, заявив о поддержке единой сильной Болгарии при условии отстранения Фердинанда от престола [20: с. 12].

К концу лета в войне наметился решительный перелом в пользу Антанты. «Черной пятницей» для германской армии на Западном фронте стало 8 августа. В течение 1918 года происходило усиление Салоникской группировки Антанты, в которую вошли и греческие войска [22: р. 171]. В середине сентября 1918 года началось решающее наступление союзников в Македонии, имевших серьезный перевес; на направлении главного удара соотношение сил Антанты и Четверного союза в пехоте было 2,3 : 1, в артиллерии и авиации 3,5:1 [17: с. 459].

В результате фронт был прорван. Болгария подписала Салоникское перемирие 29 сентября, став первым вышедшим из войны участником германской коалиции. Отправленный в отставку еще до этого события Радославов бежал

в Германию, где и умер в 1929 году. Фердинанд отрекся в пользу сына Бориса, также покинув Болгарию. Германское влияние на Балканах на короткий срок оказалось заменено политическим доминированием Франции.

Мир в Нейи практически уничтожал вооруженные силы Болгарии: численность армии не должна была превышать 20 тыс. человек, жандармерии — 10 тыс., корпуса пограничной стражи — 3 тыс. Ввоз и вывоз оружия и военных материалов запрещался, собственная военная промышленность могла развиваться только на одном заводе. Болгария обязывалась выплатить репарации в размере 2,25 млрд франков. Но еще больше были территориальные уступки: страна не только возвращалась к границам 1913 года, но лишалась выхода к Эгейскому морю (48-я статья договора гарантировала Болгарии «свободу экономического выхода» к нему). По Севрскому договору 1920 года особый режим для болгарских граждан и грузов устанавливался в порте Додеагач, что, впрочем, не удовлетворило софийское правительство.

Самое же главное: Нейский мир вновь лишил Болгарию присоединенных территорий и выбил ее из активной балканской политики. В октябре 1920 года новый премьер-министр А. Стамболийский совершил стодневное турне по Европе, заявив: «Из-за преступлений Фердинанда и его глупых и безвольных правителей, марионеток в руках этого дрянного и капризного царя, наказали и возненавидели болгарский народ... Болгарский народ не имеет ничего общего с этим диким, продажным, подлым, предательским, зарвавшимся сбродом, который вверг Болгарию в две национальные катастрофы и изолировал ее от соседних балканских стран» [1: с. 24].

Болгария была принята в Лигу Наций только в 1920 году одновременно с Албанией. И если Добруджа была возвращена по Крайовскому миру 1940 года, то Македония долгое время была в составе Югославии, став после ее распада независимым государством.

История, по утверждению древних, есть учительница жизни, причем учительница суровая. Однако ее кровавые уроки не всегда усваиваются сильными мира сего, часто не желающими даже ходить в «школу» этой уважаемой спутницы бога Аполлона. Не потому ли у сильных мира *того*, например, упомянутого Феба-Аполлона, всегда найдется повод, чтобы вершить свой беспощадный суд над нерадивыми учениками? Между тем такой суд, такая оценка содержалась в работах современников, анализировавших события с социально-экономических и политических позиций. Так, далекий от поддержки идей славянского единства В.И. Ленин в статьях 1914 года (они вошли в 26-й том его собрания сочинений) подчеркивал мысль, что в национально-освободительное движение народов неизбежным становится вмешательство сильных империалистических держав. Тем не менее Ленин высказывался скептически в отношении перспектив создания блока демократических государств — Соединенных Штатов Европы — как геополитического противовеса царской России. Вождь большевиков подверг критике взгляды тех социал-демократов,

которые отказывались от поддержки национально-освободительных движений, так как они-де выступают инструментом борьбы одной империалистической страны против другой. Так и Балканы становились разменной монетой в геополитических спорах европейских держав. В роковой для России 1915 год Ленин клеймил немецких и австрийских социал-демократов за их недостаточный социализм, а значит — и интернационализм, и главное — за их участие в империалистическом грабеже Сербии. Даже для политика-марксиста Балканская страна не была отвлеченным понятием. Что же говорить о других представителях российского политикума? Российские государственные деятели горели желанием выстроить общеславянский дом. Удастся ли это в будущем, покажет время.

Литература

1. *Божков Л., Нинов Н.* Исторический путь Болгарского земледельческого народного союза. София: БЗНС–София Пресс, 1980. 59 с.
2. Вооруженные силы балканских государств // Балканский голос. 1914. № 1. С. 9–12.
3. К вопросу о национальности македонских славян // Славянские известия. 1915. № 6. С. 86–88.
4. *Кораблев В.* Болгарская церковь и инославная пропаганда // Славянские известия. 1915. № 2. С. 25–27.
5. *Кораблев В.Н.* Итоги // Славянские известия. 1915. № 3. С. 33–36.
6. *Кумани А.М.* Воспоминания. 1878–1881. М.: Новый хронограф, 2015. 314 с.
7. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. Т. III. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 450 с.
8. *Милюков П.Н.* Великая война народов // Великая война: в 2-х т. Т. 1. М.: Книговек, 2014. 288 с.
9. *Погодин А.Л.* История Болгарии. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. 224 с.
10. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. 392 с.
11. *Синельников А.* «Болгарский выбор» и царь Фердинанд. Почему Болгария вступила в войну вопреки национальным интересам // Россия и Европа до и после Великой войны 1914–1918 гг. М.: «Вече», 2015. С. 61–75.
12. *Штрандтман В.* Балканские впечатления. М.: Книгочей, 2014. 504 с.
13. *Вежен К.* Съдбините на комунизма в България // Коммунистическо знамя. 1926. № 13–14. С. 20–26.
14. *Гоцев Г.Д.* Национално-освободителната борба в Македония 1912–1915. София: Българска академия на науките, 1981. 207 с.
15. *Кузманова А.* От Ньой до Крайова. Въпрос за Южна Добруджа в международните отношения (1919–1940). София: Наука и Изкуство, 1989. 306 с.
16. *Минчев Д.* Участието на населението от Македония в българската армия през Первата Световна война 1914–1918. София: Св. Георги Победоносец, 1994. 196 с.
17. *Петров И.* Македоният фронт в края на войната през 1918 година // Българите във войните за национално освобождение и обединение 1876–1919. Плевен: регионален исторически музей, 2008. 495 с.

18. *Радославов В.* Дневни бележки. 1914–1916. София: Св. Климент Охридский, 1993. 214 с.
19. *Спасов Л.* Предговор // Малеев Л. Шестте ми срещи с кайзер Вилхелм II. София: Св. Георги Победоносец, 1993. С. 5–13.
20. *Тошев С.* Действията на III армия в Добруджа през 1916 година. София: Захари Стоянов, 2007. 316 с.
21. *Хинева М.* Боевете при Тутракане през 1916 г. // Тутракан в историческото развитие на Добруджа. Тутракан: Националният военноисторически музей, 1995. С. 135–146.
22. *Palmer A.* The Gardeners of Salonika. London: Andre Deutsch, 1965. 286 p.

Literatura

1. *Bozhkov L., Ninov N.* Istoricheskiy put' Bolgarskogo zemledel'cheskogo narodnogo soyuza. Sofiya: BZNS–Sofiya Press, 1980. 59 s.
2. Vooruzhenny'e sily' balkanskix gosudarstv // *Balkanskiy golos.* 1914. № 1. S. 9–12.
3. K voprosu o nacional'nosti makedonskix slavyan // *Slavyanskije izvestiya.* 1915. № 6. S. 86–88.
4. *Korablev V.* Bolgarskaya cerkov' i inoslavnaya propaganda // *Slavyanskije izvestiya.* 1915. № 2. S. 25–27.
5. *Korablev V.N.* Itogi // *Slavyanskije izvestiya.* 1915. № 3. S. 33–36.
6. *Kumani A.M.* Vospominaniya. 1878–1881. M.: Novy'j xronograf, 2015. 314 s.
7. Mezhdunarodny'e otnosheniya v e'poxu imperializma. Dokumenty' iz arxivov czarskogo i Vremennogo pravitel'stv. Seriya 3. T. III. M.; L.: Soce'kgiz, 1935. 450 s.
8. *Milyukov P.N.* Velikaya vojna narodov // *Velikaya vojna: v 2-x t. T. 1.* M.: Knigovek, 2014. 288 s.
9. *Pogodin A.L.* Istoriya Bolgarii. SPb.: Brokgauz-Efron, 1910. 224 s.
10. *Pokrovskij M.N.* Diplomatiya i vojny' czarskoj Rossii v XIX stoletii. M., 1924. 392 s.
11. *Sinel'nikov A.* «Bolgarskiy vy'bor» i czar' Ferdinand. Pochemu Bolgariya vstupila v vojnu vopreki nacional'ny'm interesam // *Rossiya i Evropa do i posle Velikoj vojny' 1914–1918 gg.* M.: «Veche», 2015. S. 61–75.
12. *Shtrandtman V.* Balkanskije vpechatleniya. M.: Knigochej, 2014. 504 s.
13. *Vezhen K.* S'bdinite na kommunizma v B'lgariya // *Kommunisticheskoe znamya.* 1926. № 13–14. S. 20–26.
14. *Gocev G.D.* Nacionalno-osvoboditelnae borba v Makedoniya 1912–1915. Sofiya: B'lgarska akademiya na naukite, 1981. 207 s.
15. *Kuzmanova A.* Ot N'oj do Krajovala. V'prost za Yuzhna Dobrudzha v mezhdunarodniete otnosheniya (1919–1940). Sofiya: Nauka i Izkustvo, 1989. 306 s.
16. *Minchev D.* Uchastieto na naselenieto ot Makedoniya v bolgarskata armiya prez Pervata Svetovna vojna 1914–1918. Sofiya: Sv. Georgi Pobedonosec, 1994. 196 s.
17. *Petrov I.* Makedoniyat front v kraja na vojната през 1918 godina // *B'lgarite v'v vojnite za nacional'no osvobozhdenie i obedinenie 1876–1919.* Pleven: regionalen istoricheski muzej, 2008. 495 s.
18. *Radoslavov V.* Dnevni belezhki. 1914–1916. Sofiya: Sv. Kliment Oxridskiy, 1993. 214 s.
19. *Spasov L.* Predgovor // Maleev L. Shestte mi sreshhi s kajzer Vilxelm II. Sofiya: Sv. Georgi Pobedonosec, 1993. S. 5–13.
20. *Toshev S.* Dejstviyata na III armiya v Dobrudzha през 1916 godina. Sofiya: Zaxarij Stoyanov, 2007. 316 s.

21. *Xineva M.* Boevete pri Tutrakane prez 1916 g. // Tutrakan v istoricheskato razvitiie na Dobrudzha. Tutrakan: Nacionalniya voennoistoricheski muzej, 1995. S. 135–146.
22. *Palmer A.* The Gardeners of Salonika. London: Andre Deutsch, 1965. 286 p.

A.A. Boltaevsky,
I.P. Priadko

**The Macedonian Deadlock:
on the Problem of Bulgaria's Participation in the First World War**

The article discusses the geopolitical aspect of Bulgaria's participation in the First World War. Balkan states in the conditions of the global conflict tried to defend their strategic interests, despite the dominant influence of senior partners in the coalition.

Keywords: First World War; Bulgaria; Balkan Peninsula; Germany.

Дж. Кайгусуз,
А.В. Фадеев

Вступление Турции в НАТО в контексте советско-турецких отношений

Послевоенный период в советско-турецких отношениях характеризуется поиском путей реализации обеими сторонами своих национальных интересов. Главную роль в этом процессе, несмотря на плодотворное сотрудничество в довоенный период, сыграло членство Турции в НАТО. Целью данной статьи является рассмотрение причин вступления Турции в альянс и влияние фактора членства Турции в НАТО на советско-турецкие отношения.

Ключевые слова: НАТО; Турция; СССР; советско-турецкие отношения; холодная война.

С завершением войны США и СССР, которые сотрудничали во Второй мировой войне в качестве союзников, отдалились друг от друга и начали активно реализовывать свои интересы на различных направлениях в контексте международной политической конфронтации в качестве лидирующих акторов на международной арене. В связи с этим можно сказать, что доктрина Трумэна и план Маршалла были первыми мерами, которые были приняты со стороны США против советского экспансионизма на Ближнем Востоке и в Европе во второй половине 1940-х годов. Однако данные меры не были вполне успешными. В качестве доказательства этого тезиса можно указать на февральские события 1948 года в Чехословакии, в результате которых Коммунистическая партия Чехословакии заняла ведущие позиции в политической системе страны. Февральские события стали важной вехой в процессе создания организации Североатлантического договора — НАТО.

Первой реакцией западных стран, которые сильно опасались распространения советского политического влияния в Европе, являлся Брюссельский договор, подписанный 17 марта 1948 года Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом, носивший характер агрессивного военно-политического союза данных государств. Однако данный шаг был недостаточно эффективным, поскольку не включал в себя США, которые являлись самой сильной военной державой западного мира этого периода. Для того чтобы установить баланс сил между западной и советской военной мощью, необходимо было включить США в данную коалицию. Страны — участники Брюссельского пакта не только обязались создать и развивать совместную

единую систему обороны, но и также укрепить социально-экономические связи. В связи с этим следует обратить внимание на 5 и 10 пункты данного договора. В пункте 5 говорится, что если страны-участники данного договора подвергаются атаке в Европе или в Северной Америке, тогда остальные участники могут оказать военно-техническую помощь и при необходимости отправить войска, оружия и боеприпасы в зону боевых действий в соответствии с пунктом 51 Устава Организации Объединенных Наций. А в пункте 10 говорится, что единогласным решением страны участники могут приглашать другие страны в состав данной коалиции, чтобы укрепить безопасность Североатлантического региона. Таким образом, подчеркивается, что Брюссельский пакт имеет открытый характер для других стран, желавших стать членами данной военной структуры [2: с. 192].

Страны — участники Брюссельского пакта создали Западноевропейскую оборонительную организацию (*Western Union Defence Organization*) 28 сентября 1948 года. Ключевой задачей на данном этапе было не формирование новой оборонной организации, а привлечение США к военному союзу. Очевидно, что все пять стран — участников Брюссельского пакта прекрасно понимали, что без США баланс сил против СССР был не в их пользу. Как известно, в соответствии с доктриной Монро США не хотели вмешиваться во внутриевропейские дела, однако в изменившихся международных политических условиях начала холодной войны были вынуждены отказаться от своих традиционных доктринальных установок во внешней политике. Законопроект, который был представлен сенатором Вандербергом в конгрессе США, предполагал объединение с другими военными союзниками и использование права на коллективную оборону в соответствии с пунктом 51 Устава Организации Объединенных Наций при нападении враждебных сил. Законопроект Вандерберга был одобрен Сенатом 11 июня 1948 года. Таким образом, политический и юридический барьер, который существовал между США и оборонной организацией, охватывающей Европу, был снят. После этого стратегического шага, вместе со странами — участниками Брюссельского пакта США, Дания, Италия, Канада, Португалия, Норвегия, Исландия 4 апреля 1949 года в Вашингтоне подписали Североатлантический договор, который создал НАТО, а министерство иностранных дел США опубликовало текст данного договора 18 марта 1949 года. Со своей стороны, реакция СССР также не заставила себя ждать. 31 марта 1949 года в меморандуме правительства СССР о Североатлантическом договоре говорилось о противоречии и враждебном характере данного соглашения: «Текст Северо-атлантического договора полностью подтвердил сказанное в заявлении Министерства Иностранных Дел СССР от 29 января сего года, которое при сем прилагается, как относительно агрессивных целей этого договора, так и относительно того, что Северо-атлантический договор находится в противоречии с принципами и целями Организации Объединенных Наций с обязательствами правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции, принятыми ими по другим договорам и соглашениям. <...>

Чтобы оправдать заключение Северо-атлантического договора, ссылаются на то, что Советский Союз имеет оборонительные договоры со странами народной демократии. Однако эти ссылки совершенно несостоятельны.

Все договоры Советского Союза о дружбе и взаимопомощи со странами народной демократии имеют двусторонний характер и направлены лишь против возможности повторения германской агрессии, об опасности которой не может забывать ни одно миролюбивое государство. <...>

В противоположность этому Северо-атлантический договор является не двусторонним, а многосторонним договором, создающим замкнутую группировку государств, и, что особенно важно, совершенно игнорирует возможность повторения германской агрессии, не имея, следовательно, своей целью предотвращение новой германской агрессии. <...>

На основании всего изложенного Советское Правительство приходит к следующим выводам:

1. Северо-атлантический договор не имеет ничего общего с целями самообороны государств-участников договора, которым никто не угрожает и на которые никто не собирается нападать...

2. Северо-атлантический договор не только не содействует укреплению мира и международной безопасности, что является обязанностью всех членов Организации Объединенных Наций, но он находится в прямом противоречии с принципами и целями Устава ООН и ведет к подрыву Организации Объединенных Наций.

3. Северо-атлантический договор находится в противоречии с договором между Великобританией и Советским Союзом, заключенным в 1942 году...

4. Северо-атлантический договор находится в противоречии с договором между Францией и Советским Союзом, заключенным в 1944 году...

5. Северо-атлантический договор находится в противоречии с... соглашениями между Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Великобританией, заключенными на Ялтинской и Потсдамской конференциях...» (Меморандум правительства СССР о северо-атлантическом договоре (31 марта 1949 года). URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_383/doc383a284x707.htm (дата обращения: 03.08.2016)).

В течение этого бурного периода в Турции начали формироваться новые внешние и внутренние политические тенденции. В 1946 году сформировалась многопартийная система как следствие предпочтительного демократического развития, которое было заявлено до Второй мировой войны, а на первых многопартийных парламентских выборах, которые были проведены тоже в 1946 году, правящая Республиканская народная партия Турции одержала победу. При этом изменение политической динамики проявило себя в форме широких перемен в общественном сознании и оказало большое влияние на процесс формирования нового внешнеполитического курса страны. В послевоенный период идея участия Турции в любой западноориентированной организации находила поддержку среди турецкого руководства. Таким образом, Турция вступила в Совет Европы сразу после формирования данной организации

9 августа 1949 года. В течение 1947 года Турция пользовалась американской военно-технической и экономической поддержкой в рамках плана Маршалла. В 1948 году после событий в Чехословакии, в результате которых местная Коммунистическая партия пришла к власти, Анкара начала опасаться распространения советского влияния на Ближнем Востоке и в Европе, рассматривая борьбу с ним в качестве самой приоритетной внешнеполитической задачи. В 1949 году правительство Республиканской народной партии Турции подало первую заявку на вступление в НАТО. Однако данная заявка не была принята под отрицательным влиянием некоторых скандинавских стран и стран Бенелюкса, которые считали, что если Турция присоединится к данному союзу в качестве полноправного члена, тогда возможно снижение объема военно-технической и финансовой помощи со стороны США. Данная неудача Республиканской народной партии Турции стала поводом для резкой критики со стороны оппозиционных партии и СМИ страны, основываясь на том, что отказ в праве стать членом НАТО сильно ослабляет защиту страны против СССР и делает Турцию уязвимой перед угрозой советского вторжения на территорию Анатолии. На парламентских выборах, которые прошли 14 мая 1950 года, оппозиционная Демократическая партия Турции одержала победу и пришла к власти. Несмотря на то, что наблюдались резкие перемены политического климата после проведения выборов, все-таки членство Турции в НАТО оставалось приоритетной внешнеполитической задачей Анкары.

Турция была сильно заинтересована в членстве в НАТО под давлением разнообразных причин. Во-первых, 19 марта 1945 года народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов сообщил послу Турции в Москве Селим Сарпер, что договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Турцией, подписанный в 1925 году и заканчивающийся 7 ноября 1945 года, не будет обновлен, поскольку после завершения Второй мировой войны появились новые обстоятельства на международной политической арене и в отношениях между двумя странами. После этого неожиданного поворота событий турецкая сторона в своем ответе от 7 апреля 1945 года спрашивала о новых возможных советских предложениях для создания и подписания нового пакта между двумя странами. Однако советская сторона предлагала следующую формулу: сначала решить все проблемные вопросы между СССР и Турцией, затем подписать новый пакт. Проблемные вопросы, которые были заявлены Москвой на приеме посла Турции в СССР С. Сарпера у наркома В. Молотова в июне 1945 года звучали следующим образом:

1. Восстановление русско-турецкой границы 1914 года и возвращение Карса и Ардагана.
2. Необходимость создания советской военной базы на черноморских проливах и требование о контроле над проливами.
3. Пересмотр конвенции Монтрё и создание нового договора между СССР и Турцией [1: с. 186–187].

Ключевым для советской стороны являлся вопрос о проливах. Однако С. Сарпер, являясь сторонником сближения между СССР и Турцией, предлагал

рассмотрение вопроса о заключении союзного договора между двумя странами, поскольку решение вопроса о проливах в двухстороннем формате ставило под угрозу национальную безопасность Турции. Однако все усилия Турецкого посла сводились на нет, поскольку глава советского внешнеполитического ведомства постоянно поднимал на встрече территориальный вопрос, приводя в качестве позитивного примера пересмотр границ Польши и согласие на это польского руководства. При обсуждении вопроса о проливах камнем преткновения стал вопрос о создании военно-морской базы СССР, так как турецкий посол в целом соглашался с советской позицией по проливам, но отрицал необходимость их совместной охраны. В свою очередь Молотов заявлял, что Советский Союз нуждается в больших гарантиях безопасности Черного моря, чем подписи в совместном соглашении [1: с. 200–203].

Довольно сильный резонанс вызвало письмо в газету «Коммунист» грузинских академиков С. Джанашиа и Н. Бердзенишвили «О наших законных требованиях к Турции». В данном письме грузинские ученые с исторической точки зрения доказывали правомочность претензий грузинского народа на целый ряд районов, в частности Ардагана, Артвина, Олты, Тортума, Байбурта, Гюмюшанэ и восточного Лазистана. Риторика письма демонстрировала весьма жесткое и крайне негативное по отношению к турецкой стороне отношение, выражаясь в обвинении Турции в многовековой агрессии против грузинского народа, оккупации земель в годы Гражданской войны, разрушению грузинской культуры и стиранию топонимов. Одним из последних аргументов против турецких прав на заявленные районы являлись прямые обвинения Турции в фактическом пособничестве Германии во Второй мировой войне (Правда. № 301. 1945. 20 декабря).

Во-вторых, Анкара, которая сблизилась с США на фоне перспектив взаимовыгодного экономического сотрудничества и военно-технической помощи в рамках доктрины Трумэна и плана Маршалла, опасалась все большего усиления советских территориальных претензий. Как известно, развитие внешнеполитического мышления в духе реализма, которое наблюдалось в Турции во время Второй мировой войны, способствовало развитию у турецкого руководства опасений, что страна может остаться в одиночестве на международной арене после окончания войны. По мнению политической элиты Турции этого периода, только членство в НАТО могло дать гарантии безопасности в условиях холодной войны.

В-третьих, после завершения Второй мировой войны в Турции наблюдалось стремление к созданию многопартийного политического режима и серьезные экономические проблемы, особенно в плане поиска новых финансовых ресурсов для развития страны. Данные проблемы увеличивали желание Анкары вступить в НАТО, так как турецкая политическая элита сильно опасалась снижения финансовой и военно-технической поддержки США, если Турция будет вне этого союза. С точки зрения турецких властей, без экономического

развития невозможно было говорить о переходе к демократизации. Тогда членство в НАТО было единственное и самое эффективное решение для будущего современной Турции, так как, по мнению политической элиты страны, членство в НАТО способствовало процессу реализации задач экономического, военного и политического развития страны.

Однако принятие Турции в НАТО для стран — участниц альянса являлось весьма спорным и неоднозначным решением, которое могло иметь в том числе и долгосрочные негативные последствия. Среди наиболее значимых препятствий Турции на пути к НАТО следует выделить следующие моменты:

1) недостаток средств, выделяемых на обеспечение внешнеполитической деятельности в США до Корейской войны, что заставляло руководство США ограничивать себя преимущественно выстраиванием альянса в Североатлантическом регионе;

2) опасения малых членов альянса по причине потенциального вовлечения в Ближневосточный или Балканский конфликт, а также желание сохранить объемы помощи США в прежнем объеме;

3) планы Великобритании по созданию отдельной ближневосточной организации;

4) нежелание Конгресса ввиду сложной ситуации в Греции расширять зону ответственности альянса;

5) нежелание обострять отношения с СССР и демонстрировать экспансионистский характер НАТО за счет включения в свой состав пограничного с СССР государства вне Североатлантического региона [4].

С другой стороны, в Вашингтоне поддержка Турции в процессе членства в НАТО усиливалась с каждым днем. Определенная часть руководства США всегда благосклонно смотрела на перспективу присоединения Турции к альянсу потому, что вхождение Турции в состав НАТО имело большое значение и давало ощутимые преимущества для Вашингтона. Данные преимущества можно определить следующим образом:

1) желание Вашингтона усилить меры по национальной безопасности на фоне успешного испытания первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 года и завершения эпохи ядерной монополии США. Кроме того, подписание советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 года также представляло угрозу национальным интересам Вашингтона;

2) потребность создания американских военно-воздушных баз на территории Турции для использования стратегических бомбардировщиков и бомбардировщиков средней дальности против СССР. Как известно, Турция соглашалась с этой идеей только при условии вступления в НАТО в качестве полноправного члена;

3) геополитическое значение Турции в данном регионе для американских стратегических планов и положительное отношение Конгресса США к членству Турции в НАТО [5: с. 262].

В данных условиях в начале 1950-х годов Турция активно продолжала свою деятельность и сконцентрировала усилия для реализации плана вхождения в состав НАТО. В связи с этим можно отметить, что начало Корейской войны открыло для Турции возможность для вступления в НАТО. Соответственно, правительство Демократической партии Турции под руководством премьер-министра Аднана Мендереса, которое пришло к власти в результате парламентских выборов 14 мая 1950 года, оперативно воспользовалось предоставленной возможностью. Как известно, сразу после начала войны по инициативе США был собран не в полном составе Совет Безопасности ООН. На внеочередном заседании 27 июня 1950 года было принято решение отправить войска стран — участников ООН против северокорейской армии. Данное решение также было сообщено телеграммой Министерству иностранных дел Турции. 25 июля 1950 года в Анкаре был собран кабинет министров и было принято решение отправить одну бригаду из 4500 турецких военных в Корею под эгидой ООН (Hürriyet. 1950. 26 Temmuz).

Примечательно, что первой страной, откликнувшейся на предложение отправить миротворческий контингент в Корею, была именно Турция. Кроме этого, по численности военных в Корейской войне Турция занимала второе место после США. Данное решение кабинета министров Турции было принято под большим влиянием и давлением премьер-министра Аднан Мендерес, так как он считал, что война на Корейском полуострове была хорошей возможностью подтвердить прозападную ориентацию Турции и тем самым сделать возможным вхождение страны в состав НАТО. Участие в Корейской войне было исключительным случаем, поскольку вооруженные силы современной Турции никогда не принимали участие в военных конфликтах за рубежом до данного периода. Ради членства в НАТО и интересов западных стран турецкие солдаты были отправлены в далекие, чужие, неизвестные земли. Решение, принятое Демократической партией Турции, которая совсем недавно пришла к власти в стране, имело весьма трагические последствия: 721 погибших, 2147 раненых, 234 военнослужащих захвачены противником в плен и 175 пропавших без вести [3]. Корейская война завершилась подписанием перемирия от 27 июля 1953 года.

Участие Турции в Корейской войне явилось одним из важнейших стимулов для активизации усилий США по достижению консенсуса в НАТО, касающегося принятия Турции в альянс. 14–21 февраля 1951 года в Стамбуле прошла конференция американских дипломатических представителей в странах Ближнего Востока. На этой конференции помощник госсекретаря США Дж. Макги выразил глубокую признательность Турции за участие в Корейской войне и заявил о намерении США заключить с Турцией пакт о безопасности. В свою очередь президент Турции М. Байяр заявил, что в рамках блокового противостояния сверхдержав маргинальное положение Турции, которая «с одним блоком враждует, а в другой... не принимают», оставляет Турцию недовольной

ситуацией [1: с. 610–611]. 15 мая 1951 года США предложили своим союзникам подтвердить вхождение Турции и Греции в состав НАТО в качестве полноправных членов-государств. Однако Норвегия, Дания и Великобритания с сомнением относились к этому предложению. Спустя четыре месяца после завершения заседания Совета министров стран НАТО в Оттаве 16–20 сентября 1951 года прошло еще одно специальное заседание, на котором было принято единогласное решение о вступлении Турции и Греции в НАТО в качестве полноправных участников.

Членство Турции в НАТО встретило определенное сопротивление в альянсе, поскольку между Анкарой и Лондоном был долгий спор о месте Турции в организации. Как известно, Лондон настойчиво защищал позицию о создании специального штаба на Ближнем Востоке и прикреплении турецких вооруженных сил к данному штабу. В свою очередь Анкара с самого начала хотела принимать участие в НАТО под руководством генштаба, поскольку опасалась, что будет вытеснена и ограничена в рамках Ближневосточного региона под руководством специального штаба Ближнего Востока. 16 Февраля 1952 года членство Турции и Греции в НАТО было официально подтверждено Комитетом по иностранным делам Сената США, Советом иностранных дел Италии и Парламентом Исландии. 18 февраля 1952 года Парламент Турции проголосовал за закон о вступлении в НАТО, и на следующий день он был опубликован в официальной газете Турецкой Республики (Т.С. Resmi Gazete. 1952. 19 Şubat).

Членство Турции в НАТО вызвало двухсторонний обмен дипломатическими нотами между Турцией и СССР. Советские дипломаты в своих посланиях выражали глубокую обеспокоенность вступлением Турции в агрессивный с советской точки зрения военный блок, предупреждая турецкое руководство о превращении Турции в плацдарм агрессивной внешней политики стран Запада. В свою очередь турецкие дипломаты заявляли о бездоказательности советских обвинений по отношению к альянсу, предъявив взаимные обвинения в агрессивности намерений СССР и стран, получающих от него военную помощь. В итоге турецкое руководство фактически проигнорировало последнюю советскую ноту, вполне резонно предположив, что в данной ситуации стороны уже не смогут найти взаимоприемлемое решение сложившихся противоречий, так как единственное решение, которое могло оставить советскую сторону удовлетворенной, — выход Турции из НАТО — было несовместимо с уже сформировавшимся турецким курсом в сферах внешней политики и обороны [4: с. 68].

Турция, которая успешно вела сбалансированную внешнюю политику до начала Второй мировой войны, должна была сменить курс из-за возникновение конфронтации и недоверия между СССР и США после завершения войны. Подобная политическая атмосфера стимулировала и форсировала изменение внешнеполитического курса Турции в сторону сближения с Западом. Создание НАТО с целью предотвращения усиления позиций СССР и распространения

советского влияния в Ближневосточном регионе и в Европе было воспринято в Анкаре с большим энтузиазмом. Для укрепления целостности страны Турция использовала всевозможные методы и прилагала большие усилия, чтобы войти в состав НАТО. В этот период США, в свою очередь, поддерживало Анкару по вопросу о членстве в НАТО с целью обеспечения оптимального контроля над Ближневосточным регионом, где расположены нефтяные ресурсы, которые имеют крайне важное значение для американской национальной промышленности. На фоне бурных событий в начале 1950-х годов стратегическое значение Турции значительно возросло. Кроме того, Турция хорошо показала себя в качестве надежного военного союзника в Корейской войне. Таким образом, участники НАТО одобрили членство Турции по инициативе американской стороны. Членство Турции в НАТО оказало большое влияние на внешнюю политику Анкары и на советско-турецкие отношения. Западные страны хотели превратить Турцию в ведущего актора на Ближнем Востоке для укрепления своих стратегических интересов. После вступления в НАТО Турция пыталась принимать определенные меры против СССР под влиянием своих западных партнеров, и данный процесс вызывал резкую отрицательную политическую реакцию Москвы. Западноориентированный курс Турции продолжался до начала 1960-х годов. Однако во время Карибского кризиса Турция ощущала серьезные проблемы из-за членства в НАТО и начала подвергать сомнению свои западноориентированные внешнеполитические мотивы, а переломным моментом для турецкой внешней политики стал Кипрский кризис. Как известно, после завершения миротворческой операции на Кипре западные партнеры Турции ввели санкции и эмбарго против Анкары, а СССР продолжал сотрудничать с Турцией в контексте соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве от 25 марта 1967 года. Таким образом, Турция ясно осознала, что следование исключительно западноориентированному политическому курсу было серьезной ошибкой. Очевидно, что членство в НАТО принесло Анкаре не только пользу, но и серьезные проблемы. Необходимо признать, что благодаря членству в альянсе Турция получила большую финансовую поддержку, при этом стратегические цели Анкары и НАТО не всегда совпадали, и именно по этой причине Турция ощущала стагнацию в отношениях с некоторыми странами, прежде всего с СССР, который играл важную положительную роль в процессе формирования современной светской Турецкой Республики.

Резюмируя причины формирования внешнеполитического курса Турции в период холодной войны, апофеозом которой стало вступление Турции в НАТО, следует ответить на вполне логичный вопрос: какая из причин являлась основополагающей при принятии такого стратегического решения? Позиции по данному вопросу формируют две точки зрения на заявленную проблему. Согласно первой точке зрения, причиной сближения Турции с Западом стала недальновидная политика СССР, выраженная в неприемлемых для Турции требованиях, касающихся, в частности, ее территориальной целостности. Подобные требования

не только повлияли на межгосударственные отношения, но также создали крайне неблагоприятный фон в турецком обществе, практически исключая возможность использования в политическом дискурсе внутри Турции тему смены курса на более благожелательный по отношению к СССР. Вторая точка зрения гласит, что претензии СССР стали для прозападных сил в Турции прекрасной возможностью установить прочное и долгосрочное военно-политическое и экономическое сотрудничество со странами Запада. В пользу этой точки зрения приводится стабильно жесткая и враждебная позиция турецкого руководства по отношению к СССР, по крайней мере, до Кипрского кризиса, несмотря на то, что давление СССР на Турцию имело относительно краткосрочный характер. Тот факт, что смена руководств и изменение подходов к внешней политике в двух странах не оказывало влияние на общий характер отношений, свидетельствует о том, что в основе сложившейся на тот момент системы отношений между двумя странами лежали более глубокие причины, чем ситуативные просчеты и неуместные претензии. Несмотря на непротиворечивость обеих точек зрения, поставленная проблема имеет фундаментальное значение для анализа советско-турецких отношений в годы холодной войны, поскольку в скрытой форме содержит в себе вопрос: существовал ли альтернативный путь развития отношений или же формирование антисоветской позиции Турции было неизбежным следствием холодной войны?

Литература

1. *Гасанлы Дж.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр Пропаганды, 2008. 663 с.
2. *Armaoğlu F.* Belgelerle Türk Amerikan Münasebetleri. Ankara: TTK Yayınevi, 1991. 376 p.
3. *Pasifik A., Analiz M., Zenginoğlu S.* Kore Savaşı ve Türkiye. Kasım 13, 2011. – URL: <http://politikakademi.org/2011/11/kore-savasi-ve-turkiye/> (дата обращения: 10.08.2016).
4. *Ulgul M.* The Soviet influence on Turkish foreign policy (1945–1960). Florida State University. 2010. 117 p. – URL: <http://diginole.lib.fsu.edu/islandora/object/fsu:175981/datastream/PDF/view> (дата обращения: 12.08.2016).
5. *Ülman H.* Türk dış politikasına yön veren etkenler. Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. 1968. № 3. 273 p.

Literatura

1. *Gasanlı' Dzh.* SSSR – Turciya: ot nejtraliteta k xolodnoj vojne (1939–1953). М.: Centr Propagandy, 2008. 663 s.
2. *Armaoğlu F.* Belgelerle Türk Amerikan Münasebetleri. Ankara: TTK Yayınevi, 1991. 376 p.
3. *Pasifik A., Analiz M., Zenginoğlu S.* Kore Savaşı ve Türkiye. Kasım 13, 2011. – URL: <http://politikakademi.org/2011/11/kore-savasi-ve-turkiye/> (дата обращения: 10.08.2016).

4. *Ulgul M.* The Soviet influence on Turkish foreign policy (1945–1960). Florida State University. 2010. 117 p. – URL: <http://diginole.lib.fsu.edu/islandora/object/fsu:175981/datastream/PDF/view> (дата обращения: 12.08.2016).

5. *Ülman H.* Türk dış politikasına yön veren etkenler. Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. 1968. № 3. 273 p.

*C. Kaygusuz,
A.V. Fadeev*

Turkey's Entry in NATO in the Context of the Soviet-Turkish Relations

The period after the Second World War in the Soviet-Turkish relations is characterized by searching for ways of implementation by both sides of their national interests. In spite of the prewar fruitful cooperation between both countries, the membership of Turkey in NATO played the decisive role in this process. The article is aimed at consideration of the reasons for Turkey's accession to the Alliance and the impact of the factor of Turkey's NATO membership on the Soviet-Turkish relations.

Keywords: NATO; Turkey; USSR; Soviet-Turkish relations; the Cold War.

**Рецензия на книгу:
Митина С.И. Антиох III. Один против Рима
(СПб.: Алетейя, 2014. 346 с.)**

Исходя из названия, книга кандидата исторических наук, доктора юридических наук С.И. Митиной посвящена борьбе царя Антиоха III из династии Селевкидов с Римской республикой. Однако читателя, желающего получить подробную информацию по этой теме, следует предупредить: содержание рассматриваемого труда не вполне соответствует названию. О дипломатическом и военном противостоянии Антиоха III и Римской республики в книге говорится на первых двух страницах (с. 5–6), а затем — только в последнем, семнадцатом, по счету разделе (с. 300–321).

Впрочем, столкновение с Римом (192–188 гг. до н. э.) было лишь заключительным периодом внешнеполитической деятельности Антиоха III (время правления: 223–187 гг. до н. э.). Это столкновение оказалось полной катастрофой, оборвавшей долгое и до того времени в целом успешное правление царя, заслужившего у своих подданных прозвище «Великий». Ко времени столкновения с Римом Антиох III был уже опытным политиком и полководцем, знавшим и победы, и поражения. Царь начал свое правление с подавления восстания в Мидии, неудачи в войне с Птолемеем IV за Келесирию и восстановления контроля над малоазийскими владениями. Затем он перенес внимание на восток и в 212–205 гг. до н. э. совершил Восточный поход. Умелое сочетание дипломатических и военных средств, точно выбранный лозунг защиты эллинов в Азии позволили ему восстановить контроль над всеми районами, ранее подчинявшимися династии Селевкидов.

Внешней политике Антиоха III была в свое время посвящена основательная и интересная кандидатская диссертация С.И. Митиной [1] (мне довелось выступить оппонентом на ее защите). В рецензируемой книге о внешней политике царя, включая Восточный поход, говорится в третьем разделе (с. 34–65) и время от времени упоминается в связи с рассматриваемыми проблемами

международных отношений в эпоху эллинизма (но не чаще, чем о деятельности других эллинистических правителей).

Таким образом, рецензируемая книга — не о борьбе Антиоха III с Римом и даже не о его внешней политике в целом. Содержание книги намного шире заявленного названия. Большая ее часть базируется на материале докторской диссертации автора [2]. По существу перед нами множество очерков, посвященных проблемам истории международного права: всего в книге 17 разделов, а рассказ о правлении Антиоха III занимает только два из них. В остальных разделах книги говорится о процедуре и обстоятельствах принятия царской власти диадохами, о роли армии и военных достижений в этом процессе (с. 26–33); о взаимоотношениях полисов и монархов в эллинистическом мире, о роли полисов в международных делах (с. 66–80); о стратегии и тактике Рима в период его экспансии в Восточном Средиземноморье (с. 81–98); о роли оракулов, святилищ, религиозных празднеств в международных отношениях и об обожествлении правителей (с. 99–113); о дипломатической практике периода эллинизма (с. 114–139); о праве убежища (140–146); о международных договорах как основе дипломатического права (с. 147–164); о военном (с. 165–193) и морском праве (с. 194–214); о нормах, регулировавших международные экономические отношения (с. 215–229); о влиянии династических связей (с. 230–245) и наследственного права (с. 246–258) на международную политику; о международном арбитраже (с. 259–272); о политико-идеологическом обосновании власти эллинистическими монархами и их культурной политике (с. 273–299).

С.И. Митина стремится оценить эллинистическую эпоху в целом как особый этап в развитии международного права (отсюда — множество научных проблем, рассматриваемых в работе). По ее мнению, еще Коринфский конгресс «положил начало истории нового *мирового порядка* (курсив мой. — Ф. М.), основанного на принципах сосуществования государств с различной формой правления» (с. 8). В последующем, считает она, в эллинистическом мире действовал принцип равновесия (или баланса) сил, «целью которого было обеспечение сосуществования эллинистических государств и их способности противостоять варварскому миру, к которому относилась и Римская республика» (с. 116). Этот принцип нашел выражение в «тактике сдерживания взаимных амбиций», в «нежелании доводить противника до полного поражения». Примером этого С.И. Митина считает бездействие Птолемея IV после победы над Антиохом III в битве при Рафии в 217 г. до н. э.: «Он вовсе не намеревался доводить последнего до полного разгрома. В этом как раз и выражалось одно из основных правил практики построения отношений между эллинистическими государствами: сохранять паритет сил ради стабильности всей системы» (с. 117).

Эллинистический период в истории международного права С.И. Митина оценивает исключительно высоко. Например, в разделе «Борьба за море. Истоки морского права» она пишет, что «правовое закрепление режима морских

пространств начинает развитие с региона Восточного Средиземноморья и именно в эллинистический период» (с. 195). Не умаляя достижений эллинистического мира, хотелось бы заметить, что есть все же примеры более ранних правовых решений. Например, по Каллиеву миру между греками и персами было установлено, что персидские военные суда не должны были появляться между Хелидонскими на юге и Кианийскими на севере островами, т. е. на территории от входа в Босфор на Черном море до восточной части Средиземного моря. Разве это не «правовое закрепление режима морских пространств»?

С.И. Митина рисует картину «высоко цивилизованного» (с. 82) для своего времени сообщества государств, зажато в тиски с востока и с запада миром варваров. А царь Антиох III рассматривается как последний защитник эллинистического мира, добившийся успеха против варваров на востоке и потерпевший сокрушительное поражение в борьбе с варварами (римлянами) на западе. В связи с этим можно заметить, что название книги в определенной мере оправдано, хотя, как было сказано, книга большей частью не об Антиохе III.

К Риму как разрушителю эллинистической системы С.И. Митина относится крайне негативно. Вот некоторые оценки римской политики: «римляне продемонстрировали свое презрение к международному мнению, когда оно больше не имеет значения», их поведение «явно противоречило всем представлениям о правилах межгосударственного общения» (с. 91).

Или в другом месте об экспансии Рима в Восточном Средиземноморье: «В европейской дипломатии это, пожалуй, первый пример, когда молодое государство, быстро нарастившее военный потенциал, но не овладевшее еще достаточным уровнем политической культуры, вступило на путь борьбы за передел мира. Рим не смущал тот факт, что древний и высоко цивилизованный мир Восточного Средиземноморья на протяжении веков вырабатывал свой стиль и свои правила дипломатии, что политическая карта региона сложилась в результате битвы «гигантов» политики и военного дела, которых даже современники сравнивали с богами» (с. 82).

Увы, римлян действительно не остановил авторитет создателей «высоко цивилизованного мира». Но разве в европейской дипломатии это первый пример? Разве нельзя сказать ровно то же самое о подчинении греческих полисов македонскому царю Филиппу II или о дипломатии и последующей агрессии против персов Александра Македонского? Разве те же «гиганты» действовали иначе?

Антиоху III как защитнику эллинистического мира С.И. Митина симпатизирует. Например, она в возвышенных выражениях подводит итог Восточному походу царя, хотя сама же мельком упоминает, что его успехи на востоке оказались эфемерными (а после гибели правителя Греко-Бактрия, Парфия и Персида вообще вышли из-под контроля Селевкидов). «И хотя после ухода сирийской армии азиатские сатрапии вновь оказались вне досягаемости царской администрации, результаты похода имели широкий международный

резонанс. Антиох теперь по праву мог называться верховным правителем всех эллинов Азии, достойным преемником Александра Македонского и Селевка Никатора. <...> Эллинистический мир благодаря Антиоху III почувствовал возможность возрождения былого могущества эллинов, покоривших Азию. Появилась надежда, что впереди еще много великих свершений, еще появятся герои, способные завершить планы Александра Македонского и объединить все Средиземноморье под властью греко-македонян» (с. 60). Здесь уже теряется грань между вероятным восприятием заслуг Антиоха III его подданными (но, конечно, не «греко-македонянами», жившими в других эллинистических государствах) и отношением к деяниям царя автора книги. Выходит, завоевание всего Средиземноморья каким-нибудь эллинистическим монархом не являлось бы агрессией и велось бы по особым правилам «высоко цивилизованного мира»?

В заключение еще одно замечание. Военно-политическое противостояние, вынесенное в заглавие книги («один против Рима»), неоднократно именуется борьбой за «мировое господство». В первый раз (на с. 6) выражение взято в кавычки, но в дальнейшем употребляется без них (в том числе в заголовке пятого раздела: «Рим и эллинистический Восток: стратегия и тактика на пути к мировому господству»). Кстати, и Коринфский конгресс, как выше было отмечено, по словам автора книги, начал установление «мирового порядка». Все это, конечно, преувеличение: «мировой» политика становится намного позже, и уж, конечно, ни римляне, ни Антиох III не ставили своей целью «мировое господство».

Высказанные замечания, как нетрудно заметить, относятся к оценочной, причем, скорее, эмоциональной сфере. В научном отношении книга С.И. Митиной как историко-правовое исследование информативна и содержит немало оригинальных концептуальных положений. А известная доля увлеченности, наверное, должна иметь место: без этого не создать интересную книгу. К тому же С.И. Митина не затушевывает негативные стороны политики и дипломатии правителей эллинистических государств, включая Антиоха III. Таково, например, изложение известных событий, когда Антиох III и царь Македонии Филипп V решили поживиться за счет Египта после смерти Птолемея IV и когда египтянам пришлось обратиться за поддержкой к Риму (с. 87–88). Это как раз и предоставило римлянам прекрасную возможность для вмешательства в дела эллинистического мира. Здесь и речи не заходило об общих для эллинистического мира интересах, о «балансе сил». В связи с этим С.И. Митина справедливо констатирует: «Никто не мог дать гарантий, что намерения двух царей ограничатся периферийными владениями Птолемея. Все эти события означали крушение баланса сил не только в рамках эллинистического общества, но и всего Средиземноморья» (с. 88). Хотя симпатии С.И. Митиной на стороне Антиоха III в его защите эллинистического мира, но она не идеализирует царя и вполне обоснованно оценивает его действия в период противостояния с Римом как сплошную цепь ошибок и заблуждений (с. 301 и след.).

Литература

1. Митина С.И. Внешняя политика Антиоха III: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 18 с.
2. Митина С.И. Формирование и развитие механизма правового регулирования межгосударственных отношений в эллинистическом мире (IV–I вв. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 44 с.

Literatura

1. Mitina S.I. Vneshnyaya politika Antioxa III: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1994. 18 s.
2. Mitina S.I. Formirovanie i razvitie mexanizma pravovogo regulirovaniya mezhgosudarstvenny'x otnoshenij v e'llinisticheskom mire (IV–I vv. do n. e'.): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2008. 44 s.

Ф.А. Михайловский

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2016, № 4 (24)**

Бадиков Роман Андреевич — аспирант кафедры истории России, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), (badikov.roman@gmail.com).

Болтаевский Андрей Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философских и социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного университета пищевых производств (boltaev83@mail.ru).

Гусева Инна Евгеньевна — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (ieguseva@mail.ru).

Кайгусуз Джумхур — аспирант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (cumhurkaygusuz@hotmail.com).

Кириллов Виктор Васильевич — кандидат исторических наук, профессор, директор ИГНиУ, МГПУ (Kirillov@mgpu.ru).

Куприна Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (IVKuprina@pushkin.institute).

Лопаткин Иван Николаевич — аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет (ivan-lopatkin1988@mail.ru).

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Нагиев Гаджирагим Гаджикерим оглы — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина (hnagiev@gmail.com).

Орехов Роман Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН (radamant67@mail.ru).

Подшибякин Сергей Сергеевич — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (mr.visenka@rambler.ru).

Прядко Игорь Петрович — кандидат культурологии, доцент кафедры общей психологии Международного славянского института (prydsko.igor@yandex.ru).

Третьякова Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (IATretiakova@pushkin.institute).

Фадеев Алексей Владимирович — аспирант кафедры новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (theman_who_sold_theworld@mail.ru).

AUTHORS

of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Historical Studies», 2016, № 4 (24)

Badikov Roman Andreevich — a postgraduate student, South Ural State University (National Research University) (badikov.roman@gmail.com).

Boltaevsky Andrei Andreevich — Ph.D. (History), docent of department of Philosophy and Socio-Humanitarian disciplines, Moscow State University of Food Production (MSUFP) (boltaev83@mail.ru).

Guseva Inna Eugenjevna — a postgraduate student of department of History of Russia, MCU (ieguseva@mail.ru).

Kaygusuz Cumhur — a postgraduate student of the department of History and Politics of Russia, N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (cumhurkaygusuz@gmail.com)

Kirillov Viktor Vasilievich — Ph.D. (History), professor, head of Institute of Humanitarian Sciences, MCU (Kirillov@mgpu.ru).

Kuprina Irina Viktorovna — Ph.D. (History), docent of department of Social and Humanitarian Disciplines, A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language (IVKuprina@pushkin.institute).

Lopatkin Ivan Nikolaevich — a postgraduate student of department of World History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Teachers' Training University (ivan-lopatkin1988@mail.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, professor, head of department of World History, MCU (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Nagiev Gadzhiragim Gadzhikerim ogly — Ph.D. (History), docent of department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology (hnagiev@gmail.com).

Orekhov Roman Aleksandrovich — Ph.D. (History), senior researcher of the Centre of Egyptological Studies of Russian Academy of Sciences (radamant67@mail.ru).

Podshibyakin Sergei Sergeevich — a postgraduate student of department of History of Russia, MCU (mr.visenka@rambler.ru)

Priadko Igor Petrovich — Ph.D. (Cultural Sciences), docent of department of General Psychology, International Slav institute (prydcko.igor@yandex.ru).

Tretyakova Irina Anatolyevna — Ph.D. (History), docent of department of Social and Humanitarian disciplines, A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language (IATretyakova@pushkin.institute).

Fadeev Alexey Vladimirovich — a postgraduate student of the department of Modern and Contemporary History of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (theman_who_sold_theworld@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка», на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Федору Александровичу Михайловскому* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 4 (24), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
И.Е. Посоха
Корректор:
К.М. Музамилова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 26.12.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.